

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВЫЛЕГЖАНИН Александр Николаевич

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИВАНОВ Дмитрий Владимирович

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ТУЗМУХАМЕДОВ Бахтияр Раисович

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

БАТЛЕР Уильям

доктор права, Заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фуллера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

БЕРКМАН Пол

профессор, Школа права и политики, Университет Тафтса (Медфорд, США)

БОРИСОВ Алексей Николаевич

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ВЕРЕИНА Лариса Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЕГОРОВ Сергей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

ИВАНЧАК Анна Ивановна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

КАРТАШКИН Владимир Алексеевич

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич

Академик Российской академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКУЕВ Николай Ильич

доктор юридических наук, профессор, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

АЛИМОВ Кадыр Захидович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Национальный университет Узбекистана (Ташкент, Узбекистан)

БЕЙШЕМБИЕВ Эсенгул Жумашевич

доктор юридических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

БИРЮКОВ Михаил Михайлович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ИВАНЕНКО Виталий Семенович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

КОЛОСОВА Светлана Юрьевна

магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил» (Москва, Российская Федерация)

КУЛЕБЯКИН Вячеслав Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

МУРАНОВ Александр Игоревич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ПАВЛОВА Людмила Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

РАДЖАБОВ Саитумбар Адинаевич

доктор юридических наук, заведующий отделом международного права, Институт философии, политологии и права им. А.М. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Таджикистан)

САВАСЬКОВ Павел Васильевич

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

САИДОВ Акмаль Холматович

доктор юридических наук, профессор, директор, Институт (Национальный центр) по правам человека Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

КОСТИН Алексей Александрович

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

КОТЛЯРОВ Иван Иванович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (*Москва, Российская Федерация*)

КУРДЮКОВ Геннадий Иринархович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (*Казань, Российская Федерация*)

ЛАБИН Дмитрий Константинович

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ЛАЗУТИН Лев Александрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (*Екатеринбург, Российская Федерация*)

ЛЯХОВ Евгений Григорьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (*Москва, Российская Федерация*)

МОИСЕЕВ Алексей Александрович

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (*Москва, Российская Федерация*)

МОНАСТЫРСКИЙ Юрий Эдуардович

кандидат юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (*Москва, Российская Федерация*)

МЮЛЛЕРСОН Рейн

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (*Таллин, Эстония*)

МЯЛКСОО Лаури

профессор международного права, Университет г. Тарту (*Таллин, Эстония*)

НЕФЕДОВ Борис Иванович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ПОТЬЕ Тим

доктор права, приглашенный профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ХЛЕСТОВ Олег Николаевич

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ШУМИЛОВ Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (*Москва, Российская Федерация*)

ЭНТИН Марк Львович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**ЕФИМОВА Анна Ивановна**

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (*Москва, Российская Федерация*)

САРСЕМБАЕВ Марат Алдангорович

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (*Астана, Казахстан*)

САФАРОВ Низами Абдулла оглу

доктор юридических наук, заведующий отделом административного и военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики (*Баку, Азербайджан*)

ТИМЧЕНКО Леонид Дмитриевич

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Национальный университет Государственной налоговой службы Украины (*Киев, Украина*)

ТОЛСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович

доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ТРЕБКОВ Андрей Адамович

Заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (*Москва, Российская Федерация*)

УСТИНОВ Владимир Васильевич

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (*Ростов-на-Дону, Российская Федерация*)

ХАИТОВ Мурад Овезгельдыевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Туркменский государственный университет им. Махтумкули (*Ашхабад, Туркмения*)

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil2@mail.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 20.09.2018 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 1724

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Выпускающий редактор – А.Н. Вылегжанин

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2018

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander Nikolaevich Vylegzhanin

Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry Vladimirovich Ivanov

Candidate of Laws, Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Bakhtiyar Raisovich Tuzmukhamedov

Candidate of Laws, Leading Researcher, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Khuseinovich Abashidze

Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Paul Berkman

Professor, School of Law and Politics, Tufts University (*Medford, USA*)

Alexey Nikolaevich Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Larisa Vladislavovna Vereina

Candidate of Laws, Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Sergey Alexeevich Egorov

Doctor of Laws, Professor, Professor of the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Anna Ivanovna Ivanchak

Doctor of Laws, Professor, Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir Alexeevich Kartashkin

Doctor of Laws, Professor, Chief Researcher of the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly Vasilievich Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Nikolai Ilyich Akuev

Doctor of Laws, Professor, Head of the Institute of Justice of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Kadyr Zakhidovich Alimov

Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department of the National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Esengul Zhumashevich Bejshembiev

Doctor of Laws, Professor of the Institute of Law of the Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Mikhail Mikhailovich Biryukov

Doctor of Laws, Professor, Professor of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Vitaly Semyonovich Ivanenko

Candidate of Laws, Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department of the Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Svetlana Yurievna Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces, Moscow, Russian Federation

Vyacheslav Nikolaevich Kulebyakin

Candidate of Laws, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Alexander Igorevich Muranov

Candidate of Laws, Associate Professor, Associate Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Ludmila Vasilievna Pavlova

Candidate of Laws, Associate Professor, Professor of the International Law Department of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus

Saitumbar Adinaevich Radzhabov

Doctor of Laws, Bakhovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Science of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Akmal Kholmatovich Saidov

Doctor of Laws, Professor, Head of the Human Rights Institute (National Center) of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Alexey Alexandrovich Kostin

Candidate of Laws, Professor, Head of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ivan Ivanovich Kotlyarov

Doctor of Laws, Professor, Professor of the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Gennady Irinarkhovich Kurdyukov

Doctor of Laws, Professor, Professor of the International and European Law Department of the Kazan Federal University (*Kazan, Russian Federation*)

Dmitry Konstantinovich Labin

Doctor of Laws, Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Lev Alexandrovich Lazutin

Doctor of Laws, Professor, Head of the International and European Law Department of the Ural State Law University (*Yekaterinburg, Russian Federation*)

Eugene Grigorievich Lyakhov

Doctor of Laws, Professor, Professor of the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy (*Moscow, Russian Federation*)

Yuri Nikolaevich Maleev

Doctor of Laws, Professor, Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey Alexandrovich Moiseev

Doctor of Laws, Vice-President, Russian International Law Association (*Moscow, Russian Federation*)

Yuri Eduardovich Monastyrsky

Candidate of Laws, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (*Moscow, Russian Federation*)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University (*Tallinn, Estonia*)

Lauri Mälksoo

Professor of International Law, University of Tartu (*Tallinn, Estonia*)

Boris Ivanovich Nefyodov

Doctor of Laws, Associate Professor, Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Tim Potier

Doctor of Laws, Invited Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Oleg Nikolaevich Khlestov

Candidate of Laws, Professor, Professor of the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir Mikhailovich Shumilov

Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Mark Lvovich Entin

Doctor of Laws, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

ASSISTANT EDITOR**Anna Ivanovna Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics (*Moscow, Russian Federation*)

Marat Aldangorovich Sarsembaev

Doctor of Laws, Professor, member of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Nizami Abdulla oglu Safarov

Doctor of Laws, Head of the Administrative and National Defense Legislation of the Secretariat of the Milli Majilis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Pavel Vasilievich Savas'kov

Candidate of Laws, Senior Researcher, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Leonid Dmitrievich Timchenko

Doctor of Laws, Professor of the International Law Department of the National University of the State Fiscal Service of Ukraine, Kyiv, Ukraine

Gennady Petrovich Tolstopyatenko

Doctor of Laws, Professor, Dean of the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Andrey Adamovich Trebkov

Candidate of Laws, Head of the International Union of Lawyers, Moscow, Russian Federation

Vladimir Vasilievich Ustinov

Doctor of Laws, Presidential Envoy to the Southern Federal District, Rostov-on-Don, Russian Federation

Murad Ovezgeldyevich Khaitov

Doctor of Laws, Professor, Professor of the Constitutional Law Department of the Turkmen State University named after Magtymguly, Ashgabat, Turkmenistan

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil2@mail.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Alexander V. Vylegzhanin

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Черниченко С.В.
Европейский суд по правам человека:
проблема неисполнимости постановлений

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Боклан Д.С., Абсалимов В.В., Курносов Ю.С.
Могут ли антироссийские «санкции» и российские ответ-
ные меры быть оправданы в рамках ВТО
соображениями безопасности: объективный или субъ-
ективный подход?

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Абгарян Д.Р.
Актуальные вопросы защиты прав предпринимателей в
международном и национальном праве

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Вереина Л.В., Мальцева А.В.
Реализация института ответственности в случае
аварий при разработке трансграничных
углеводородных месторождений

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Воронцова Н.А.
Всемирная торговая организация: к вопросу об
упрощении таможенных процедур торговли. Часть II

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Лысенко М.Н.
К вопросу о правомерности применения военной силы
иностранными государствами
(на примере Сирии)

Костин С.А.
Международно-правовые предпосылки образования
Европейского оборонного союза

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ

Тимохин К.В.
Тенденции в деятельности Международного суда ООН в
2013–2017 годах

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

Шугуров М.В.
Право Совета Европы в контексте глобальной стратегии
устойчивого развития

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Монастырский Ю.Э.
Режим требований об убытках в условиях расширения
территориальной юрисдикции Российской Федерации и
вопросы международного частного права

НЕКРОЛОГ

Моисеев Евгений Григорьевич (1939 - 2018)

CONTENTS

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

- 6 *Stanislav V. Chernichenko*
The European Court on Human Rights: the problem of
unenforceable judgments

RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL LAW

- 18 *Daria S. Boklan, Vadim V. Absaliyev, Yuri S. Kurnosov*
Are Restrictive Measures and Countermeasures
Justifiable by WTO Security Exceptions: objective or
subjective approach?

HUMAN RIGHTS

- 30 *Julietta R. Abgarian*
Current Issues of Protection of Entrepreneurs' Rights in
International and National Law

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

- 41 *Larisa V. Vereina, Anna V. Maltseva*
Implementation of Responsibility in Case of Oil Spills and
Other Accidents on the Transboundary Fields

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

- 53 *Natalia A. Vorontsova*
World Trade Organization: on the facilitation of customs
procedures for trade. Part II

INTERNATIONAL SECURITY LAW

- 65 *Mikhail N. Lysenko*
On the Legitimacy of the Use of Military Force by Foreign
States (the Syrian case)

- 72 *Sergey A. Kostin*
International Legal Preconditions for the Formation of
the European Defense Union

PEACEFUL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES

- 83 *Konstantin V. Timokhin*
Trends in the Work of the International Court of Justice
in 2013–2017

LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND CONFERENCES

- 95 *Mark V. Shugurov*
The Law of the Council of Europe and the Global
Sustainable Development Strategy

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- 110 *Yuri E. Monastyrsky*
Damages Recovery Claims in Condition of Russian
Federation Jurisdiction Extension – Private International
Law Issues

OBITUARY

- 121 *Evgeny G. Moiseev (1939 - 2018)*

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17

Станислав Валентинович ЧЕРНИЧЕНКО

Институт государства и права Российской академии наук
Знаменка ул., д. 10., Москва, 119019, Российская Федерация
igpran@igpran.ru
ORCID: 0000-0001-8833-9110

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА НЕИСПОЛНИМОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ. В статье показано, что существует проблема исполнения постановлений Европейского суда по правам человека в случае их противоречия Конституции РФ. Эта проблема в юридическом плане обозначена прежде всего двумя разнонаправленными факторами. С одной стороны, Конституция РФ, как предусмотрено в ч. 1 ст. 15, «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации». Причем законы России, в том числе и те, которыми ратифицированы международные договоры, «не должны противоречить Конституции Российской Федерации». С другой стороны, общепризнанно, что государство не может ссылаться на соответствие своего поведения нормам своего национального (внутригосударственного) права, чтобы оправдать свое поведение, квалифицированное как противоправное согласно нормам международного права.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами для исследования служат прежде всего постановления ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, а также доктринальные источники по теме. Методологическую основу статьи составили общенаучные и специальные методы исследования. На фоне применяемых норм общего международного права критически анализируются постановления как ЕСПЧ, так и Конституционного

Суда РФ, прежде всего при выявлении причин разных правовых позиций, обозначенных в этих судебных органах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье в контексте позиции, занятой Конституционным Судом РФ по некоторым положениям, содержащимся в постановлениях ЕСПЧ, раскрывается императивный характер основного принципа международного права – *pacta sunt servanda*, требующего от государств соблюдения международно-правовых обязательств. Вместе с тем показано, что в международном праве наличествуют правовые возможности не исполнять те решения ЕСПЧ, которые приняты явно в рамках политики «двойных стандартов», и такими правовыми возможностями Конституционный Суд РФ не воспользовался. Вместо этого Конституционный Суд по сути высказался против следования принципу *pacta sunt servanda*.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Нет предмета для научной дискуссии по вопросу о том, что Конституционный Суд обязан защищать национальные интересы России, если иностранный судебный орган принимает решение, явно не соответствующее международному праву. Но в рассматриваемых случаях Конституционный Суд, реагируя на постановление ЕСПЧ, явно не отличающееся юридической чистотой, сам по-

шел по некорректному пути с точки зрения международного права. Согласно ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. каждый действующий договор «обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» даже в том случае, если иное требуется согласно национальному (внутреннему) праву: государство-участник договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. 27 этой же Конвенции). И поскольку конституция любого государства – это часть его национального (внутреннего) права, хотя и высшая в иерархии такого права, постольку цитированное правило (норма) Конвенции 1969 г. применяется и в отношении конституций. Ориентируя на на-

рушение Россией своих обязательств по международным договорам, Конституционный Суд в данном случае действовал против стратегических интересов России в поддержании международно-правовой стабильности и правопорядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Постановления Европейского суда по правам человека, Постановления Конституционного Суда РФ, расхождения с Конституцией РФ, обязанность выполнять международные обязательства

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Черниченко С.В. 2018. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений. – Московский журнал международного права. № 3. С. 6-17.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17

Stanislav V. CHERNICHENKO

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

10, ul. Znamenka, Moscow, Russian Federation, 119019

igpran@igpran.ru

ORCID: 0000-0001-8833-9110

THE EUROPEAN COURT ON HUMAN RIGHTS: THE PROBLEM OF UNENFORCEABLE JUDGMENTS

INTRODUCTION. *The paper demonstrates that the problem of implementing judgments of the European Court of Human Rights does exist if such a judgment is not in line with the Constitution of the Russian Federation. This problem is caused in legal dimension by the two different factors. On the one hand the Constitution of the Russian Federation “shall be the supreme law and shall be in force throughout the territory of the Russian Federation. No laws or other legislative acts ... shall contravene the Constitution of the Russian Federation”*

(Article 15 Part 1). On the other hand, a State may not invoke its internal (national) law as justification for its failure to perform a treaty (Article 27 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969).

MATERIALS AND METHODS. *Research materials include judgments of the European Court of Human Rights and Orders of the Constitutional Court of the Russian Federation and also the teachings of the most qualified scholars in International Law which are relevant to the title of this paper. General and specific scientific methods are used by*

the author. In the context of applicable general international law the paper considers both judgments of the European Court of Human Rights and orders of the Constitutional Court of the Russian Federation paying specific attention to the reasons of different legal positions adopted by these Courts.

RESEARCH RESULTS. The widening of the competence of the Constitutional Court of Russia in December 2014 arouses apprehension. The Court pointed out that two judgments of the European Court on Human Rights were unenforceable: (1) on the judgment on the application of Anchugov and Gladkov and (2) on the judgment concerning the application of UKOS. In the first case the European Court on Human Rights admitted that Russia was responsible for moral damage and the recognition of it was enough for compensation. In the second case the European Court on Human Rights admitted that Russia violated Protocol No.1 to the Convention on Human Rights. In connection with it Russia must compensate the pecuniary damage. It is confirmed by the Committee of Ministers (the Council of Europe).

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The Constitutional Court of the Russian Federation indeed has (as its professional function) an obligation to legally protect the national interests of Russia if they are questioned by a judgment of a foreign court which does not correspond to International Law. But in cases considered in this paper the Constitutional

Court of Russia while addressing the judgments of the European Court of Human Rights (which are in contradiction with the International Law) made itself a legal mistake from the point of International Law. According to Article 26 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969, every treaty in force is binding upon the parties to it and must be performed by them in good faith". Even in the case when the national law provides for a different approach (article 27 of the same Convention). The Constitution of any State is a part of its national law. So the 1969 Convention's rules of Articles 26 and 27 are applicable also to Constitutions. While stating that the Constitution has a higher legal value than International Treaty of the Russian Federation, the Constitutional Court thus undermines the national interests of Russia in maintaining legal order and the Rule of Law in international relations.

KEYWORDS: Judgments of the European Court of Human Rights, Orders of the Constitutional Court of the Russian Federation, contradictions with the Constitution of the Russian Federation, *pacta sunt servanda*

FOR CITATION: Chernichenko S.V. The European Court on Human Rights: the problem of unenforceable judgments. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 6-17.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17

Исследование

Напомним читателю о базовых вопросах факта и права по теме. Как корректно отмечено в научной правовой литературе, Совет Европы – одна из наиболее авторитетных организаций евразийского материка; она основана в 1949 г. В соответствии с Уставом этой международной организации, подписанным в Лондоне 5 мая 1949 г., Совет Европы осуществляет деятельность в области защиты прав человека, правового, гуманитарного сотрудничества, в области взаимодействия государств в социальной сфере, культуры, распространения информации и охраны природы. Цели сотрудничества по столь широкому спектру направлений достигаются, согласно Уставу Совета Европы, по-

средством заключения соответствующих международных конвенций и соглашений [Конвенции Совета Европы... 2000:3].

Вступление в феврале 1996 г. России в Совет Европы, присоединение к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. рассматриваются в международно-правовой науке как «новый импульс» к деятельности этой старейшей международной организации стран Европы, объединяющей полсотни государств, и как знаковое свидетельство окончания холодной войны¹.

Советский Союз, как известно, не был участником значительного числа конвенций по правам человека, исходя из «формального» их характера, поощряющего разрыв в «капиталистических странах» между большинством трудящихся и меньшинством собственников средств

¹ Словарь международного права. Отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут. 2014. С. 413.

производства. После распада СССР все его бывшие союзные республики, в том числе и Россия, пошли по пути привнесения в государственное управление рыночных механизмов, приняли соответствующие конституции, поддерживающие частную собственность на орудия и средства производства, провели передачу значительной части государственной собственности в частное владение, пользование и распоряжение. В такой ситуации роста имущественного разрыва между новыми собственниками производительных сил и иными слоями населения, в том числе работающими в силовых структурах, которые от приватизации собственности СССР ничего не получили, новое российское правительство сделало шаг в целях дополнительной международно-правовой защиты россиян, которые воспользовались новым социально-экономическим строем России и «пошли в бизнес». При этом главным мотивом присоединения к соответствующим конвенциям и вступления в Совет Европы вряд ли была защита прав тех наиболее богатых семей России («олигархов»), которые в силу личных связей с президентом РФ Б.Н. Ельциным превратились из рядовых граждан СССР в богатых граждан России. Понятно, что такие семьи имели финансовый ресурс для лучшей их защиты и в рамках национального права.

Вступление России в Совет Европы действительно было нацелено на создание международных механизмов защиты прав широкого слоя россиян: уже были известны факты того, как сотрудники силовых структур злоупотребляют предоставленными им правами во взаимоотношениях с предпринимателями; были известны факты, когда скромный лейтенант быстро менял свои «Жигули» на новенький «Мерседес», а его сосед, наладивший производство копченого мяса по старинным русским рецептам, вдруг терял и свою коптильню, и свой магазин в пользу родственника начальника из системы правоохранительных органов. Это важно отметить, поскольку в правовой литературе сейчас само вступление России в Совет Европы иногда рассматривается как политико-правовая ошибка Б.Н. Ельцина.

Напомним также, что именно участие России в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (одной из многочисленных конвенций, принятых в рамках Совета Европы) было одним из условий принятия в члены Совета Европы и что Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) действует на основании этой Конвенции и протоколов к ней. ЕСПЧ компетентен рассматривать и межгосударственные споры в области прав человека, и те жалобы от физических лиц, от неправительственных организаций, которые вызваны нарушениями данной Конвенции и Протоколов к ней любым государством-участником. При этом ЕСПЧ рассматривает только те нарушения, которые имели место после ратификации государством – участником данной Конвенции, соответствующего протокола².

И если для России ЕСПЧ и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, на основе которой ЕСПЧ функционирует, все еще дискуссионны с точки зрения их соответствия национальным интересам, то для права Европейского Союза данная Конвенция имеет приоритетное значение [Бирюков 2006:92–93]. Более того, в 2000 г. Европейский парламент, Совет и Комиссия ЕС приняли Хартию фундаментальных прав (*the Charter of Fundamental Rights*). В эту Хартию, согласно Рекомендации глав европейских государств и правительств, принятой еще в 1999 г., включены принципы, предусмотренные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод³.

В связи с изложенным особый интерес вызывают два постановления ЕСПЧ. Оба связаны с Конституцией России. Дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» уже рассматривалось в международно-правовой литературе [Abashidze, Ilyashevich, Solntsev 2017:461–468; Романовский 2017:135–146; Вайпан 2016:107–124], поэтому можно остановиться на нем кратко⁴.

Сомнение может вызывать возможность, фактически предоставляемая Конституционному Суду РФ, неограниченно решать вопрос о невыполнении Россией своих международных обязательств в соответствии с изменением его компетенции 14 декабря 2015 г.⁵

² См.: Колосов Ю.М., Иванов Д.В. Права человека и международно-правовые вопросы гражданства. – *Международное право*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт. 2015. С. 159–160.

³ *Law of the European Union: A textbook for master students*. Ed. by P. Biriukov, V. Tuliakov. Voronezh: VSU Publishing House. 2016. P. 252–253.

⁴ Анчугов и Гладков против России (жалобы № 11157/04 и № 15162/05). – *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. Российское издание. 2014. № 2.

⁵ См. гл. XIII.1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации». – *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 13. Ст. 1447.

Надо иметь в виду, что Конституция РФ обладает высшей юридической силой только для России, а решения, принимаемые международными органами, учрежденными согласно международным договорам России, нормы международного права, создаваемые ими в отношении России (как и в отношении других государств – участников таких договоров), имеют международно-правовой характер и касаются тем самым не только России, но и других государств-участников. Поэтому ссылка на авторитет российской Конституции как имеющей высшую для России силу для других участников юридического значения не имеет.

Но мы говорим об обязательности исполнения постановления ЕСПЧ, принятого по конкретному делу. Следует считать, что признание обязательности рассматриваемой Конвенции о защите прав человека и основных свобод (и Протоколов к ней) не означает автоматически признания обязательности для исполнения любого постановления ЕСПЧ, если оно расходится с императивными нормами международного права. Возможность этого обусловлена усмотрением ЕСПЧ в истолковании Конвенции и Протоколов к ней. В ст. 53 уже упоминавшейся *Венской конвенции о праве международных договоров* предусматривается, что договор, противоречащий *jus cogens*, является ничтожным⁶. Но такое же правило, если быть последовательным, должно применяться и в отношении решений (постановлений) международных органов, занимающихся правами человека, созданных на основе международных договоров, действительность которых сомнений не вызывает. Это не должно тем не менее возводиться в систему, иначе теряет смысл судебное разбирательство на международном уровне.

Даже если не обсуждать непоследовательность рассуждений ЕСПЧ, вызывают удивление выводы по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» [Черниченко 2017:20–35]. Суд постановил, что имело место нарушение ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Но далее он постановил, что установление факта нарушения само по себе являлось достаточно справедливой ком-

пенсацией в отношении любого морального вреда (п. 123)⁷.

Нельзя согласиться с тем, что установление факта нарушения само по себе является достаточно справедливой компенсацией (к тому же морального вреда). Если установление факта нарушения ст. 3 Протокола к Конвенции о защите прав человека и основных свобод не должно считаться компенсацией, то установление факта такого нарушения может рассматриваться как прелюдия к определению меры ответственности, а не сама мера ответственности.

Не следует проходить мимо предварительного заключения Венецианской комиссии, принятого 11–12 марта 2016 г., по вопросу о расширении компетенции Конституционного Суда РФ в декабре 2015 г. Венецианская комиссия принимает рекомендации. Большинство членов этой Комиссии не являются специалистами по международному праву в отличие, например, от членов Комиссии международного права ООН или тем более судей Международного суда ООН. Вместе с тем, хотя мнение Венецианской комиссии не пользуется авторитетом в таком контексте, оно все же может вызывать интерес профессионального характера с точки зрения общего политико-правового фона. Комиссия указывает следующее: «Какая бы модель отношений между внутригосударственной и международной системой ни избиралась, государство обязано по ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров уважать ратифицированные международные соглашения и согласно ст. 27 Венской конвенции не может ссылаться на положения своего внутреннего права для оправдания своего отказа соблюдать договор, включая Европейскую конвенцию по правам человека. ...Таким образом, обязанность всех государственных органов заключается в том, чтобы найти подходящие решения для примирения таких положений договора с Конституцией (например, через интерпретацию или даже модификацию Конституции)» (п. 97)⁸. Вместо этого Конституционному Суду было предоставлено право объявлять международное решение «неисполнимым», что «несовместимо с обязательствами Российской Федерации по международному праву» (п. 98)⁹.

⁶ Подробнее см.: [Синякин, Скуратова 2018:526–545].

⁷ Анчугов и Гладков против России (жалобы № 11157/04 и № 15162/05). – *Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание*. 2014. № 2. С. 110.

⁸ Interim Opinion on the Amendments to the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court of the Russian Federation adopted by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, March 11–12, 2016). P. 24. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)005-e) (accessed date: 11.08.2018).

⁹ Ibidem. P. 25.

Выводы Венецианской комиссии выдают стремление во что бы то ни стало в конце концов «исправить» Конституцию РФ. Не обращая внимания на этот политический контекст, необходимо отметить, что Венецианская комиссия упускает из виду одно обстоятельство, очень значимое с точки зрения международного права. ЕСПЧ в своих постановлениях по конкретным делам должен руководствоваться не только Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Протоколами к ней, но и нормами *jus cogens* – императивными нормами общего международного права. Несоблюдение последних должно влечь за собой признание постановлений по конкретным делам недействительными, о чем уже говорилось выше.

Остается открытым вопрос об опасности слишком широкой трактовки компетенции Конституционного Суда РФ с декабря 2015 г.

Поскольку вопрос о материальной ответственности России по делу Анчугова и Гладкова был снят, то и вопрос о неисполнении Постановления ЕСПЧ не приобрел правовой остроты.

Иначе выглядит другое дело, возникшее в связи с реакцией Конституционного Суда РФ на Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России» (жалоба № 14902/04). Поводом к рассмотрению данного дела в Конституционном Суде РФ является запрос Министерства юстиции РФ.

Европейский суд признал, что Россия нарушила ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и предусмотрел в Постановлении от 31 июля 2014 г. выплатить акционерам компании возмещение материального ущерба, в том числе за нарушение ст. 1 Протокола № 1,

выразившееся в ретроактивном применении судами срока давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений, и некоторых других сумм, связанных с этим.

Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о возможности невыполнения Постановления ЕСПЧ по делу компании ЮКОС, в своем Постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П высказал прежде всего ряд соображений общего порядка, которые повторяют то, что было сказано ранее¹⁰.

Надо отметить следующее место в Постановлении от 19 января 2017 г.: «В силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, что обязывает государство исполнять основанные на данной Конвенции постановления Европейского Суда по правам человека... Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике придерживается подхода, направленного на неуклонное исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека, даже если они основаны на применении методов «эволютивного толкования», «приоритета существа над формой» и др., которые могут повлечь за собой отступления от ранее выработанных им же позиций»¹¹. Конституционный Суд РФ повторил, однако, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает в правоприменительном процессе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции¹².

Конституционный Суд также повторил более подробно по сравнению с Постановлением от 14 июля 2015 г.¹³ ссылку на ст. 26 Венской кон-

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». – *Собрание законодательства РФ*. № 5. 2017. Ст. 866. С. 2102–2108.

¹¹ Там же. С. 2016.

¹² Там же.

¹³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». – *Собрание законодательства РФ*. № 30. 2015. Ст. 4658.

венции о праве международных договоров о «фундаментальном принципе международного права *pacta sunt servanda*». Суд тем не менее сделал важную оговорку, развивающую положение, высказанное в Постановлении от 14 июля 2015 г.: «...не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему государства как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал основному закону (конституции) данного государства, впоследствии посредством одного лишь толкования межгосударственным органом был содержательно конкретизирован, причем таким образом, что его положениям был придан смысл, расходящийся с общеобязательными нормами, относящимися к международному публичному порядку (*jus cogens*)...»¹⁴. Надо сказать, что столь вольное обращение членов Конституционного Суда с термином *jus cogens*, четко определенным в Венской конвенции о праве международных договоров, не свидетельствует о профессиональном знании большинством судей международного права. Тем более юридически сомнительна попытка судей отождествлять нормы *jus cogens* и «публичный порядок». Но главное – в другом. Если толкование договора, в частности Европейской конвенции по правам человека, расходится с нормами *jus cogens*, т.е. с императивными нормами общего международного права, прежде всего основными, «фундаментальными» принципами международного права, то к ним относится принцип, обязывающий государства выполнять свои международно-правовые обязательства, в том числе вытекающие из международных договоров, – *pacta sunt servanda*. Эти принципы должны гармонично сочетаться, а не противопоставляться друг другу. Тогда и нет необходимости ссылаться на приоритет Конституции России по отношению к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Конституция России в межгосударственной сфере должна соответствовать этим принципам. Но то же самое можно сказать и в отношении постановлений, принимаемых ЕСПЧ по конкретным делам.

Конституционный Суд предусмотрел следующее: «С учетом пункта 1 статьи 31 и пункта 1 статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения конкретного дела Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, нормам которой присуща высокая степень абстрактности, придал какому-либо используемому в ней понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществил толкование вопреки объекту и целям самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод, несовместимое с национальным конституционным правопорядком, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции»¹⁵. Но вместо того, чтобы четко опираться на нормы *jus cogens*, как они сформулированы в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Конституционный Суд отметил, что постановление ЕСПЧ не может быть исполнено, если оно опирается на толкование, осуществленное в нарушение общего правила толкования договоров, и по своему смыслу вступает в противоречие с имеющими свои основания в «международном публичном порядке» и формирующими «национальный публичный порядок» положениями Конституции¹⁶.

В целом здесь судьи Конституционного Суда обнаружили свое непонимание тех международно-правовых возможностей защиты национальных интересов России, которые предоставляют ссылки на расхождения между принципами *jus cogens* и отдельными положениями в постановлениях ЕСПЧ. При этом не надо упрекать судей: практически все они – авторитетные, глубокие специалисты по российскому праву, прежде всего конституционному. Но не по международному.

Этим объясняется и то, что из анализируемого здесь Постановления Конституционного Суда не вполне ясны некоторые базовые характеристики норм *jus cogens*.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». – *Собрание законодательства РФ*. № 5. 2017. Ст. 866. С. 2107.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Во-первых, то, что нормы *jus cogens* – это нормы международного обычного права, о чем в науке давно сказано [Черниченко 2012:3–17].

Во-вторых, то, что международный обычай, или обычные нормы международного права, – это основной источник не только прошлого, но и современного международного права, что подтверждается текстом Устава ООН, а именно такой составной его частью, как Статут Международного Суда ООН [Вылегжанин, Каламкарян 2012:5–29].

Приходится напомнить здесь и о мнении Венецианской комиссии: «...становясь участником Конвенции [по правам человека], государство-участник прямо принимает компетенцию Европейского Суда по правам человека толковать, а не только применять Конвенцию» (п. 45)¹⁷. Венецианская комиссия при этом ссылается на ст. 46(1) Конвенции, которая обязывает государства руководствоваться постановлением ЕСПЧ в любом деле, в котором они участвуют. Как видим, это расходится с утверждением Конституционного Суда РФ о возможности иногда не исполнять постановление ЕСПЧ.

Не думая, что мнение Венецианской комиссии является истиной в последней инстанции, надо прибегнуть к следующей аргументации: если принцип *pacata sunt servanda* как часть принципа обязательного исполнения субъектом международного права своих международно-правовых обязательств входит в число императивных норм (*jus cogens*), причем «фундаментальных», то речь не должна вестись и о противопоставлении норм Конституции РФ и этого принципа как части уже российской правовой системы (согласно ст. 15 Конституции РФ).

Обращаясь к делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», можно считать, что соответствующее Постановление ЕСПЧ уязвимо с точки зрения его «международно-правовой чистоты». Или, более откровенно, его можно считать необязательно исполнимым, поскольку есть основания полагать, что оно в данном случае противоречит прежде всего императивным нормам международного права. Вряд ли, однако, в

Постановлении ЕСПЧ по делу компании ЮКОС будут применимы такие же соображения относительно его, мягко говоря, уязвимости.

По этому вопросу ЕСПЧ принял два постановления. Одно было принято 20 сентября 2011 г. (основное Постановление). Суд признал, что Россия нарушила ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. Часть жалобы компании ЕСПЧ отклонил¹⁸. Не останавливаясь на деталях Постановления от 20 сентября 2011 г., надо отметить, что вопрос о неисполнимости этого Постановления Россией не поднимался.

Другое Постановление было принято 31 июля 2014 г. и послужило в конечном счете причиной принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П. ЕСПЧ 31 июля 2014 г. дал собственную оценку материального ущерба, который должен быть компенсирован, в том числе в связи с ретроактивным взысканием штрафов¹⁹.

К сожалению, опять приходится вспомнить дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» в том, что касается утверждения ЕСПЧ, будто бы если факт нарушения установлен, то это уже справедливая компенсация, когда имеется в виду компенсация морального вреда²⁰. Правильнее было бы говорить в контексте ранее изложенного не о компенсации причиненного вреда, а о прелюдии к определению меры ответственности. В рассматриваемом случае, говоря об ответственности по делу компании ЮКОС, лучше было бы просто отметить, что вопрос о моральной ответственности здесь не стоит.

Общих рассуждений, высказанных Конституционным Судом РФ в отношении неисполнения Постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 г., недостаточно, если мы станем обсуждать доводы Конституционного Суда не общего плана, а касающиеся именно конкретного нарушения.

Не сосредотачивая внимание на неудачной формулировке Конституционным Судом РФ положения о моральном вреде, нужно было бы, когда мы рассуждаем о невыполнимости Постановления ЕСПЧ, разделить так или иначе два

¹⁷ Interim Opinion on the Amendments to the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court of the Russian Federation adopted by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, March 11–12, 2016). P. 13. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)005-e) (accessed date: 11.08.2018).

¹⁸ Judgement of the European Court of Human Rights of September 20, 2011 “Case of OAO Neftyanaya Kompaniya YUKOS v. Russia” (Application No. 14902/04). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106308> (accessed date: 10.08.2018).

¹⁹ Judgement of the European Court of Human Rights of July 31, 2014 “Case of OAO Neftyanaya Kompaniya YUKOS v. Russia” (Application No. 14902/04). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145730> (accessed date: 10.08.2018).

²⁰ Анчугов и Гладков против России (жалобы № 11157/04 и 15162/05). – *Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание*. 2014. № 2. С. 142.

разных юридических вопроса: (а) о признании или непризнании Россией нарушения ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и (б) о согласии или несогласии России с оценкой ЕСПЧ компенсации, которую, с точки зрения ЕСПЧ, Россия должна заплатить. А такого четкого юридического разграничения судьи Конституционного Суда РФ не провели.

Поскольку требование выполнять свои международно-правовые обязательства относится к императивным нормам международного права, то оно подлежит безусловному соблюдению. Такое требование в межгосударственных отношениях входит в своего рода свод основных принципов международного права. Во внутригосударственной (национальной) сфере это требование включается в число конституционных принципов. Потому нельзя говорить о расхождении данного требования с Конституцией. Сомнения по поводу его исполнения, высказанные по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», в данном случае неприемлемы хотя бы в связи с признанием Россией нарушения Протокола № 1.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. есть соображения о принципах юридического равенства и справедливости и вытекающем из них принципе соразмерности (пропорциональности), которые обеспечивают одинаковый объем гарантий всем налогоплательщикам применительно к действию нормы о сроках давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений.

Конституционный Суд и далее прибегал для обоснования своей позиции в отношении интерпретации Конституции (когда шла речь о мерах юридической ответственности) к подобным ссылкам: то на принципы равенства и справедливости, соразмерности и неотвратимости ответственности, то на принципы равенства и справедливости²¹.

Конституционный Суд также якобы «выявил единственно возможный с точки зрения Конституции Российской Федерации смысл этих правил с целью обеспечения их разумного и спра-

ведливого применения к налогоплательщикам, которые действовали ненадлежащим образом». Соответственно, по мнению Конституционного Суда, «нет оснований для утверждения о наличии коллизии с конституционным запретом на действие с обратной силой закона, устанавливающего новые налоги или ухудшающего положение налогоплательщиков»²².

Создается впечатление, что неоднократные ссылки на принципы справедливости, соразмерности и т.д. преследуют цель во чтобы то ни стало доказать, что не было намерения придать в данном случае обратную силу ст. 113 НК РФ (ретроактивного применения). Это главное, что вызвало реакцию Конституционного Суда на Постановление ЕСПЧ. Остальное – следствие главного вывода.

Конституционный Суд РФ исходил из такого соображения: «По смыслу статьи 57 Конституции... этот запрет распространяется на законы, которые изменяют имущественное положение налогоплательщика и непосредственно влияют на порядок исполнения им налоговой обязанности. Порядок же действия во времени законов, устанавливающих ответственность за налоговые правонарушения и регламентирующих производство по делам о таких нарушениях, данной конституционной нормой не охватывается – они подчиняются универсальным для публичной юридической ответственности предписаниям статьи 54 Конституции... согласно которой закон, устанавливающий ответственность, обратной силы не имеет (часть 1)...»²³.

Неясна логика этого положения. Статья 54 Конституции вполне может относиться и к частному случаю, предусмотренному ст. 57.

Было бы правильным обратить внимание на особое мнение судьи В.Г. Ярославцева, который считал запрос Министерства юстиции РФ, послуживший поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде, недопустимым²⁴. Но именно доводы Министерства юстиции были использованы при рассмотрении настоящего дела. В.Г. Ярославцев справедливо указывает на следующее: «...Конституционный Суд Российской Фе-

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». – *Собрание законодательства РФ*. № 5. 2017. Ст. 866. С. 2109–2110.

²² Там же. С. 2111.

²³ Там же.

²⁴ Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ В.Г. Ярославцева. – *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2017. № 2. С. 43.

дерации посредством конституционно-правового истолкования предоставил суду возможность восстанавливать срок давности привлечения к ответственности, т.е. Конституционный Суд Российской Федерации вышел за пределы своей компетенции и осуществил функцию законодателя»²⁵. В.Г. Ярославцев также говорит о том, что российские власти «формально-юридически признали законность и обоснованность» указанных ЕСПЧ нарушений Конвенции, т.е. нарушений, отмеченных в основном Постановлении²⁶.

Точка зрения В.Г. Ярославцева представляется убедительной. Но большинство судей Конституционного Суда заняли иную позицию. Суд для доказательства своей правоты раз за разом прибегает к ссылкам на конституционные принципы равенства, справедливости и соразмерности²⁷. Такое повторение не добавляет убедительности позиции Конституционного Суда. Настороженность вызывает и категоричность такого утверждения: «Как показывает опыт государств, имеющих многолетнюю практику противодействия уклонению от уплаты налогов, одними только законодательными средствами решить данную проблему не всегда возможно, что обуславливает особую роль судебных доктрин. В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами также призвано оказывать существенное воздействие на формирование судебной практики, в том числе по налоговым спорам»²⁸.

Если руководствоваться тем, что принцип *pacta sunt servanda* – выполнения своих международно-правовых обязательств – является императивной нормой общего международного права (о чем уже говорилось), то этот принцип должен соблюдаться и как конституционный. Никакой коллизии со ст. 57 Конституции РФ или другими ее статьями здесь нет, тем более что Россия признала нарушения Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека.

Что же касается судебной практики («особой роли судебных доктрин»), то преувеличение ее

роли (в плане противодействия уклонению от уплаты налогов) легко может вылиться в судебное усмотрение, не подкрепленное нормативной основой, в создание прецедентной практики в духе англосаксонского права (*case law*). Судебное толкование, таким образом, рискует превратиться в нечто похожее на конституционный обычай, что явно не соответствует российской правовой системе.

Закономерен вопрос: если Россия нарушила Протокол № 1 к Европейской конвенции по правам человека и сама это признает, то означает ли Постановление о неисполнимости Постановления о таком признании, принятое Конституционным Судом РФ, нарушение Конвенции, т.е. нарушение международного права? Ведь если это так, то возникает вопрос об ответственности России международно-правового характера. Вот к чему может привести непрофессионализм судей Конституционного Суда в сфере международного права.

Выход из создавшегося положения Конституционный Суд видит в возможности проявления Россией доброй воли (*ex gratia*) в определении компромисса в отношении акционеров компании ЮКОС, пострадавших от неправомерных действий компании и ее менеджмента, а также в обозначении последующих соображений (в основном ради поддержания европейской системы защиты прав человека). Но это сводится на нет непризнанием «императивной обязанности исполнения Постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года»²⁹.

Очевидна реакция Комитета Министров Совета Европы, на который возложена обязанность надзора за исполнением постановлений ЕСПЧ. Еще на его 1273-м заседании в декабре 2016 г. Комитет Министров Совета Европы подтвердил безусловное обязательство Российской Федерации согласно ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод руководствоваться постановлениями ЕСПЧ, включая выплату справедливого возмещения, им присужденного³⁰.

²⁵ Там же. С. 44

²⁶ Там же. С. 46.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». – *Собрание законодательства РФ*. № 5. 2017. Ст. 866. С. 2113–2114, 2115.

²⁸ Там же. С. 2111.

²⁹ Там же. С. 2019.

³⁰ ОАО Нефтяная компания ЮКОС против Российской Федерации (Жалоба № 14902/04). – *Решения Комитета министров Совета Европы по делам против Российской Федерации*. Декабрь 2017 г. Доступ: <https://rm.coe.int/yukos-decision-1273-ru/1680726eef> (дата обращения: 01.08.2018).

На 1280-м заседании Комитета Министров (7–10 марта 2017 г.) была принята к сведению информация о Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. И снова было повторено безусловное обязательство России выполнять Постановление, взятое ей в соответствии со ст. 46 Конвенции. Властям Российской Федерации, был также адресован призыв информировать Комитет Министров обо всех соответствующих шагах для достижения приемлемого решения³¹.

Не вдаваясь в дальнейший ход данного дела, которое интересно как пример возможного спора о соотношении международных договорных обязательств государства и положений его конституции, приходится признать более обоснованной позицию, отдающую предпочтение договорным обязательствам государства. Это не означает приоритет норм международных договоров государства над нормами его конституции. Это означает лишь обязательство выполнять императивную норму общего международного права, требующего от государств действовать в соответствии с ней. Такая норма, как уже неоднократно отмечалось, действует в отношении всех субъектов международного права. Если можно утверждать, что Постановление ЕСПЧ в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» вызывает обоснованные возражения со стороны России по тем соображениям, которые были приведены выше, то этого нельзя сказать о деле компании ЮКОС. Не повторяя аргументы, которые были сформулированы ранее, сошлемся опять хотя бы на то, что Россия признала нарушения Протокола № 1.

Заключение

В результате проведенного исследования по теме, обозначенной в названии статьи, был показан альтернативный путь защиты националь-

ных интересов Российской Федерации (в связи со случаями «двойных стандартов», имеющими место в работе ЕСПЧ) по сравнению с тем путем, который избрал Конституционный Суд РФ. Вместо того чтобы такие несправедливые положения в практике ЕСПЧ квалифицировать как не подлежащие исполнению на основе общеобязательности норм *jus cogens*, в том числе и для ЕСПЧ, Конституционный Суд пошел по пути квалификации норм Конституции РФ как имеющих преимущественную силу над нормами международных договоров России.

Но говорить о преимущественной силе норм Конституции Российской Федерации над нормами ее международных договоров в правоприменительной сфере – это в общей форме означает воскрешать забытую теорию Кельзена о приоритете норм национального права над нормами международного права. В 8-м издании знаменитого английского курса Броунли под редакцией профессора Крауфорда приводятся классические доводы, опровергающие теорию Кельзена «о главенстве национального права (*primacy of national law*)» [Crawford 2012:49–50]. Эта критика монистической теории Кельзена, где национальное право главенствует, представлена и в российской доктрине международного права³².

В рассматриваемых случаях подход, избранный Конституционным Судом РФ в духе теории Кельзена, касается только Конституции. Однако отсюда один шаг до более общего вывода – о «превосходстве» национального права над международным, а кроме того, о необязательности соблюдения договорных и обычных норм международного права. Абсурдность такого подхода не вызывает сомнений в современных условиях. Следует подчеркнуть, что такой «монизм наоборот» делает бессмысленным существование императивных норм общего международного права.

Список литературы

1. Бирюков М.М. 2006. *Европейский Союз, Евроконституция и международное право*. М.: Научная книга. 253 с.
2. Вайпан Г. 2016. Трудно быть Богом: Конституционный

суд России и его первое дело о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека. – *Сравнительное конституционное обозрение*. № 4 (113). С. 107–124. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-4-107-124

3. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. 2012. Значение

³¹ ОАО Нефтяная компания ЮКОС против Российской Федерации (Жалоба № 14902/04). – *Решения Комитета министров Совета Европы по делам против Российской Федерации*. Март 2017 г. Доступ: <http://rm.coe.int/yukos-decision-1280-ru/168072bef0> (дата обращения: 01.08.2018).

³² Вылегжанин А.Н., Колосов Ю.М. Понятие международного права, его предмет, объекты и система. – *Международное право*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт. 2015. С. 19–20.

- международного обычая в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. № 2 (86). С. 5–29.
4. Конвенции Совета Европы и Российская Федерация. Отв. редактор Л.И. Брычева. 2000. М.: Юридическая литература. 399 с.
 5. Романовский Г.Б. 2017. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения Конституционного суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран. – *Lex Russica*. № 2 (123). С. 135–146. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.135-146
 6. Синякин И.И., Скуратова А.Ю. 2018. Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права. – *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. Вып. 41. С. 526–545. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545
 7. Черниченко С.В. 2012. Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes. – *Московский журнал международного права*. № 3 (97). С. 3–17.
 8. Черниченко С.В. 2017. Тезис о верховенстве международного права и Конституция Российской Федерации. – *Российский ежегодник международного права*, 2016. СПб.: Россия-Нева. С. 20–35.
 9. Abashidze A.Kh., Ilyashevich M.V., Solntsev A.M. 2017. Anchugov & Gladkov v. Russia. – *American Journal of International Law*. Vol. 111. Issue 2. P. 461–468. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2017.31>
 10. Crawford J. 2012. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press. 888 p.
 - macy of International Law and the Constitution of the Russian Federation]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, 2016 [Russian Yearbook of International Law, 2016]. Saint Petersburg: Rossiya-Neva Publ. 2017. P. 20–35. (In Russ.)
 4. Chernichenko S.V. Vzaimosvyaz' imperativnykh norm mezhdunarodnogo prava (jus cogens) i obyazatel'stv erga omnes [Interconnection of Peremptory Norms of International Law and erga omnes Obligations]. – *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 3 (87). P. 3–17. (In Russ.)
 5. Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press. 2012. 888 p.
 6. *Konventsii Soveta Evropy i Rossiiskaya Federatsiya*. Отв. редактор Л.И. Брычева [The Conventions of the Council of Europe and the Russian Federation. Ed. by L.I. Brycheva]. Moscow: "Yuridicheskaya literatura" Publ. 2000. 399 p. (In Russ.)
 7. Romanovsky G.B. "Delo Anchugova i Gladkova" i resheniya Konstitutsionnogo suda RF, organov konstitutsionnogo kontrolya zarubezhnykh stran [Anchugov and Gladkov Case and the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, Bodies of the Constitutional Control of Foreign Countries]. – *Lex Russica*. 2017. No. 2 (123). P. 135–146. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.135-146
 8. Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. Normy jus cogens: istoricheskii aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens: the historical aspect and contemporary value for international law]. – *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018. Issue 41. P. 526–545. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545
 9. Vaypan G. Trudno byt' Bogom: Konstitutsionnyi sud Rossii i ego pervoe delo o vozmozhnosti ispolneniya postanovleniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [Hard to be a God: the Russian constitutional court and its first case on enforceability of a judgment of the European Court of Human Rights]. – *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2016. No. 4 (113). P. 107–124. (In Russ.) DOI: 10.21128/1812-7126-2016-4-107-124
 10. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obyichaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 2 (86). P. 5–29. (In Russ.)

References

1. Abashidze A.Kh., Ilyashevich M.V., Solntsev A.M. Anchugov & Gladkov v. Russia. – *American Journal of International Law*. 2017. Vol. 111. Issue 2. P. 461–468. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2017.31>
2. Biryukov M.M. *Evropeiskii Soyuz, Evrokonstitutsiya i mezhdunarodnoe parvo* [European Union, EU Constitution and International Law]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 253 p. 2006. (In Russ.)
3. Chernichenko S.V. Tезис о verkhovenstve mezhdunarodnogo prava i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [The Pri-

Информация об авторе

Станислав Валентинович Черниченко,

член Постоянной палаты третейского суда, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Институт государства и права, Российская академия наук

119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

igpran@igpran.ru

ORCID: 0000-0001-8833-9110

About the Author

Stanislav V. Chernichenko,

Member of the Permanent Court of Arbitration, Honored Scholar of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

10, ul. Znamenka, Moscow, Russian Federation, 119019

igpran@igpran.ru

ORCID: 0000-0001-8833-9110

RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-18-29

Daria S. BOKLAN

Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000
dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Vadim V. ABSALIAMOV

Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000
vvabsalyamov@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0001-6694-4133

Yury S. KURNOSOV

Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000
uscure@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2445-263X

ARE RESTRICTIVE MEASURES AND COUNTERMEASURES JUSTIFIABLE BY WTO SECURITY EXCEPTIONS: OBJECTIVE OR SUBJECTIVE APPROACH?

INTRODUCTION. *This paper is devoted to interpretation of so-called WTO "Security Exception Articles", namely Article XXI of the GATT, XIV bis of the GATS and 73 of the TRIPS Agreement with respect to their possible applicability to trade restrictive measures adopted against Russia, and Russian countermeasures, based on the assumption that these trade restrictive measures violate WTO disciplines.*

MATERIALS AND METHODS. *The materials for the article were norms of general international law and norms of WTO law, containing so-called security exception provisions and their respective*

interpretation by international tribunals, international organizations and scholars. The methodological basis of the research consists of general scientific and special methods.

RESEARCH RESULTS. *Taking into account that there is a lack of WTO jurisprudence and no common view of WTO members regarding the issue at hand, the analysis is based on the scope of Security Exception Articles and on the Panel's jurisdiction to resolve disputes arising from them. In particular, the paper addresses whether security exceptions are of a self-declaratory nature; and, as it was stated by the GATT Council in 1985 in relation to the US trade*

embargo against Nicaragua, "the Panel cannot examine or judge the validity or motivation for the invocation of article XXI (b) (iii) by the United States" or whether it is possible to apply an objective test to Security Exception Articles.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *With respect to the objective test, the interpretation of the following notions should be analyzed: "essential security interests", "emergency in international relations" and "necessary to protect". The analysis should be based on rules of general international law and the Appellate Body's approach according to which previously established interpretations of certain provisions of one WTO Agreement can be used to inform the content of the same 'words' in another WTO Agreement. With respect to*

the subjective approach we may face a tendency to interpret "self-judging clause", in the light of "a good faith" principle and therefore the issue at hand can be subject to the Dispute Settlement Body's analysis.

KEYWORDS: WTO, Security exceptions, article XXI of the GATT, essential security interests, emergency in international relations, self-judging clause, objective test

FOR CITATION: Boklan D., Absaliyev V., Kurnosov Yu. Are Restrictive Measures and Countermeasures Justifiable by WTO Security Exceptions: objective or subjective approach? – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 18-29. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-18-29

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-18-29

Дарья Сергеевна БОКЛАН

Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация
dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Вадим Вилевич АБСАЛЯМОВ

Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация
vvabsalyamov@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0001-6694-4133

Юрий Сергеевич КУРНОСОВ

Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация
uscur@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2445-263X

МОГУТ ЛИ АНТИРОССИЙСКИЕ «САНКЦИИ» И РОССИЙСКИЕ ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ БЫТЬ ОПРАВДАНЫ В РАМКАХ ВТО СООБРАЖЕНИЯМИ

БЕЗОПАСНОСТИ: ОБЪЕКТИВНЫЙ ИЛИ СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОДХОД?

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена проблемам толкования так называемых Статей об исключениях по соображениям безопасности, действующих в рамках ВТО, а именно ст. XXI ГАТТ, ст. XIV-бис ГАТС и ст. 73 ТРИПС, в связи с возможностью их применения к мерам, ограничивающим торговлю, принятым против России, и российским контрамерам, исходя из презумпции, что указанные меры, ограничивающие торговлю, противоречат нормам ВТО.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве материала для данной статьи использовались нормы общего международного права и нормы права ВТО, предусматривающие исключения по соображениям безопасности, а также практика их толкования международными судебными учреждениями, международными организациями и специалистами. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Принимая во внимание недостаток практики и отсутствие общего подхода в рамках ВТО в отношении рассматриваемой проблемы, проведен анализ сферы действия Статей об исключениях по соображениям безопасности и юрисдикции третейских групп рассматривать вытекающие из них споры. В частности, в статье исследуется природа Статей об исключениях по соображениям безопасности на предмет возможности их применения третейскими группами при разрешении споров, т.е. анализируется возможность применения объективного или субъективного подхода к толкованию дан-

ных Статей.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Касательно возможности использования объективного подхода необходимо толкование таких терминов, как «существенные интересы безопасности», «чрезвычайные обстоятельства в международных отношениях» и «необходимые для защиты». Данный анализ необходимо осуществлять на основе норм общего международного права и подхода Апелляционного органа, в соответствии с которым ранее осуществленное толкование положений одного соглашения ВТО может быть использовано для определения содержания аналогичных понятий другого соглашения ВТО. Что касается субъективного подхода, то мы можем наблюдать тенденцию ограничения его применения в контексте принципа добросовестности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ВТО, исключения по соображениям безопасности, статья XXI ГАТТ, существенные интересы безопасности, чрезвычайные обстоятельства в международных отношениях, субъективный подход, объективный тест

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Боклан Д.С., Абсаямов В.В., Курносков Ю.С. 2018. Могут ли антироссийские «санкции» и российские ответные меры быть оправданы в рамках ВТО соображениями безопасности: объективный или субъективный подход? – Московский журнал международного права. № 3. С. 18-29.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-18-29

1. General observations

The negotiating history reveals that [GATT] participants had a wide understanding of national security in mind. They found it unreasonable, for example, to request from contracting parties to continue to do business with firms that transferred all or part of their profits from their sales

to the enemy [Mavroidis, Bermann, Wu 2013:319]. According to the Ministerial Declaration adopted 29 November 1982, paragraph 7 (iii) "...the contracting parties [to the GATT] undertake, individually and jointly: ...to abstain from taking restrictive trade measures, for reasons of non-economic character, not consistent with the General Agreement". Nevertheless, a great number of trade restrictive mea-

asures were adopted against Russia since 2014 by the United States, European Union, Canada, Australia, Ukraine and some other members of the WTO. Russia in turn, applied a number of countermeasures in response¹.

As Peter Van den Bossche and Werner Zdouc note, States may wish to use trade sanctions, as an instrument of foreign policy, against other States, which either violate international law or pursue policies considered to be unacceptable or undesirable [Bossche, Zdouc 2013:596].

In case these measures will be considered WTO inconsistent the question whether they could be justified under WTO security exceptions may be raised.

Articles XXI of the GATT, XIV bis of the GATS and 73 of the TRIPS Agreement are so-called WTO "Security Exception Articles" which stipulate legal grounds for such possible justification. Therefore, Security Exception Articles may be invoked by a WTO Member only when a measure of that Member has been found to be inconsistent with another GATT, GATS or TRIPS provision.

It is worth noting that there are several provisions in other WTO agreements which contain references to the "Security Exception Articles", in particular, Article 24.7 of the Agreement on Trade Facilitation, Article 3 of the Agreement on Trade-related Investment Measures and Article 1.10 of the Agreement on Import Licensing Procedures.

According to the Decision Concerning Article XXI of the General Agreement of 1982, "the Contracting Parties may decide to make a formal interpretation of Article XXI". Moreover the Russian Federation made a special proposal at the WTO Ministerial Conference in Nairobi in 2015, according to which "...with the view to ensure clarity and predictability of implementation of Security Exceptions Provisions of the WTO Agreements Members shall develop a General Council decision on joint understanding on the interpretation of the scope of

the rights and obligations of the WTO Members under these Provisions... the negotiations shall focus on identification of circumstances when application of the measures pursuant to Security Exceptions is justified..."². However, such interpretation never had been made. Taking into account that there is a lack of WTO jurisprudence and no common view of WTO members regarding the issue at hand further analysis will be based on the scope of Security Exception Articles and Panel's jurisdiction to resolve disputes arising from them. In particular whether security exceptions are of a self-declaratory, subjective nature and as it was stated by the GATT Council in 1985 in relation to the US trade embargo against Nicaragua, "the Panel cannot examine or judge the validity or motivation for the invocation of article XXI (b) (iii) by the United States" or whether it is possible for a panel and Appellate Body to apply an objective test to Security Exception Articles.

According to Article XXI of the GATT, Article XIV bis of the GATS and Article 73 of the TRIPS Agreement: "Nothing in this Agreement shall be construed... (b) to prevent any contracting party from taking *any action which it considers necessary* for the protection of its *essential security interests*... (iii) taken in time of war or other *emergency in international relations*..." (emphases added).

Therefore, with respect to the objective test the interpretation of the following notions will be analyzed: "essential security interests"³, "necessary to protect" and "emergency in international relations". This analysis will be based on rules of general international law⁴ and the Appellate Body's approach according to which previously established interpretation of certain provisions of one WTO Agreement can be used to inform the content of the same "words" in another WTO Agreement. According to the Appellate Body jurisprudence, "same" wording in different WTO Agreements may be interpreted by previously established interpretation⁵.

¹ On legal issues with respect to tariff defense of economic security of the Russian Federation see [Vorontsova 2015:93–106; Vorontsova 2017:136–143].

² Proposal on MC10 Ministerial Declaration – Part III. Para 1.5. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN15/W14.pdf> (accessed date: 18.07.2018).

³ See in more details about the content of the term security in international law: [Boklan, Kopylov 2014:171–179; Boklan, Korshunova 2017:299–314; Amanzholov 2007:226–244; Kemerova, Zhalkubaev 2003:479–502; Lukashuk, Boklan 2003:587–597] and Boklan D.S. 2016. Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo ekologicheskogo i mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava: Avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskikh nauk. [Interconnection of International Environmental and International Economic Law. Doctoral Thesis Abstract]. Moscow. 2016.

⁴ About interconnection between general international law and WTO law see: [Marceau 2001:1129; Pauwelyn 2003; McRae 2000:21–47].

⁵ See: Appellate Body Report "United States – Tax Treatment for "Foreign Sales Corporations". 2003. Para 141. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/november/tradoc_114239.pdf (accessed date: 14.07.2018); Appellate Body Report "United States – Subsidies on Upland Cotton". 2002. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2004/july/tradoc_117893.pdf (accessed date: 15.07.2018); Appellate Body Report "United States – Sunset Review of Anti-Dumping Duties on

Further, the Appellate Body reaffirmed this approach⁶.

2. The objective approach

Article XXI (b) [of the GATT] gives a member very broad discretion to take national security measures which it “considers necessary” for the protection of its essential security interests. However, it is imperative that a certain degree of “judicial review” be maintained; otherwise the provision would be prone to abuse without redress [Bossche, Zdouc 2013:596].

The objective approach provides for establishment of certain requirements or tests for the wording of article being interpreted. However, the direct wording of the article XXI of the GATT, Article XIV *bis* of the GATS and Article 73 of the TRIPS Agreement (hereinafter Security Exception Articles) is not clear enough to understand how such decisive notions like “essential security interests”, “emergency in international relations” and “necessary to protect” should be interpreted. Therefore, these notions will be further analyzed in turn.

All subparagraphs of paragraph (b) of the Security Exception Articles are linked to the introductory clause of paragraph (b), according to which “[n]othing in this Agreement shall be construed to prevent any contracting party from taking any action which it considers *necessary* for the protection of its *essential security interests*” (emphases added). This means that the objective of the measures foreseen in subparagraphs of paragraph (b) is protection of essential security interests and they should be interpreted in the light of that objective; also the “necessity test” should be applied. Therefore we start from the analysis of the terms “essential security interests” and “necessity test”.

3. “Essential Security Interests”

Due to the absence of interpretation by the DSB or WTO Ministerial Conference of the term “essential security interests” firstly we will address interpretation existing in general international law made

by the International Law Commission (hereinafter ILC), International Court of Justice (hereinafter ICJ) and international tribunals.

According to ILC Articles on State Responsibility (Articles 20–25), there are some circumstances under which states may not be held responsible for breaching their international obligations. These circumstances which justify an otherwise wrongful act by the state include necessity (Article 25) in case it “is the only way for the State to safeguard an *essential interest* against a grave and imminent peril” (emphases added). The ILC Committee of Experts on State Responsibility through its Chairman Roberto Ago stated in 1980 that the “essential state interest” that would allow the state to breach its obligation must be a vital interest, such as “political or economic survival, the continued functioning of its essential services, the maintenance of internal peace, the survival of a sector of its population, the preservation of the environment of its territory or a part thereof, etc.”⁷.

A second limitation for invoking necessity is that the conduct in question must not seriously impair an essential interest of the other state or states concerned, or of the international community as a whole. In other terms, the interest relied on must outweigh all other considerations, “not merely from the point of view of the acting State but on a reasonable assessment of the competing interests, whether these are individual or collective” [Yannaca-Small 2007:100–101].

Thus, according to the ILC Articles on State Responsibility (Article 25) “necessity may not be invoked by the State as a ground for precluding the wrongfulness of an act not in conformity with an international obligation of that State unless the act... (b) does not seriously impair an essential interest of the State or States towards which the obligation exists, or of the international community as a whole”. This position also was confirmed by the ICJ in the *Gabcikovo-Nagymaros Project case*, where the ICJ was not convinced that the suspension and abandonment of the project was the only means available to Hungary to protect against its essential interest and noted that it could have “resorted to other means in order to respond to the dangers that it apprehended”⁸.

Corrosion-Resistant Carbon Steel Flat Products from Japan”. 1997. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-legal-materials/article/wto-appellate-body-report-united-states-measures-relating-to-zeroing-and-sunset-reviews/63DA476EED03F4CD3D1020891F1FA441> (accessed date: 15.07.2018).

⁶ See: Appellate Body Report “European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas”. 1997. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/27rhnd.pdf (accessed date: 15.07.2018).

⁷ Eighth report on State responsibility by Mr. Roberto Ago, Special Rapporteur “The internationally wrongful act of the State, source of international responsibility (part 1)”. – *Yearbook of the International Law Commission*. Vol. II (1). 1980. P. 14.

⁸ *Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1997. P. 45. Para. 56.

Third criterion with respect to interpretation of “essential security interests” that exists in general international law is whether they are limited only to military actions and/or armed attacks. The ICJ in *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* case pointed out that “the concept of essential security interests certainly extends beyond the concept of an armed attack”. However, the Court did not find the perceived threat posed by Nicaragua’s aggression in Central America to meet the requirement of essential security⁹. In more recent ICJ jurisprudence, in the *Oil Platforms* case decided in 2003¹⁰ the Court again rejected the essential security defense. Importantly, the court informed its understanding of the essential security provisions by looking to the right to self-defense of “armed attack” under international law. While the court did refer to the uninterrupted flow of maritime commerce as being a reasonable security interest of the USA, such commercial interests were considered relevant only because armed attacks were at play. The legal debate was over the interplay of use of force and justifiable self-defense in the context of necessity, not whether economic circumstances may justify the invocation of the essential security clause.

However, a different position was demonstrated by international tribunals resolving international economic disputes in *CMS v. Argentine Republic*, *LG&E v. Argentine Republic* and *Enron v. Argentine Republic*: cases where although none of the tribunals set forth its interpretation of specific, relevant terms of the essential security provision, they both concluded that major economic crises could not in principle be excluded from the scope of essential security interests¹¹. Moreover, the tribunals pointed out that “when a State’s economic foundation is under siege, the severity of the problem can equal that of any military invasion”¹². Later the *Sempra* Annulment Committee, rendered in June 2010, confirmed that “not even in the context of GATT Article XXI is the issue considered to be settled in favor of a self-

judging interpretation, and the very fact that such article has not been excluded from dispute settlement is indicative of its non-self-judging nature”¹³. The International Tribunal for the Law of the Sea in the *M/V Saiga* No. 2 case ruled that “interest in maximizing tax revenue is essential”¹⁴.

The position of the Organization for Economic Co-operation and Development is also relevant to the issue at hand. As it is enshrined in Recommendation of the OECD Council on “Member country measures concerning National Treatment of foreign-controlled enterprises in OECD member countries and based on considerations of public order and essential security interests”, adopted at its 646th meeting on 16 July 1986, that OECD Codes of Liberalization of Capital Movements and of Current Invisibles Operations may stipulate the provisions which “shall not prevent a Member from taking action which it considers necessary for the (ii) ...protection of its essential security interests... (c) examination of the possibility of amending measures based on... essential security interests in a manner which allows the reduction or avoidance of the direct or indirect impact of this discrimination against the activities of foreign-controlled enterprises outside the area where... essential security interests concerns are prevalent”¹⁵. According to the Investment Committee’s commentaries to the Codes, this safeguard provision is “deemed to address exceptional situations. In principle, it allows members to introduce, reintroduce or maintain restrictions not covered by reservations to the Code and, at the same time, exempt these restrictions from the principle of progressive liberalization...”¹⁶.

Secondly, we may find the notion of “essential security interests” in the treaties, adopted at the regional level, in particular in the Law of the European Union.

Thus, Article 346 of the Treaty on the Functioning of the European Union (hereinafter TFEU) refers to measures which a Member State “considers neces-

⁹ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1986. P. 117. Para. 224.

¹⁰ *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2003. P. 162.

¹¹ ICSID Case No. Arb/02/1 “*LG&E Energy Corp. v. Argentine Republic*”. 2006. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw4101.pdf> (accessed date: 19.07.2018).

¹² *Ibidem*. Para. 227–229.

¹³ ICSID Case No. Arb. 02/16 “*Sempra Energy Int’l v. Argentine Republic*”. Para. 384. 2010. URL: <http://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1402&context=ibra> (accessed date: 19.07.2018).

¹⁴ *M/V “SAIGA” (No. 2) (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea)*, Judgment. – *ITLOS Reports*. 1999. P. 56, Para. 133. About security issues in economic international relations in the ITLOS jurisprudence see: [Boklan 2014a:80–86].

¹⁵ OECD Codes of Liberalization of Capital Movements and Current Invisible Operations: User’s Guide. 2003. URL: <http://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/oecdcodesofliberalisationofcapitalmovementsandcurrentinvisibleoperationsusersguide.htm> (accessed date: 16.07.2018).

¹⁶ *Ibidem*.

sary for the protection of the essential interests of its security” or to “information the disclosure of which it considers contrary” to those interests.

The definition of their essential security interests is the sole responsibility of Member States¹⁷. However, according to European Court of Justice (hereinafter ECJ) case-law, Article 346 of the TFEU does not allow Member States to depart from the provisions of the Treaty by nothing more than simply referring to such interests¹⁸. The ECJ has also stated that the derogation under Article 346 TFEU is limited to exceptional and clearly defined cases, and that the measures taken must not go beyond the limits of such cases¹⁹. Like any other derogation from fundamental freedoms, it has to be interpreted strictly.

Therefore we may conclude that there is no common view in international general law with respect to the scope of meaning of “essential security interests”. On the contrary, there is a big debate whether this term includes solely military emergencies or it also may include economic ones.

The meaning of “essential security interests” is by no means unambiguous, but has been understood to be applicable only in circumstances involving national security interests. While states are to be given a margin of appreciation as to what constitutes a threat to their own national security, this discretion ought not to license states to invoke essential security interests in times of economic emergency [Moon 2012:483].

However, during last two decades we witness the evolution of the term “essential security interests”. Nowadays this term covers not only military issues but economic security as well.

4. Necessity test

Security Exceptions enshrined in the above-mentioned articles of the GATT, GATS and TRIPS require the measures to be necessary for the protection of the essential security interests. This means that the WTO member invoking Security Exception Articles has to demonstrate that the measure which was applied is necessary to achieve the objective of protection of its essential security interests.

Unlike the interpretation of the term “Essential Security Interests” the term “necessary to” was interpreted by the WTO Dispute Settlement Body in several cases applying mostly Article XX of the GATT²⁰ and in some instances Article XIV (a) of the GATS; and, therefore the so called “necessity test” was established in WTO case law. According to the Appellate Body’s position in *EC-Asbestos*, the more important the social value pursued by the measure at issue and the more this measure contributes to the protection or promotion of this value, the more easily the measure at issue may be considered to be “necessary”²¹. Moreover, in *Korea – Various Measures on Beef* the Appellate Body noted: “[w]e believe that... the reach of the word ‘necessary’ is not limited to that which is ‘indispensable’ or inevitable... But other measures, too, may fall within the ambit of this exception... the term ‘necessary’ refers, in our view, to a range of degrees of necessity. At one end of this continuum lies ‘necessary’ understood as ‘indispensable’; at the other end, is ‘necessary’ taken to mean as ‘making a contribution to’...”²².

The interpretation and application of the “necessity” requirement has evolved considerably over the years [Bossche, Zdouc 2013:556].

¹⁷ See Judgment of the ECJ First Instance (Third Chamber, extended composition) of 30 September 30, 2003 *“Fiocchi munizioni SpA v. Commission of the European Communities”* (Case T-26/01). URL: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62001TJ0026&lang1=en&type=TXT&ancre=> (accessed date: 16.07.2018).

¹⁸ See Judgment of ECJ (Grand Chamber) of December 15, 2009 *“European Commission v. Republic of Finland”* (Case C-284/05). URL: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62005CJ0284&lang1=en&type=TXT&ancre=> (accessed date: 16.07.2018); Judgment of the ECJ (Grand Chamber) of December 15, 2009 *“European Commission v. Sweden”* (Case C-372/05). URL: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62005CJ0372&lang1=en&type=TXT&ancre=> (accessed date: 16.07.2018); Judgment of the ECJ (Grand Chamber) of December 15, 2009 *“European Commission v. Italian Republic”* (Case C-239/06).

¹⁹ See Judgment of the Court (Sixth Chamber) of September 16, 1999 *“Commission of the European Communities v. Kingdom of Spain”* (Case C-414/97). URL: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=61997CJ0414&lang1=en&type=TXT&ancre=> (accessed date: 18.07.2018); Judgment of the ECJ (Grand Chamber) of December 15, 2009 *“European Commission v. Italian Republic”* (Case C-239/06). URL: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62006CJ0239&lang1=en&type=TXT&ancre=> (accessed date: 18.07.2018).

²⁰ With respect to application of Article XX of the GATT see also: [Boklan 2014b:98–106; Pauwelyn 2013:448–506; Low, Marceau, Reinaud 2012:485–505; Trachtman 2016]; [Boklan 2014b:98–106].

²¹ Appellate Body Report *“European Communities – Measures Affecting Asbestos and Asbestos-Containing Products”*. 2000. Para. 172. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=1236&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash= (accessed date: 18.07.2018).

²² Appellate Body Report *“Korea – Measures Affecting Imports of Fresh, Chilled and Frozen Beef”*. 2000. Para. 161. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/161-169abr_e.pdf (accessed date: 18.07.2018).

The most recent approach was applied by the WTO Appellate Body in *Brazil-Retreated Tyres*, according to which “[I]n order to determine whether a measure is ‘necessary’... a panel must consider the relevant factors, particularly the importance of the interests or values at stake, the extent of the contribution to the achievement of the measure’s objective, and its trade restrictiveness. If this analysis yields a preliminary conclusion that the measure is necessary; this result must be confirmed by comparing the measure with possible alternatives, which may be less trade restrictive while providing an equivalent contribution to the achievement of the objective. This comparison should be carried out in the light of the importance of the interests or values at stake. It is through this process that a panel determines whether a measure is necessary”²³. The Appellate Body pointed out that to determine whether a measure is “necessary” is a “holistic operation that involves putting all the variables of the equation together and evaluate them in relation to each other after having examined them individually, in order to reach an overall judgment”²⁴. A measure must bring about a material contribution to the achievement of its objective; and that whether a measure brings about such contribution can be demonstrated either by evidence that the measure: (1) has already resulted in a material contribution; or (2) is apt to produce a material contribution²⁵.

Therefore, according to the WTO jurisprudence the “necessity test” involves weighing the following factors: the contribution made by the respective measure to the achievement of its objectives; the importance of the interests or values protected by the measure (the higher the importance the more necessity); the trade-restrictive effects of the measure (the more restrictive – the less necessary).

The measure also has to be compared with possible alternative measures, which may be less trade restrictive while providing an equivalent contribution to the achievement of the objective pursued.

5. Emergency in international relations

As for the objective test for interpretation of the term “emergency in international relations”,

some commentators underline that, the text of Article XXI (b) (iii) of the GATT, strongly suggests that “other emergency in international relations” sets a standard which the Contracting Party invoking article XXI (b) (iii) has to meet and not to define unilaterally. This understanding would be parallel to that of the other sub-sections of article XXI (b) which are all structured such that they grant (extraordinarily broad) discretion only if certain objective prerequisites are met. The term “emergency” excludes from its scope ordinary strained relations between States; it implies some sort of extreme conflict between States. Thus, a preliminary interpretation reveals that “emergency in international relations” encompasses every hostile interaction between States involving the use of force. However, “emergency in international relations” might cover additional situations not necessarily involving the use of force [Hahn 1991:589].

Although there is no interpretation of the term “emergency in international relations” made by the Panel or Appellate Body, however, with respect to the United States’ measures adopted against Nicaragua, India stated that “the scope of the term ‘other emergency in international relations’, was very wide... a contracting party having recourse to Article XXI (b) (iii) should be able to demonstrate a genuine nexus between its security interests and the trade action taken; the security exception should not be used to impose economic sanctions for non-economic purposes. India considered that such a nexus had not been established by the United States in this case, and that the action taken was, therefore, not in conformity with the General Agreement. India fully supported the Nicaraguan request that the measures be revoked”²⁶.

Therefore we may conclude that “emergency in international relations” in the meaning of Security Exception Articles means an exceptional situation, which threatens WTO Member security. There must be a genuine link between such a threat and the actions of the threatening WTO member. That means that only threatening and threatened WTO Members could participate in such “international relations”, but not third parties.

²³ Appellate Body Report “Brazil – Measures Affecting Imports of Retreaded Tyres”. 2007. Para. 178. URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/FE74493013FCB92664CA005619DD779D/S0020589308000560a.pdf/iii_appellate_body_report_brazilmeasures_affecting_imports_of_retreaded_tyres_adopted_on_17_december_2007.pdf (accessed date: 18.07.2018).

²⁴ Ibidem. Para. 182.

²⁵ Ibidem. Para. 151.

²⁶ Minutes of the meeting of the GATT Council. C/M/188. 1985. P. 11. URL: <https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/C/M185.PDF> (accessed date: 17.07.2018).

6. Subjective approach

Traditionally, in international relations, national security takes precedence over the benefits of trade [Bossche, Zdouc 2013:595].

The subjective test or self-judging nature of Article XXI of the GATT was established in the very first GATT panel report in *US-Export Restrictions (Czechoslovakia)*, where the Panel stated, that “every country must be the judge in the last resort on questions relating to its own security”²⁷.

Then in 1982, the European Economic Community (EEC) and its member states, Canada, and Australia suspended imports into their territories of products of Argentina. In notifying these measures they stated that “they have taken certain measures in the light of the situation addressed in the Security Council Resolution 502 [the Falkland/Malvinas issue]; they have taken these measures on the basis of their inherent rights of which Article XXI of the General Agreement is a reflection”²⁸. The EEC stated that “each party had to judge on its own whether to invoke this Article”²⁹. Canada was seriously concerned that GATT not be politicized, and fully agreed with the United States that only the individual contracting party itself could judge questions involving national security; a panel could not make that judgment³⁰. The United States pointed out that “GATT was not empowered to examine the motivation behind an action taken for national security reasons”³¹. Further this position was reaffirmed by the United States in *US – Nicaraguan Trade*, where they stressed that Article XXI is the provision, which “by its clear terms, left the validity of the security justification to the exclusive judgment of that contracting party taking the action”³². The Panel also noted that, “in the view of the United States... the Panel, both by the terms of Article XXI and by its mandate, was precluded from examining the validity of the United States' invocation of Article XXI... The United States' compliance with its obligations under the General Agreement was therefore not an issue before the Panel”³³. More-

over, the United States suggested that it would not be advisable for the Panel to attempt a general interpretation as to when nullification or impairment existed or did not exist notwithstanding an invocation of Article XXI. And on top of that, no recommendation could be proposed to remove the embargo since to do so would imply a judgment on the validity of the national security justification which Article XXI, by its terms, left to the exclusive judgment of the contracting party taking the action. In addition, the United States noted that nothing in the Panel's terms of reference, or Article XXIII, or GATT practice would give any other contracting party reason to expect any recommendation by the Panel directed to third parties not represented in this dispute³⁴.

Therefore, much of the debate with respect to possible applicability of the subjective test to Article XXI comes from the words in introductory clause of paragraph (b) – “to prevent any contracting party from taking *any action which it considers necessary* for the protection of its essential security interests” (emphasis added).

Commentators underline that the language of Article XXI of the GATT, which operates with the phrase “any action that it considers”, clearly gives a great weight to discretion of a state, implying an exclusively subjective standard of review [Lindsay 2003:1282].

Thus in the recent case *United Arab Emirates – Goods, Services and IP Rights*, where the Panel was already established the United Arab Emirates objected to Qatar's panel request, saying that it and eight other countries were forced to take measures in response to Qatar's funding of terrorist organizations. Article XXI of the GATT, Article XIV bis of the GATS and Article 73 of the TRIPS Agreement allows members to take action in the interests of national security. In any event, the UAE said the issues in this dispute were not trade issues, the WTO's dispute system was not equipped to hear them, and clear language existed in the agreements excluding such disputes from the WTO. Bahrain, Saudi Arabia and

²⁷ Panel Report CP.3/SR.22 “US – Export Restrictions (Czechoslovakia)”. 1949. URL: <http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/gattpanels/usexportrestrictions.pdf> (accessed date: 18.07.2018).

²⁸ Trade Restrictions Affecting Argentina Applied for Non-economic Reasons. – *GATT Doc. L/5319/Rev.1*. 1982. URL: https://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/90990459.pdf (accessed date: 17.07.2018).

²⁹ Minutes of the Meeting of the GATT Council. C/M/191.1985. P. 44. URL: <https://docs.wto.org/gattdocs/q/GG/C/M191.PDF> (accessed date: 17.07.2018).

³⁰ Ibidem. P. 45.

³¹ Ibidem. P. 43.

³² Panel Report L/6053 “US – Nicaraguan Trade”. 1986. Para. 4.6. URL: <http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/gattpanels/nicembargo.pdf> (accessed date: 17.07.2018). This report was never adopted.

³³ Ibidem. Para 5.2.

³⁴ Ibidem. Para 4.1.

Egypt associated themselves with the UAE statement and said they had taken necessary measures against Qatar in line with the national security exceptions provided for in the WTO agreements. Saudi Arabia also noted that nothing in the agreements requires a member to furnish information to the WTO regarding its essential security interests. The United States said that national security issues were political and not appropriate for the WTO dispute system³⁵.

Therefore, the strongest argument of the supporters of the objective approach lies in the self-judging nature of the term "it considers". There is still no clear position of the WTO DSB or Ministerial Conference in this regard. However, in 2008, the ICJ agreed with the Applicant, Djibouti in this case, which contended that "even in reliance on what it describes as a "self-judging clause", the requested State must act reasonably and in good faith" and therefore such a clause may be subject to the Court's analysis³⁶.

7. Conclusion

Although Security Exception Articles give WTO members a broad discretion to take national security measures which they "consider necessary" for the protection of their essential security interests this discretion should be balanced with trade interests of other WTO members. Such balance may be executed by the review of the WTO DSB, otherwise the provision "would be prone to abuse without redress" [Bossche, Zdouc 2013:596]. The objective approach provides for establishment of certain requirements or tests for the wording of article being interpreted. However, direct wording of Security Exception Articles is not clear enough to understand how such decisive notions like "essential security interests", "emergency in international relations" and "necessary to protect" should be interpreted.

Today we witness the evolution of the term "essential security interests", which covers not only military issues but economic security as well.

According to the WTO jurisprudence, the "necessity test" involves weighing the following factors: the contribution made by the respective measure to the achievement of its objectives; the importance of the interests or values protected by the measure; the trade-restrictive effects of the measure.

The measure also has to be compared with "possible alternative measures", which may be less trade restrictive while providing an equivalent contribution to the achievement of the objective pursued.

"Emergency in international relations" under Security Exception Articles means an exceptional situation, which threatens WTO Member security. There must be a genuine link between such a threat and the actions of the threatening WTO member. That means that only threatening and threatened WTO Members could participate in such "international relations", but not third parties.

Much of the debate with respect to possible applicability of the subjective test to Security Exception Articles is based on the words "to prevent any contracting party from taking any action which it considers necessary for the protection of its essential security interests". However, we may face a tendency to interpret the "self-judging clause", in the light of "a good faith" principle and therefore subject to the Court's analysis.

There are several cases pending at the WTO DSB, connected with the anti-Russian "sanctions" and Russian countermeasures³⁷. That means that the issue discussed in this paper is on top of WTO DSB agenda and likely we will see new developments in the WTO law with respect to the Security Exception Articles.

References

1. Amanzholov Zh. M. 2007. Mnogostoronnii mezhdunarodnye dogovory v obespechenii vodnoi bezopasnosti v Tsentral'noi Azii [Multilateral International Treaties Ensuring Water Security in Central Asia]. – *Moscow Journal of International Law*. 2007. No. 4 (68). P. 226–244. (In Russ.)
2. Boklan D., Korshunova A. 2017. National Security as a
3. Boklan D.S. 2014a. Praktika razresheniya mezhdunarodnym sudom OON sporov, vytekayushchikh iz mezhdunarodnykh ekologicheskikh i mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii [International Tribunal for the

Foundation and a Limit on a State's Right to Rely on Permanent Sovereignty over Natural Resources. – *Kutafin University Law Review*. Vol. 4. No. 2. P. 299–314. DOI: 10.17803/2313-5395.2017.2.8.299-314

³⁵ See United Arab Emirates – Measures Relating to Trade in Goods and Services, and Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds526_e.htm (accessed date: 18.07.2018).

³⁶ Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (*Djibouti v. France*) Judgment. – I.C.J. Reports. 2008. P. 53, 56. Para. 135, 145.

³⁷ See for instance: DS512: Russia – Measures Concerning Traffic in Transit; DS525: Ukraine – Measures relating to Trade in Goods and Services; DS532: Russia – Measures Concerning the Importation and Transit of Certain Ukrainian Products.

- Law of the Sea Case Law on cases arising from international environmental and international economic relations]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. No. 4. (12). P. 80–86. (In Russ.)
4. Boklan D.S., Kopylov M.N. 2014. Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo ekologicheskogo i mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava kak otraslei sistemy mezhdunarodnogo prava [Interconnection of International Environmental and International Economic Law as Branches of International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. No. 3 (95). P. 171–191. (In Russ.)
 5. Bossche P., Zdouc W. 2013. *The Law and Policy of the World Trade Organization*. Cambridge: Cambridge University Press. 1045 p.
 6. Hahn M.J. 1991. Vital Interests and the Law of GATT: An Analysis of GATT's Security Exception. – *Michigan Journal of International Law*. Vol. 12. Issue 3. P. 558–620.
 7. *International Investment Perspectives: Freedom of Investment in a Changing World*. 2007. P. 93–134. URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/40243411.pdf> (accessed date: 18.07.2018).
 8. Kemerova D., Zhalkubaev G. 2003. Water, Conflict and Regional Security in Central Asia revisited. – *New York University Environmental Law Journal*. Vol. 11. Issue 2. P. 479–502.
 9. Low P., Marceau G., Reinaud J. 2012. Interface between the Trade and Climate Change Regimes: Scoping the Issues. – *Journal of World Trade*. Vol. 46. Issue 3. P. 485–505
 10. Lukashuk I.I., Boklan D.S. 2003. The Concept of the US National Security and International Law: a View from Moscow. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 2. Issue 2. P. 587–597.
 11. Marceau G. 2001. Conflicts of Norms of Jurisdictions: The Relationship between the WTO Agreement and MEAs and Other Treaties. – *Journal of World Trade*. Vol. 35. Issue 6. P. 1081–1131.
 12. Mavroidis P.C., Bermann G.A., Wu M. 2013. *The Law of the World Trade Organization (WTO): Documents, Cases & Analysis*. 2nd ed. Saint Paul: West Academic Publishing. 1162 p.
 13. McRae D.M. 2000. The WTO in International Law: Tradition Continued or New Frontier? – *Journal of International Economic Law*. Vol. 3. Issue 1. P. 21–47
 14. Moon W.J. 2012. Essential Security Interests in International Investment Agreements. – *Journal of International Economic Law*. Vol. 15. Issue 2. P. 481–502. DOI: 10.1093/jiel/jgs024
 15. Note L. 2003. The Ambiguity of GATT Article XXI: Subtle Success or Rampant Failure? – *Duke Law Journal*. Vol. 52. P. 1277–1313.
 16. Pauwelyn J. 2003. *Conflict of Norms in Public International Law: How WTO law Relates to Other Norms of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 491 p.
 17. Pauwelyn J. 2013. Carbon Leakage Measures and Border Tax Adjustments under WTO Law. – *Research Handbook on Environment, Health and the WTO*. Ed. by G. van Calster, D. Prevost. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar P. 448–506.
 18. Trachtman J.P. 2016. WTO Law Constraints on Border Tax Adjustment and Tax Credit Mechanisms to Reduce the Competitive Effects of Carbon Taxes. – *16-03 Resources for the Future Discussion Paper 1-41*. 45 p. URL: <http://www.rff.org/files/document/file/RFF-DP-16-03.pdf> (accessed date: 17.07.2018).
 19. Vorontsova N.A. 2015. Mezhdunarodno-pravovye normy vremennogo vvoza (dopuska) tovarov na territoriyu gosudarstv [International Legal Rules of the Temporary Entry (Admission) of Goods into the Territory of States]. – *Moscow Journal of International Law*. No. 2 (98). P. 93–106. (In Russ.)
 20. Vorontsova N.A. 2017. Cozdanie setevykh al'yansov Rossiiskoi Federatsii s inostrannymi gosudarstvami i mezhdunarodnymi organizatsiyami [Creation of Network Alliances of the Russian Federation with Foreign States and International Organizations]. – *Moscow Journal of International Law*. No. 2. P. 136–143. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-136-143

About the Authors

Daria S. Boklan,

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Public and Private International Law, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"

20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000

dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Vadim V. Absaliyev,

Student, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"

20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000

vvabsaliyev@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0001-6694-4133

Информация об авторах

Дарья Сергеевна Боклан,

доктор юридических наук, профессор кафедры международного публичного и частного права, Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва Мясницкая ул., д. 20

dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Вадим Вилевич Абсалимов,

студент, Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., д. 20

vvabsaliyev@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0001-6694-4133

Yury S. Kurnosov,

Student, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"

20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000

uscure@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2445-263X

Юрий Сергеевич Курносов,

студент, Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва Мясницкая ул., д. 20

uscure@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2445-263X

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-30-40

Джультетта Рубеновна АБГАРЯН

Российско-Армянский (Славянский) университет

Овсепя Эмина ул., д. 123, Ереван, 375051, Республика Армения

jetta.ab@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5182-420

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. Основным предметом исследования являются вопросы защиты предпринимателей и повышения уровня национальной экономической безопасности в контексте международно-правовых стандартов. В статье приводится определение понятия международно-правовых стандартов как эталонов, согласованных государствами и выраженных в международных договорах. Исторически они начали развиваться в контексте международного права прав человека. В связи с этим рассматриваются основополагающие международно-правовые акты, которые применимы в контексте прав предпринимателей: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Далее исследуются актуальные вопросы данной проблематики на примере стандарта обмена информацией о финансовых счетах ОЭСР, деятельности бизнес-омбудсменов и практики государств.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили современные труды ученых, законы Российской Федерации и других государств, а также международно-правовые акты в части международного опыта защиты прав предпринимателей, обеспечения безопасно-

сти бизнеса, а также проблемы, связанные с использованием этого опыта в национальных, политических и экономических системах. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В исследовании установлено, что на современном этапе накоплен значительный международный опыт защиты прав предпринимателей, который не только успешно используется, но и совершенствуется применительно к национальной специфике ведения бизнеса в каждом отдельно взятом государстве. Посредством изучения международного опыта возможно на национальном уровне достичь наивысшей степени обеспечения безопасности бизнеса, а также решить проблемы, связанные с закреплением этого опыта в национальных, политических и экономических системах.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В настоящее время существует значительное число правовых механизмов для защиты прав предпринимателей. Они касаются как международно-правовой сферы (международные договоры, правовые акты международных организаций), так и внутригосударственного права. В рамках настоя-

щей статьи рассмотрены различные аспекты защиты прав предпринимателей. В связи с этим следует сказать, что с формальной стороны отсутствует дифференциация такой защиты в зависимости от того, является ли бизнес крупным, средним или малым. В настоящее время как на международно-правовом, так и на внутригосударственном уровне предпринимаются усилия по созданию баланса между частным, государственным интересом и интересами мирового сообщества. Так, государство стремится получать налоги с предпринимательской деятельности, частным лицам необходимо, чтобы работы, товары и услуги были недорогими и качественными, а со стороны предпринимателей законные интересы лежат в плоскости максимизации прибыли и сокращения издержек. В то же время международное сообщество нацелено на решение проблем в различных сферах:

начиная от экологического регулирования и заканчивая предотвращением размывания налоговой базы и переноса прибыли компаний в более выгодные юрисдикции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономический кризис, бизнес, предпринимательство, экономическое развитие, конкуренция, государственные реформы, финансы, защита предпринимателей, экономическая безопасность, бизнес-омбудсмены, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, минимизация риска

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абгарян Д.Р. 2018. Актуальные вопросы защиты прав предпринимателей в международном и национальном праве. – Московский журнал международного права. № 3. С. 30-40.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-30-40

HUMAN RIGHTS

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-30-40

Julietta R. ABGARIAN

Russian-Armenian (Slavic) University

123, ul. Ovsepa Emina, Erevan, Republic of Armenia, 37505

jetta.ab@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5182-420

CURRENT ISSUES OF PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

INTRODUCTION. *The main subject of the article is the protection of entrepreneurs and the improvement of national economic security in the context of international legal standards. The article provides a definition of international legal standards as standards, agreed by states and stipulated in international treaties. Historically, they began to evolve in the context of international human rights law. In this regard, the fundamental international legal acts that may be applicable in the context of the rights*

of entrepreneurs are: the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966, the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950. Then some aspects are scrutinized: the standard for the exchange of information on financial accounts of the OECD, business ombudsman, state practice.

MATERIALS AND METHODS. *The materials for the study were the modern works of scientists, the laws of the Russian Federation and other states,*

as well as international legal acts on international experience protecting the rights of entrepreneurs, ensuring business security, as well as problems associated with the consolidation of this experience in national, political, economic systems. The methodological basis of the research was the general scientific and private scientific methods of cognition.

RESEARCH RESULTS. *The results of the research are that, firstly, at the present stage, significant international experience has been accumulated to protect the rights of entrepreneurs and industrialists, which is not only successfully used, but also perfected, improved with respect to the national specifics of doing business in each individual country, and, that through the study of international experience, it is possible to reach the highest level of business security at the national level, as well as to solve problems related to fixing this experience in national, political, economic systems.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The main conclusions: firstly, that each country can achieve a high level of business security at the national level*

through the study of international experience; secondly, at the present stage, a significant international experience has been accumulated to protect the rights of entrepreneurs, which is not only successfully used, but perfected with reference to the national specifics of doing business in each individual country, and, thirdly, it seems possible to solve problems related to the reduction of this experience in national, political, economic systems.

KEYWORDS: *economic crisis, business, entrepreneurship, economic development, competition, state reforms, Finance, protection of entrepreneurs, economic security, business ombudsman, Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs under the President of the Russian Federation, minimization of risk*

FOR CITATION: Abgarian J.R. Current Issues of Protection of Entrepreneurs' Rights in International and National Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 30-40.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-30-40

1. Общие положения

Правовые стандарты – это образцы, модели и принципы, которые согласованы государствами в международно-правовых актах. Как правило, это нормы общего характера, провозглашаемые в международных договорах, а также закрепленные в международно-правовых обычаях [D'Amato 2010; Janis 1984:407]. Свое применение они нередко находили в спорах государств между собой и с другими субъектами международного права [Taylor 2018:215; Merrills 2011:62].

Исторически правовые стандарты стали закрепляться в контексте международного права прав человека. С течением времени они расширили свое действие в других отраслях и институтах. Одним из таких институтов, в котором действуют международно-правовые стандарты, является защита прав предпринимателей. Исторически категория стандартов защиты прав предпринимателей входит в родовое понятие прав человека. Соответственно, то, что присуще стандартам защиты прав человека характерно также и для защиты прав предпринимателей. Однако защита прав предпринимателей более сосредоточена на экономических, фискальных аспектах.

Мировой экономический кризис, который периодически охватывает те или иные страны, предопределяет положение, когда вопросы защиты прав предпринимателей и повышения уровня национальной экономической безопасности выходят на первый план в политике практически всех государств [Фадеева 2012:131; Giovanoli 2000], поскольку экономическое благополучие и стабильность являются основой для наиболее значимых государственных реформ. Реальность такова, что страны с различной степенью устойчивости финансовой системы, неодинаковым уровнем экономического развития и социально-го благополучия проводят реформы, нацеленные на поддержку и защиту бизнеса, в том числе малого предпринимательства, дающего экономике любого государства «необходимую гибкость» [Адаменко 2016:162].

В контексте экономической защиты предпринимателей существует множество аспектов: от электронной торговли [Dickie 2005:10; Gillies 2008:210; Chissick, Kelman 2001:27], прав интеллектуальной собственности предпринимателей [Research Handbook... 2009:213; Ginsburg 2003:206; Lüder 2007:14] до установления баланса интересов клиентов и кредитных учреждений в банковской сфере [Королёв, Рыжов 2017:26].

Политика государств в сфере поддержки и защиты предпринимателей строится на основе программных положений международных нормативных правовых актов и договоров. Например, Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., в ст. 22 устанавливает, что каждый человек как член общества имеет право на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав, в том числе в экономической области.

Схожее по правовой природе положение содержится в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. В ст. 6 этого документа признается право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, а также гарантируются основные экономические права и свободы человека.

В европейских странах права предпринимателей и обязанность государства по их защите закрепляются (пусть и косвенно) Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. В частности, в ст. 4 данного международного договора содержится указание на запрет принудительного или обязательного труда, означающее свободу выбора профессиональной, творческой, коммерческой и иной деятельности, необходимой для удовлетворения потребностей финансово-экономического характера.

Рамочным правовым актом, применимым ко всем сферам экономической деятельности и ко всем профессиям на территории Европейского союза, является Директива Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2006 г. 2006/123/ЕС об услугах на внутреннем рынке¹. Положения Директивы призваны облегчить и определить порядок деятельности лиц, занимающихся самостоятельной экономической деятельностью (поставщиков услуг), с тем чтобы на территории всех государств – членов Европейского союза они могли более эффективно заниматься этой деятельностью на постоянной (свобода

учреждения) или на временной, эпизодической основе (свободное предоставление услуг). Разграничение этих понятий можно найти в «третьем праве» ЕС. Так, в деле Герритсе (Case No. C-234/01) Суд ЕС установил, что существует принцип разовых экономических операций (freedom to provide services), а также принцип свободы осуществления экономической деятельности (freedom of establishment)². Эти принципы были выработаны судебной практикой Суда ЕС на основании положений учредительных актов Европейского сообщества и имеют прямое действие [Harris 2004:153].

Международный опыт защиты прав предпринимателей зиждется на программной установке поддержки и создания условий для развития бизнеса любого масштаба – от монополий до среднего и малого звена, причем именно малый бизнес на современном этапе выполняет роль «инструмента регулирования экономических отношений между отдельными секторами и сферами экономики, различными группами населения»³.

2. Международный уровень защиты прав предпринимателей

Правовое обеспечение и защита прав и законных интересов предпринимателей на международном уровне успешно осуществляются союзами и объединениями предпринимателей, промышленников разных стран. Одной из наиболее авторитетных международных организаций подобного рода по праву может быть назван Евразийский союз промышленников и предпринимателей (ЕАСПП), объединяющий предприятия, предпринимателей и иных заинтересованных лиц в единую структуру, цель которой – организация взаимовыгодного сотрудничества и оказание всесторонней поддержки всем своим членам с использованием возможностей Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества.

Защита прав и законных интересов предпринимателей предполагает дифференцированный подход к определению ее основных направлений

¹ Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on services in the internal market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006L0123&from=EN> (accessed date: 17.07.2018).

² Judgment of the Court (Fifth Chamber) of June 12, 2003 in case C-234/01 *Arnoud Gerritse v. Finanzamt Neukölln-Nord*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62001CJ0234&from=EN> (accessed date: 17.07.2018).

³ Хамидуллин Ф.Ф. Формирование институциональной среды развития системы малого предпринимательства: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Казань. 2017. С. 15.

и перспектив преобразования, сообразно трем взаимосвязанным уровням: международному, государственному и личностному (определяемому потребностями и интересами отдельных представителей бизнеса).

Международный уровень призван обеспечить безопасность, стабильность и интеграцию разных форм предпринимательства; обмен научно-техническими достижениями; реализацию межгосударственных экономических проектов (причем, не только масштабных, наподобие «Южного потока», но и небольших по финансовым вложениям коммерческих мероприятий); увеличение товарообмена и снижение негативных последствий применения санкций, подрывающих межгосударственные традиции финансово-экономического сотрудничества, сеющих хаос и разорение, приводящих к сокращению рабочих мест.

Международный масштаб развития бизнеса предполагает поднятие защиты прав его представителей на качественно новый уровень, позволяющий минимизировать разногласия между компаниями различных государств, возникающие по причине специфики технологического типа производства, существующего в отдельных странах, а также способствует развитию информационной экономики. Современная информационная сфера по своей природе носит международный характер, стирая привычные грани между понятиями национального и интернационального. Современные достижения в развитии информационных и коммуникационных технологий привели к формированию глобальной электронной среды для экономической деятельности [Dickie 2005:10]⁴. Логично предположить, что подобная среда должна способствовать развитию хозяйственной деятельности.

Принимая во внимание международный опыт в части прав предпринимателей, следует сказать о современных проблемах защиты бизнеса. Сегодня высокий уровень развития бизнеса, отражающий его тенденции к расширению за счет выхода за национальные рамки, актуализирует задачи по защите предпринимателей от недобросовестной конкуренции. Под недобросовестной конкуренцией понимаются дискредитация конкурента (распространение недостоверной информации о «чистоте» его бизнеса или деловых качествах); имитация (использование репутации

конкурента для создания сходства в оформлении своих товаров с товарами конкурента и привлечения его потребителей); дезорганизация (нарушение установленного законом или обычаями делового оборота порядка ведения бизнеса, особенно когда речь идет о трансграничных сделках), а также паразитирование (использование репутации и достижений конкурентов в целях извлечения прибыли).

Еще одна не менее значимая проблема защиты прав предпринимателей, существующая на международном уровне и рассматриваемая через призму предпринимательской деятельности, – это юридическое удостоверение и расширение возможностей задействования в экономической деятельности посреднических операций. Глобализация мировой экономики и усиление взаимозависимости хозяйствующих субъектов разных стран имеют следствием расширение масштабов международной торговли и инвестиционного сотрудничества, которое в силу объективных причин (трансграничный характер договоров, использование различных средств и способов оплаты, непрозрачность таможенных процедур и т.д.) не может беспрепятственно осуществляться без соответствующих посреднических механизмов.

Обеспечение коммерческих интересов компаний в международных сделках возможно путем привлечения для юридического и технического сопровождения операций внешних посреднических организаций, оказывающих услуги по содействию компаниям в международной хозяйственной деятельности. Наибольшее значение такие посредники имеют для предприятий малого и среднего бизнеса, поскольку те не владеют достаточным количеством собственных ресурсов для самостоятельного осуществления операций на внешних рынках [Адаменко 2016:25]⁵. Особенно высоким спросом в контексте трансграничной деятельности пользуются налоговые посредники, позволяющие создавать гибридные инструменты в уклонении или уходе от налогообложения в разных юрисдикциях.

Международный уровень защиты прав предпринимателей не может существовать автономно. Он предполагает, что каждое государство должно создавать условия, при которых предприниматели «смогут эффективно реализовать цели

⁴ См. также: Муравьев В.А. Информация в международном бизнесе: Дис. ... канд. экон. наук. М. 2013. С. 22.

⁵ См. также: Лукашенко Е.А. Посреднические компании в современном международном бизнесе: Дис. ... канд. экон. наук. М. 2012. С. 17.

своей деятельности (максимизация прибыли, минимизация риска, защита собственности и т.п.)»⁶.

3. Баланс между защитой прав предпринимателей и фискальным суверенитетом государств

В то же время, по нашему мнению, необходим баланс между защитой прав предпринимателей и обеспечением публичного интереса. Одним из самых показательных аспектов в этом отношении является международно-правовое регулирование сотрудничества государств в части обмена информацией по налогам и сборам. Пожалуй, мало других тем международного общения, которые вызывали бы такой же интерес государств к сотрудничеству. В феврале 2014 г. ОЭСР обнародовала Единый глобальный стандарт автоматического обмена информацией о финансовых счетах (далее – Единый глобальный стандарт)⁷. Он подготовлен в сотрудничестве с «Группой 20» и Евросоюзом, а также одобрен Комитетом по налогам ОЭСР. Его имплементация началась в 2017 г. Конвенция ОЭСР и Совета Европы о взаимной административной помощи по налоговым делам 1988 г. (в ред. Протокола 2010 г.)⁸ содержит правовое основание для автоматического обмена информацией. Что касается ООН, то в налоговой сфере в целом и при обмене информацией в частности данная международная организация следует рекомендациям ОЭСР. Например, основанием для обмена информацией в рамках компетенции ООН служит ст. 26 Конвенции ООН об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами 2011 г., которая на ¾ повторяет аналогичную статью Модельной конвенции ОЭСР об избежании двойного налогообложения по налогам на доходы и капитал 1963 г.

В настоящее время создается и тестируется механизм реализации процедуры по автоматическому обмену информацией. Согласно Единому

глобальному стандарту сведения о зарубежных доходах своих резидентов государства получают не по запросу, но в автоматическом режиме. Однако этот Стандарт предусматривает предоставление информации по операциям по счетам с остатком более 250 тыс. долл. Соответственно, банки и другие кредитные учреждения обязаны устанавливать фактических владельцев активов.

Обмен информацией проводится ежегодно. Государства – участники обмена передают информацию не только об инвестиционных доходах, но и о средствах на счетах, а также о продаже финансовых активов. Речь идет о счетах физических и юридических лиц, а также трастов. Раскрываться должна информация и о тех, кто контролирует эти структуры.

Здесь следует отметить, что в данном случае на международно-правовой уровень выносятся стандарт одного из государств. Положения Единого глобального стандарта основываются на Законе США «О налоговой дисциплине в отношении зарубежных счетов» (FATCA) 2010 г.⁹ Тем не менее ряд положений Единого глобального стандарта отличается от норм FATCA. Разница в требованиях FATCA и нового Единого глобального стандарта заключается в отмене некоторых пороговых величин, которые были установлены FATCA для ограничения числа счетов, требующих контроля. В то же время подверглись изменению положения о том, что нужно понимать под финансовым счетом в определенных обстоятельствах. Так, было отменено исключение в отношении инструментов, регулярно участвующих в торгах на признанной фондовой бирже.

Государства, в которых традиционно охранялась банковская тайна, вынуждены идти на уступки ОЭСР в этом вопросе. В частности, министр финансов Люксембурга объявил о том, что эта страна готова предоставлять информацию о процентах по вкладам иностранных держателей счетов в люксембургских банках налоговым органам стран налогового резидентства таких вкладчиков¹⁰.

⁶ Кабир М.Е. Государственная и общественная поддержка малого предпринимательства (международный опыт): Дис. ... канд. экон. наук. М. 2014. С.13.

⁷ Standard for Automatic Exchange of Financial Account Information in Tax Matters of 2014. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/standard-for-automatic-exchange-of-financial-account-information-for-tax-matters_9789264216525-en#page1 (accessed date: 17.07.2018).

⁸ The Multilateral Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters of 1988. Amended by the 2010 Protocol. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/the-multilateral-convention-on-mutual-administrative-assistance-in-tax-matters_9789264115606-en#page8 (accessed date: 17.07.2018).

⁹ Foreign Account Tax Compliance Act of 2010. URL: <https://www.irs.gov/pub/irs-utl/froug.pdf> (accessed date: 17.07.2018).

¹⁰ Luxembourg must diversify its economy and maintain a strong and resilient financial sector. URL: <http://www.oecd.org/economy/luxembourg-must-diversify-its-economy-and-maintain-a-strong-and-resilient-financial-sector.htm> (accessed date: 17.07.2018).

Что касается государств – членов ЕС, то процесс гармонизации сферы налогов и сборов уже привел к существенному их сближению в части обмена и сотрудничества налоговых администраций по обмену информацией. Например, в Евросоюзе действует Регламент Совета Европы от 7 октября 2010 г. № 904/2010 об административном сотрудничестве и борьбе против мошенничества в области налога на добавленную стоимость¹¹. Основная цель такого сотрудничества заключается в борьбе с уклонением от уплаты НДС, в то время как меры по гармонизации налогов, принимаемые для укрепления внутреннего рынка, должны включать в себя установление общей системы взаимодействия между государствами-членами, в частности, в отношении обмена информацией, с помощью которой уполномоченные органы могли бы оказывать содействие друг другу и сотрудничать с Комиссией ЕС в целях обеспечения правильного применения НДС при поставках товаров и оказании услуг, приобретении товаров внутри Европейского сообщества, а также при импорте товаров.

При этом большое значение придается электронному хранению и передаче определенных данных для целей контроля НДС, т.е. инфраструктуре административного взаимодействия налоговых органов. В ЕС обеспечен быстрый обмен информацией и автоматизированный доступ к информации. Поэтому постоянно обновляются базы данных по лицам, облагаемым НДС, и их сделкам внутри ЕС путем включения в них информации о налогоплательщиках и об их сделках. В соответствии с лучшими образцами практики ОЭСР и даже превосходя их, в ЕС по НДС осуществляется два вида обмена информацией: по запросу (ст. 7–9 Регламента) и по собственной инициативе (ст. 14 Регламента). В частности, сведения представляется по инициативе, если государство – член ЕС имеет основания полагать, что в другом государстве-члене произошло или может произойти нарушение законодательства об НДС, или если существует риск налоговых потерь в другом государстве – члене ЕС, а также для эффективного осуществления налогового контроля.

Таким образом, с 1 января 2015 г. уполномоченные органы каждой страны – участника ЕС обмениваются информацией в автоматическом

режиме, чтобы обеспечить возможность государств-членов по месту потребления отслеживать декларирование и правильную уплату сумм НДС налогоплательщиками, учрежденными за пределами их территории, с учетом телекоммуникационных услуг, радиовещания и электронных услуг. Государство – член ЕС по месту учреждения должно уведомить государство-член по месту потребления о любых несоответствиях, которые ему известны.

На этом примере мы видим, что защита прав предпринимателей не является абсолютной ценностью в части налоговых поступлений в бюджет. Государства в рамках разных международных организаций (ООН, ОЭСР, ЕС, ЕАЭС) создают механизм, препятствующий использованию преимуществ глобальной торговли и различий в правовых системах.

4. Бизнес-омбудсмены в контексте практики государств

Основные формы поддержки предпринимательства, выработанные мировой практикой и реализуемые различными государствами социально их историческим традициям, финансовым, ресурсным, кадровым и иным возможностям, могут быть обозначены следующим образом: формирование перспективных государственных программ развития крупного, среднего и малого бизнеса (последний зачастую оказывается более гибким и устойчивым к кризисным явлениям); юридическая и материальная поддержка предпринимательства; создание отвечающей потребностям правоприменительной практики законодательной базы, регламентирующей анализируемые отношения; поддержка негосударственных организаций и объединений промышленников, предпринимателей и коммерсантов; льготная налоговая политика на начальной стадии развития бизнеса либо в кризисной ситуации; адекватные меры ответственности за правонарушения в предпринимательской сфере; проведение брифингов, форумов, конференций и иных публичных мероприятий в целях обсуждения проблемных вопросов бизнеса, принятия совместных решений, касающихся развития предпринимательства и защиты его участников.

¹¹ Council Regulation (EU) No 904/2010 of 7 October 2010 on administrative cooperation and combating fraud in the field of value added tax. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32010R0904&from=EN> (accessed date: 17.07.2018).

Личностный фактор представляет собой инициативу, предприимчивость и ответственность за результаты собственной предпринимательской деятельности, грамотную кадровую политику, а также разумную оценку рисков и перспектив расширения бизнеса каждым его представителем.

Особым значением для формирования достойных организационно-правовых механизмов защиты предпринимателей обладает международный опыт участия омбудсманов в разрешении споров и иных вопросов юридического плана. Специализированные омбудсмены стали учреждаться для защиты прав предпринимателей в 90-х годах XX столетия в странах Европейского союза, США, Австралии и Новой Зеландии [Эмих 2013:111–134]. Для инициирования процедуры рассмотрения спора с участием бизнес-омбудсмана необходимо, чтобы обратившееся к нему лицо имело статус предпринимателя, а также чтобы омбудсман обладал соответствующей компетенцией. Например, в США накоплен позитивный опыт участия в рассмотрении экономических споров Национального омбудсмана Американской администрации по делам малого бизнеса.

Бизнес-омбудсмены в разных странах успешно защищают права представителей малого и среднего предпринимательства в следующих случаях: необоснованного давления; проблем при получении кредитов и субсидий; неоправданно частых аудиторских и налоговых проверок (так, в России подобная проблема отчасти нашла разрешение на законодательном уровне), а также назначения различных форм ответственности по надуманным обстоятельствам; дезорганизующих работу ограничений со стороны специализированных контрольных органов.

Основными формами данной деятельности бизнес-омбудсманов выступают рассмотрение жалоб предпринимателей; участие в процедурах альтернативного рассмотрения коммерческих споров разных бизнес-структур друг с другом и с государственными органами; разработка рекомендаций для законодательных органов и участие в составлении текстов законопроектов, касающихся правового положения предпринимателей; консультирование предпринимателей по финансовым и правовым вопросам; обращение в государственные органы за защитой прав

предпринимателей; содействие представителям бизнеса в их деятельности.

Особое направление деятельности бизнес-омбудсманов – создание благоприятной среды для развития бизнеса. В частности, с этой целью в Австралии учрежден институт комиссаров по вопросам малого бизнеса на федеральном уровне и на уровне четырех штатов (Виктории, Западной Австралии, Нового Южного Уэльса, Южной Австралии) [Эмих 2014:177–196].

Процесс институционализации бизнес-омбудсманов сталкивается с противодействием государственных структур, акцентирующих внимание на общественной составляющей либо гибридности их статуса. При этом все чаще высказывается критическая оценка права бизнес-омбудсмана беспрепятственно посещать помещения любых государственных органов, иметь фактически неограниченный доступ к документам, необходимым для осуществления его деятельности (кроме составляющих государственную или военную тайну); давать указания государственным органам и должностным лицам по устранению причин и прекращению действий, нарушающих либо необоснованно ограничивающих права предпринимателей, а также представлять интересы последних в суде.

В Российской Федерации подход к статусу бизнес-омбудсмана кардинальным образом отличается от «смешанных» или «спорных» толкований. Федеральным законом от 13 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите предпринимателей в Российской Федерации» (в редакции от 28 ноября 2015 г.) установлено, что Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и его рабочий аппарат являются государственным органом с правом юридического лица, обеспечивающим гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами, имеющим расчетный и иные счета, печать и бланки со своим наименованием и с изображением Государственного герба РФ (ч. 2 ст. 1)¹².

Основными задачами Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, согласно ст. 2 названного Закона, являются:

¹² Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (ред. от 28 ноября 2015 г.). – *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 19. Ст. 2305.

1) защита прав и законных интересов российских и иностранных субъектов предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации и российских субъектов предпринимательской деятельности на территориях иностранных государств в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, договоренностями на взаимной основе федеральных органов государственной власти с государственными органами иностранных государств, международными и иностранными организациями;

2) осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления;

3) содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;

4) взаимодействие с предпринимательским сообществом;

5) участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

В субъектах Российской Федерации учреждены уполномоченные по защите прав предпринимателей, осуществляющие свою деятельность на территории данных субъектов.

Значимость института бизнес-омбудсмена, действующего на любом уровне, предопределяется его следующими характеристиками:

- он является не оппонентом власти, а, скорее, ее помощником;
- способен при определенных обстоятельствах найти решение, обеспечивающее баланс государственных и частных интересов в сфере предпринимательства;
- способен самостоятельно решить ряд проблемных вопросов, входящих в его компетенцию, существенно упрощая деятельность государственного аппарата (прокуратуры, контролирующих и правоохранительных органов, суда);

– способствует рассмотрению экономических споров во внесудебном порядке;

– служит индикатором отношений бизнеса и власти;

– способен предотвратить злоупотребление властью со стороны чиновников любого уровня, а также со стороны представителей бизнес-структур;

– не имеет собственного интереса в рассмотрении любого экономического спора.

Права российских предпринимателей защищаются (помимо норм иных отраслей права) гражданским законодательством. В частности, на основании ст. 15 ГК РФ любой предприниматель, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере¹³.

В силу положений ст. 55, 56 и 74 Конституции РФ и ст. 1 ГК РФ ограничения прав предпринимателей могут вводиться только федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, безопасности, жизни, здоровья, прав, интересов и свобод других лиц; обеспечения обороны страны и безопасности государства; защиты окружающей среды; охраны культурных ценностей; недопущения злоупотреблений доминирующим положением на рынке и недобросовестной конкуренции. Близкая по смыслу норма содержится в Основном законе ФРГ от 23 мая 1949 г.: «Собственность обязывает. Пользование ею одновременно должно служить общему благу» (ст. 14)¹⁴.

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе накоплен значительный международный опыт защиты прав предпринимателей и промышленников, который не только успешно используется, но и оттачивается, совершенствуется применительно к национальной специфике ведения бизнеса в каждом отдельно взятом государстве.

5. Заключение

В статье были рассмотрены несколько аспектов защиты прав предпринимателей. Во-первых, проведен анализ общеправового контекста в виде различных универсальных и региональ-

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.). – *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁴ Основной закон ФРГ 1949 г. – *Конституции государств Европы: В 3 т.* Т. 1. Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма. 2001. С. 565-636.

ных нормативных правовых актов, таких как документы ООН, ЕС, Совета Европы, ЕАЭС, ЕАСП. В них устанавливаются общие принципы правового регулирования. Во-вторых, на примере обмена информацией по финансовым счетам определены пределы защиты интересов предпринимателей: фискальный суверенитет государства является также законным интересом,

препятствующим размыванию налоговой базы и переносу прибыли из одной юрисдикции в другую. В-третьих, на примере норм национального законодательства раскрыт правовой статус бизнес-омбудсмана как субъекта, официально уполномоченного защищать права предпринимателей с учетом интересов других акторов.

Список литературы

1. Адаменко А.А. 2016. *Ресурсы субъектов малого и среднего бизнеса в развитии национальной экономики*. Новосибирск: Изд-во ЦРНС. 162 с.
2. Королёв Г.А., Рыжов В.Б. 2017. Правовое регулирование деятельности кредитных организаций в государствах-учредителях ЕАЭС. – *Финансовое право и управление*. № 4. С. 11–27.
3. Фадеева О.В. 2012. Малый и средний бизнес в системе экономической безопасности России. – *Вестник Академии экономической безопасности России*. № 7. С. 131–134.
4. Эмих В.В. 2013. Омбудсмены, содействующие защите предпринимателей: мировой опыт и перспективы развития. – *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*. Т. 13. Вып. 3. С. 111–134.
5. Эмих В.В. 2014. Уполномоченные по защите прав предпринимателей: зарубежный опыт и российская модель. – *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*. Т. 14. Вып. 3. С. 177–196.
6. Chissick M., Kelman A. 2001. *Electronic Commerce Law and Practice*. 3rd ed. London: Sweet and Maxwell. 322 p.
7. D'Amato A.A. 2010. The Concept of Special Custom in International Law. – *Faculty Working Papers*. No. 116. 15 p. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/116> (accessed date: 16.08.2018).
8. Dickie J. 2005. *Producers and Consumers in EU E-Commerce Law*. Hart Publishing. 224 p.
9. Gillies L.E. 2008. *Electronic Commerce and International Private Law*. London; New York: Routledge. 286 p.
10. Ginsburg J. 2003. Achieving Balance in International Copyright Law. – *Columbia Journal of Law and the Arts*. Vol. 26. P. 201–245.
11. Giovanoli M. 2000. A New Architecture for the Global Financial Market: Legal Aspects of International Financial Standard Setting. – *International Monetary Law: Issues for the New Millennium*. Ed. by M. Giovanoli. Oxford: Oxford University Press. P. 3–60.
12. Harris D.J. 2004. *Cases and Materials on International Law*. 6th ed. London: Sweet and Maxwell. 1200 p.
13. Janis M.W. 1984. Note and Comment, Jeremy Bentham and the Fashioning of "International Law". – *American Journal of International Law*. Vol. 72. No. 2. P. 405–418.
14. Lüder T. 2007. The Next Ten Years in E.U. Copyright: Making Markets Work. – *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*. Vol. 18. Issue 1. P. 1–60.
15. Merrils J.G. 2011. *International Dispute Settlement*. 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 384 p.

16. *Research Handbook on the Future of EU Copyright*. Ed. by E. Derclaye. 2009. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar. 643 p.
17. Taylor St.J. 2018. *The Rise of Investor-State Arbitration: politics, law, and unintended consequences*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.

References

1. Adamenko A.A. *Resursy sub'ektov malogo i srednego biznesa v razvitii natsional'noi ekonomiki* [Resources of Small and Medium-sized Businesses in the Development of the National Economy]. Novosibirsk: Izd-vo TsRNS Publ. 2016. 162 p. (In Russ.)
2. Chissick M., Kelman A. *Electronic Commerce Law and Practice*. 3rd ed. London: Sweet and Maxwell. 2001. 322 p.
3. D'Amato A.A. The Concept of Special Custom in International Law. – *Faculty Working Papers*. 2010. No. 116. 15 p. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/facultyworkingpapers/116> (accessed date: 16.08.2018).
4. Dickie J. *Producers and Consumers in EU E-Commerce Law*. Hart Publishing. 2005. 224 p.
5. Emikh V.V. *Ombudsmeny, sodeistvuyushchie zashchite predprinimatelei: mirovoi opyt i perspektivy razvitiya* [Ombudsmen Contributing to Business Rights Protection: World Experience and Perspectives of Development]. – *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. 2013. Vol. 13. Issue 3. P. 111–134. (In Russ.)
6. Emikh V.V. *Upolnomochennye po zashchite prav predprinimatelei: zarubezhnyi opyt i rossiiskaya model'* [Commissioners for Entrepreneurs' Rights Protection: international experience and Russian model]. – *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. 2014. Vol. 14. Issue 3. P. 177–196. (In Russ.)
7. Fadeeva O.V. *Malyi i sredniy biznes v sisteme ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii* [Small and Medium Business in the System of Economic Security of Russia]. – *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii*. 2012. No. 7. P. 131–134. (In Russ.)
8. Gillies L.E. *Electronic Commerce and International Private Law*. London; New York: Routledge. 2008. 286 p.
9. Ginsburg J. Achieving Balance in International Copyright Law. – *Columbia Journal of Law and the Arts*. 2003. Vol. 26. P. 201–245.
10. Giovanoli M. A New Architecture for the Global Financial Market: Legal Aspects of International Financial Standard Setting. – *International Monetary Law: Issues for the New Millennium*. Ed. by M. Giovanoli. Oxford: Oxford University Press. 2000. P. 3–60.

11. Harris D.J. *Cases and Materials on International Law*. 6th ed. London: Sweet & Maxwell Ltd. 2004. 1200 p.
12. Janis M.W. Note and Comment, Jeremy Bentham and the Fashioning of "International Law". – *American Journal of International Law*. 1984. Vol. 72. No. 2. P. 405–418.
13. Korolev G.A., Ryzhov V.B. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti kreditnykh organizatsii v gosudarstvakh-uchreditelyakh EAES [Legal Regulation of the Activities of Credit Institutions in the Founding States of the EAEU]. – *Finansovoe pravo i upravlenie*. 2017. No. 4. P. 11–27. (In Russ.)
14. Lüder T. The Next Ten Years in E.U. Copyright: Making Markets Work. – *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*. 2007. Vol. 18. Issue 1. P. 1–60.
15. Merrills J.G. *International Dispute Settlement*. 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 384 p.
16. *Research Handbook on the Future of EU Copyright*. Ed. by E. Derclaye. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar. 2009. 643 p.
17. Taylor St.J. *The Rise of Investor-State Arbitration: politics, law, and unintended consequences*. Oxford: Oxford University Press. 2018. 304 p.

Информация об авторе

Джульетта Рубеновна Абгарян,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного права, Российско-Армянский (Славянский) университет

375051, Республика Армения, Ереван, Овсеп Эмина ул., д. 123

jetta.ab@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5182-420

About the Author

Julietta R. Abgarian,

Cand. Sci. (Law), Lecturer at the Department of International Law, Russian-Armenian (Slavic) University

123, ul. Ovsepa Emina, Erevan, Republic of Armenia, 37505

jetta.ab@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5182-420

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-41-52

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
vereinalarisa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4490-9916

Анна Владимировна МАЛЬЦЕВА

Юридический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, д. 1, стр. 13, Москва, 119991, Российская Федерация
anna.v.maltseva@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0986-0774

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЛУЧАЕ АВАРИЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ УГЛЕВОДОРОДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматриваются актуальные вопросы международно-правовой ответственности за трансграничный ущерб при разработке месторождений, такие как понятие трансграничного ущерба и его критерии. Помимо этого авторами проведен анализ практики реализации института ответственности в случае аварий на трансграничных месторождениях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В процессе подготовки статьи использовались труды российских и зарубежных ученых и исследователей в области международного экологического права и национального экологического права, материалы Комиссии международного права ООН, национальная практика разных государств, сообщения средств массовой информации, а также материалы, подготовленные операторами трансграничных месторождений. Методологической основой исследования послужили такие

общенаучные и специальные методы познания, как методы анализа и синтеза, индукции, а также сравнительно-правовой метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Авторы сформулировали выводы об особенностях имплементации ответственности за причинение трансграничного экологического ущерба и проанализировали применение общих принципов возмещения подобных потерь к случаям разливов нефти и иным авариям на трансграничных месторождениях. В качестве иллюстративных примеров исследуются случаи разливов нефти в Мексиканском заливе, Каспийском и Северном морях.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В результате исследования выявлены критерии трансграничного ущерба, отличающие его от других видов потерь. Авторы приходят к выводу о преимущественном применении национального гражданского-правового способа имплементации ответ-

ственности в случаях разливов нефти и иных аварий на трансграничных месторождениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное экологическое право, международно-правовая ответственность, трансграничный ущерб, ответственность за трансграничный ущерб, компенсация трансграничного ущерба, аварии на трансграничных месторождениях, разливы нефти

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вереина Л.В., Мальцева А.В. 2018. Реализация института ответственности в случае аварий при разработке трансграничных углеводородных месторождений. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 41-52.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-41-52

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-41-52

Larisa V. VEREINA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
vereinalarisa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4490-9916

Anna V. MALTSEVA

Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University
1-13, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation, 119991
anna.v.maltseva@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0986-0774

IMPLEMENTATION OF RESPONSIBILITY IN CASE OF OIL SPILLS AND OTHER ACCIDENTS ON THE TRANSBOUNDARY FIELDS

INTRODUCTION. *The authors of the article analyze the contemporaneous issues of international responsibility for transboundary harm in connection with oil field exploitation such as the definition of transboundary harm and criteria of such harm. The practice of implementation of responsibility in case of an accident on the transboundary oil fields is also considered.*

MATERIALS AND METHODS. *In the process of development of the article, the authors referred to academic papers of Russian and foreign scholars and*

researchers in the sphere of international environmental law and domestic environmental law; materials of the UN International Law Commission, state practice, media materials, and documents prepared by the transboundary fields' developers. The authors used such general scientific and specific methods as a method of analysis and synthesis, the method of induction, the comparative method.

RESEARCH RESULTS. *The article contains conclusions on particular issues of implementation of responsibility for transboundary environmental*

harm and includes analysis of the influence of such issues to the cases of oil spills and other accidents on transboundary fields. The authors refer to oil spills accidents in the Gulf of Mexico, the Caspian Sea and the North Sea as bright examples of such implementation.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *As a result of the conducted research, the authors highlighted criteria of transboundary harm. The authors make a conclusion on the prevalence of application of the national civil law mechanism of responsibility implementation in case of oil spills and other accidents on transboundary fields.*

KEYWORDS: *international environmental law, international legal responsibility, transboundary harm, responsibility for transboundary harm, compensation for transboundary harm, accidents on transboundary fields, oil spills*

FOR CITATION: Vereina L.V., Maltseva A.V. Implementation of Responsibility in Case of Oil Spills and Other Accidents on the Transboundary Fields. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 41-52.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-41-52

1. Введение

В российской международно-правовой науке трансграничные месторождения минеральных ресурсов, в том числе нефтегазовых, стали объектом исследований относительно недавно¹. Внимание уделяется также общей характеристике международно-правовых проблем защиты окружающей среды при недропользовании². Вместе с тем специальный вопрос, вынесенный в название настоящей статьи, требует дальнейшего исследования.

Как отмечается в научной литературе, проблема, связанная с трансграничным ущербом, возникающим из-за загрязняющей деятельности государства внутри и за его пределами, остается одной из основных в международном экологическом праве [Jayakumar et al. 2015:12].

Пристального внимания заслуживают вопросы реализации ответственности за трансграничный ущерб, причиненный в результате разливов нефти и иных аварий на трансграничных углеводородных месторождениях.

В настоящей статье анализируются понятие трансграничного ущерба в международном праве и общие принципы возмещения трансграничного ущерба, а затем рассматривается применение последних при трансграничных разливах нефти и иных потенциальных авариях на трансграничных месторождениях.

2. Понятие трансграничного ущерба

Трансграничный ущерб может быть результатом самых разных действий, осуществляемых в одном государстве, но оказывающих отрицательное воздействие на территории другого. Традиционно «трансграничным ущербом» называют вред, переходящий границы двух государств по земле, воде или воздуху. В международном экологическом праве такой ущерб часто именуют «международным экологическим ущербом» или «международным экологическим вредом» [Sands 1995:73, 86]. Для того чтобы экологический ущерб был трансграничным, должны быть выполнены четыре условия. Рассматриваемый вред (1) должен возникнуть в результате человеческой деятельности; (2) в результате физических последствий такой человеческой деятельности; (3) необходимо наличие трансграничного воздействия, и (4) потери должны быть значительными или существенными [Schachter 1991:366–368].

Для целей двух проектов статей, принятых Комиссией международного права ООН, о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом³, под трансграничным ущербом понимается вред, причиненный лицам, имуществу или окружающей среде на территории или в других местах, находящихся под юрисдикцией

¹ См.: *Международно-правовые основы недропользования: Учебное пособие*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Норма. 2007. С. 178–186.

² См. там же. С. 64–114.

³ Проекты статей Комиссии международного права ООН о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности с комментариями, содержащиеся в Докладе Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее 53-й сессии. – *Ежегодник Комиссии международного права*. 2001. Т. II. Ч. 2. ООН, 2007. С. 177–206 Доступ: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/53_2_1.html

или контролем государства, другого чем государство, на территории или иным образом под юрисдикцией или контролем которого осуществляется опасный вид деятельности. В свою очередь, подобный урон, причиненный лицам, имуществу или окружающей среде должен быть значительным. Он включает:

- 1) гибель или причинение вреда здоровью людей;
- 2) утрату или повреждение имущества, включая имущество, которое составляет часть культурного наследия;
- 3) утрату или ущерб в результате ухудшения состояния окружающей среды;
- 4) расходы на разумные меры по возвращению к прежнему состоянию имущества или окружающей среды, включая природные ресурсы;
- 5) расходы на разумные меры реагирования.

Традиционно действиями, которые могут дать начало трансграничному ущербу, считаются те, которые прямо или косвенно касаются природных ресурсов, например земли, воды, воздуха, или окружающей среды в целом. Как правило, в эту категорию попадают промышленная, сельскохозяйственная и технологическая деятельность. Кроме того, необходима физическая связь между рассматриваемой деятельностью и вызванным ею ущербом.

Обязательная составляющая трансграничного ущерба – антропогенное происхождение, т.е. он должен быть основан на деятельности человека. Выделение такой составляющей обусловлено тем, что ущерб, который затрагивает более чем одну страну, может быть вызван не только действиями человека. Естественные факторы, такие как землетрясения, наводнения, извержения вулканов и ураганы, могут также принести огромные потери человеческому обществу на значительной территории. Для таких стихийных бедствий режимы ответственности как правило не применяются. Стандартное положение о форс-мажорных обстоятельствах обычно включается в договоры с целью освобождения государств от юридической ответственности за такой ущерб.

Кроме того, ущерб должен быть связан с юридическим правом или интересом государства, т.е. образования, имеющего международ-

ную правосубъектность. В области внутреннего экологического права правительство может заявлять о наличии ущерба общему достоянию от имени граждан государства. Поэтому трансграничный ущерб не относится исключительно к двусторонним отношениям или к претензиям среди нескольких стран, как может подразумевать его название. Он также включает ущерб общему достоянию вследствие действий любого государства или влияния источников ущерба, находящихся на территории любой страны.

Как было указано, ущерб должен быть «трансграничным», т.е. именно пересечение государственной границы позволяет впоследствии использовать международные средства правовой защиты от причиненного вреда и инициировать применение режима международной ответственности. Кроме того, такой ущерб может возникнуть вследствие трансграничного переноса с пересечением границ нескольких государств, который вызывает пагубные последствия в нескольких странах. Трансграничное действие может также причинять вред в пределах и за пределами национальной юрисдикции или контроля государства. Примером таких действий может служить загрязнение экстерриториальных морских вод из источников, расположенных на суше.

Трансграничный ущерб не всегда дает начало международной ответственности. Она наступает, только когда трансграничный вред достигает определенной степени значительности. Как в теории, так и на практике потребность в пороговом критерии никогда не подвергалась сомнению, но споры о том, каким именно он должен быть, продолжались долго, наряду с обсуждением вопроса о том, насколько строгими должны быть правила международной ответственности. Очевидно, серьезность определяется исходя из фактических обстоятельств конкретного случая. В различных международных правовых инструментах, касающихся природных ресурсов и защиты окружающей среды, были приняты разные критерии, квалифицирующие ущерб как «серьезный», «существенный», «значительный» и «заметный». Они служили для того, чтобы установить пороговый критерий для применения международной ответственности и указать стандарт поведения, которое правительства государств считают приемлемым.

un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2001_v2_p2.pdf (дата обращения: 15.07.2018); Проект принципов Комиссии международного права ООН, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности, содержащийся в Докладе Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее 58-й сессии. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/61/454> (дата обращения: 15.07.2018).

Помимо этого трансграничный ущерб может быть разделен на «случайный» и «неслучайный». В первом случае речь идет о вреде, который является результатом внезапного и обычно непредвиденного события (или ряда событий общего происхождения). Неслучайный ущерб относится к вредным последствиям, вытекающим из постепенных, нарастающих последствий деятельности. Он может возникнуть в результате непрерывного процесса, такого как выброс дымов промышленными предприятиями, или повторяющихся действий, например сброса отходов в реку или море. Наиболее часто рассматриваемый вред принимает форму ущерба от загрязнения. Для наступления ответственности не имеет значения то, стал ли ущерб результатом несчастного случая или возник вследствие ряда совокупных вредных воздействий. При любом сценарии оператор может быть признан ответственным.

В международном праве нет общего определения понятия «оператор». Однако соответствующий термин используется во внутригосударственном праве и договорной практике. Причина разграничения случайного и неслучайного ущерба заключается в основном в стремлении дать различную правовую оценку внезапному и постепенному вариантам возникновения вреда, как это отражено в действующих правовых режимах международной ответственности.

Еще один вопрос возникает в связи с ущербом, нанесенным общим пространствам вне национальной юрисдикции и контроля. Вред, причиненный полярным областям, районам Мирового океана во время их исследования или использования отдельными странами, рассматривается с позиции общих правил ответственности государств. Это другой тип неслучайного трансграничного ущерба. Во-первых, такой ущерб сам по себе наносится не отдельному государству, но общим пространствам. Во-вторых, его вызывает деятельность человека на протяжении длительного периода, и вину за него невозможно возложить на какое-то одно конкретное государство. Вредные последствия нанесенного ущерба, если их не удастся своевременно и должным образом контролировать, затронут все мировое сообщество в целом, поэтому в общих интересах государств вовремя принять надлежащие меры. Наконец, никакие превентивные или корректирующие меры, принимаемые одним государством, не смогут повернуть вспять ухудшение состояния окружающей среды. Только

объединенные усилия всех стран в стремлении предпринять совместные действия позволят эффективно контролировать неблагоприятное развитие ситуации.

Надо учитывать, что формирование режимов международной ответственности за трансграничный ущерб в большой степени определяется развитием национального права и практики. Когда внутренние (национальные) экологические стандарты одного государства повышаются, оно ожидает, что и другие страны, особенно соседние, будут придерживаться той же модели поведения в совместном использовании природных ресурсов. Это связано не только с тем, что такое государство опасается, что его доля ресурсов может быть затронута вредными последствиями деятельности других государств, но также и – главное – с тем, что оно хочет, чтобы другие страны придавали одинаковое с ним значение совместно используемым ресурсам. Практика показывает, что эффективный контроль над трансграничным ущербом возможен только при принятии всеми государствами общих экологических стандартов поведения и правил согласованных действий в случае возникновения ущерба.

В последние годы несколько факторов сделали традиционные режимы международной ответственности недостаточными при разрешении проблем трансграничного ущерба. Самый важный из них – тенденция к децентрализации и отмене государственного контроля в этих областях, которая еще более ослабляет прямую ответственность государств в случае трансграничного ущерба. С другой стороны, есть и другой фактор, заслуживающий не меньшего внимания, а именно то, что из-за растущего внимания к вопросам экологии средства массовой информации и международные организации, как правительственные, так и неправительственные, могут оказать сильное влияние на процесс принятия решений правительствами в отношении случаев трансграничного ущерба, которые имеют международное значение. В результате процесс принятия решений становится более сложным для национальных правительств, которые должны учитывать их экологические последствия внутри страны и за рубежом. При этом строгая ответственность все чаще возлагается на оператора. Тем не менее государства все чаще приходят к пониманию того, что без надлежащей защиты окружающей среды не может быть устойчивого развития, а без должного внимания к развитию нельзя эффективно решать вопросы экологического ущерба.

3. Международно-правовая ответственность за трансграничный ущерб при разработке трансграничных углеводородных месторождений

С точки зрения разработки трансграничных углеводородных месторождений наибольший интерес вызывают шельфовые месторождения в Арктике, где в силу специфики нефтегазовых работ существует вероятность распространения вреда окружающей среде за пределы одного государства (в частности, России), на территорию, и (или) континентальный шельф, и (или) исключительную экономическую зону другой страны, т.е. причинения трансграничного ущерба. В этом случае ответственность может наступать как непосредственно для причинителя вреда, так и для государства, где совершено действие, которое повлекло наступление ущерба.

3.1. Ответственность государства

Ответственность государства за трансграничный ущерб окружающей среде может наступать как в силу нарушения его обязательств, закрепленных в определенном международно-правовом акте (регионального или универсального характера), так и в отсутствие нарушения положений международно-правовых актов со стороны государства, в том числе за вред, причиненный в результате правомерных действий. Несмотря на то что большинство международно-правовых норм, применимых к арктическому региону, носит декларативный характер, т.е. не устанавливает непосредственно обязательств, нарушение которых вело бы к наступлению ответственности, государство может быть привлечено к ответственности на основании норм международного обычая. Сегодня можно говорить о сложившемся в виде нормы обычного международного права (англ. *customary international law*) принципе международно-правовой ответственности государств за трансграничный ущерб, причиненный окружающей среде. Государство вправе взыскать соответствующую сумму выплаченной им компенсации с причинителя вреда в порядке регресса. Так, например, такое взыскание российским государством с недропользователя, чьи действия на шельфе привели к причинению вреда, будет осуществляться в соответствии с российским законодательством.

В международном праве уделяется особое внимание вопросам ответственности при разработке шельфовых месторождений в Арктиче-

ском регионе. Так, среди международно-правовых документов необходимо выделить Нуукскую декларацию об окружающей среде и развитии в Арктике 1993 г., которая носит рекомендательный характер. Она основана на принципах устойчивого развития, ответственности за трансграничный ущерб, предосторожности и обмена информацией. В соответствии с Декларацией государства обязаны принимать превентивные меры в отношении загрязнения морской среды в Арктике независимо от источников загрязнения и придерживаться строгих стандартов относительно выбросов загрязняющих веществ.

Кроме того, в 2008 г. всеми государствами, имеющими побережье в Северном Ледовитом океане, была подписана Илулиссатская декларация. Она предусматривает необходимость имплементации норм об ответственности за ущерб, причиненный деятельностью в районе Северного Ледовитого океана, в национальное законодательство приарктических государств и других стран, осуществляющих такую деятельность.

3.2. Ответственность юридических лиц на основании международно-правовых актов

В отличие от государств ответственность юридического лица в рамках международного экологического права может наступить только в случаях, прямо предусмотренных в международно-правовых актах. В настоящее время действует ряд подобных документов, которые содержат положения об ответственности юридических лиц. Наиболее значительным из них является Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. (в редакции Протокола 1992 г.).

Действие Конвенции распространяется на ущерб от загрязнения, причиненный на территории государства – участника Конвенции, включая его территориальное море, а также на территории его исключительной экономической зоны (либо в районе 200 морских миль от исходных линий, если государство не установило исключительную экономическую зону).

Конвенция применяется к загрязнению в результате морских перевозок нефти наливом (как нефти, так и нефтепродуктов), но, несмотря на то, что понятие «судна», которым оперирует Конвенция, довольно широкое, нефтяная платформа (плавучая или стационарная) не подпадает под ее действие. Таким образом, положения Конвенции неприменимы к случаям загрязнения в результате аварий на нефтяных платфор-

мах, которые используются для добычи нефти в Арктике.

Конвенция устанавливает право собственника судна ограничить свою ответственность в отношении любого инцидента общей суммой, определяемой в порядке, установленном Конвенцией, исходя из вместимости судна и установленных в Конвенции расчетных единиц. Для того чтобы воспользоваться ограничением ответственности, предусмотренным Конвенцией, собственник должен создать фонд на общую сумму, равную пределу его ответственности, в суде или любом другом компетентном органе какого-либо одного из государств – участников Конвенции, в котором может быть предъявлен иск (п. 3 ст. 6 Конвенции). Этот фонд может быть создан либо путем внесения суммы в депозит, либо путем предоставления банковской гарантии или другого обеспечения, приемлемого по законодательству государства, в котором создается фонд, и признаваемого достаточным судом или другим компетентным органом.

3.3. Ответственность на основании национального законодательства иностранного государства

Причинение трансграничного ущерба окружающей среде может привести к привлечению юридического лица к ответственности на основании законодательства иностранного государства, окружающей среде которого был нанесен вред.

Возможность и основания привлечения к ответственности, а также особенности привлечения к ответственности за ущерб окружающей среде (включая порядок определения размера компенсации за вред, причиненный экологии) будут определяться законодательством соответствующего иностранного государства.

В дополнение к вышесказанному стоит также отметить, что в отношении ущерба, причиненного окружающей среде арктического государства, ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. наделила прибрежные государства правом принимать законы и правила по предотвращению загрязнения и сохранению морской среды в покрытых льдами районах шириной не более 200 миль. Согласно данному положению приарктические государства могут принимать законы, имеющие целью защиту окружающей среды в Арктике, в отношении пространства, выходящего за пределы охраняемой территории приарктической страны на 200 миль, т.е. фактически

национальное законодательство приарктического государства об окружающей среде может иметь действие и за его пределами, на территории исключительной экономической зоны, при условии, что указанный район подпадает под действие ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

3.4. Имплементация ответственности в международном экологическом праве

Следует отметить, что имплементация ответственности в международном экологическом праве в целом имеет ряд особенностей.

Государства как субъекты международного права несут, в первую очередь, ответственность за выполнение международно-правовых экологических обязательств. Это подразумевает их наделение обязательствами обеспечивать соблюдение экологических норм на национальном уровне, принятие необходимых мер и контроль за выполнением международных экологических норм субъектами национального права [Boyle 2005:7].

В отличие от других отраслей международного права международное экологическое право перемещает акцент с ответственности самих стран за международно-противоправные деяния (негативной ответственности) на ответственность государства за принятие мер, направленных на имплементацию ответственности на национальном уровне (позитивную ответственность) [Bodansky 2010:208]. Такое смещение акцента непосредственно влияет на способ реализации ответственности, ее формы и механизмы.

Предпочтительность такого формата ответственности можно объяснить особенностями деятельности в области окружающей среды. Во-первых, именно субъекты национального права – отдельные компании или физические лица непосредственно занимаются деятельностью, которая может быть опасной для окружающей среды. Функция государства в этом случае заключается в регламентации доступа к соответствующей деятельности, проведении оценки воздействия на окружающую среду, контроле за проводимыми работами, а также в привлечении к ответственности в случае нарушений.

Во-вторых, международные нормы в сфере защиты окружающей среды влияют на обязательства государства, даже если потенциально опасная деятельность не выходит за пределы его территории [Kiss, Shelton 2006:151]. Кроме того, деятельность стран за пределами их суверенных

территорий также охватывается международным экологическим правом. В свете того, что окружающая среда и биосфера едины для всей планеты, подобное регулирование является полностью обоснованным.

В-третьих, можно с уверенностью установить, что основным принципом отношения к окружающей среде является предотвращение (англ. prevention) [Jacqmotte 1998:234]. Как верно отмечается исследователями экологического права, данный принцип важен с точки зрения как экологических, так и экономических причин. В первую очередь, очень непросто, если вообще возможно, восстановить природную среду, которой был причинен ущерб. Требуются десятки и даже сотни лет, чтобы заново вырос вырубленный лес; восстановление биологических ресурсов в загрязненной воде занимает продолжительный срок и вряд ли будет полным; опустынивание не получится легко остановить, и требуются значительные усилия для его преодоления. С экономической точки зрения восстановление окружающей среды невыгодно государствам, так как требует значительных материальных затрат, но при этом не подразумевает получения быстрого результата. В связи с этим предотвращение причинения вреда окружающей среде представляется наиболее разумным и оправданным принципом отношения к природе.

Сложность восстановления природной среды обуславливает и еще одну особенность международного экологического права: имплементация ответственности осуществляется главным образом не на международном, а на национальном уровне. Эта особенность обусловлена еще и тем, что антропогенные катастрофы и иные последствия человеческой деятельности, которые влекут причинение ущерба окружающей среде, требуют немедленного реагирования, а также концентрации сил для недопущения еще большего вреда и возвращения подобной ситуации под контроль. Традиционный механизм привлечения государств к ответственности за международно-противоправные деяния не в состоянии соответствовать вызовам экологических проблем, так как его использование занимает значительное время, требует финансовых затрат и не гарантирует приемлемый результат.

Именно этими чертами обусловлено то, что непосредственная реализация ответственности за причинение ущерба окружающей среде

происходит на национальном уровне. Именно в рамках внутренней системы государства есть возможность оперативно определить источник причинения вреда, установить лицо, по вине которого произошла авария, рассчитать размер ущерба и определить способ возмещения вреда.

Обеспечить доступность и эффективность механизма возмещения вреда – это еще одно обязательство государства в сфере защиты окружающей среды. В рамках данного обязательства государства должны гарантировать, что в национальной судебной системе есть орган, который имеет компетенцию рассматривать подобные споры, при этом суд является доступным для всех лиц, которым может быть причинен вред. Это обязательство возникло как норма обычного международного права и распространяет свое действие на лиц, не являющихся гражданами государства, в судах которого рассматривается дело. Гражданин или компания любой страны, если их экологическим правам и интересам был нанесен ущерб, имеют право обратиться в суд другого государства для получения справедливой компенсации.

Вышеизложенные основы имплементации ответственности в международном экологическом праве полностью применимы в случае аварий на трансграничных месторождениях, включая разливы нефти.

4. Практика реализации института ответственности в случае аварий при разработке трансграничных углеводородных месторождений

Вопросы ответственности в случае аварий на трансграничных углеводородных месторождениях приобретают особую актуальность в настоящее время. За последние несколько лет в разных частях мира произошло несколько таких случаев. В первую очередь, следует упомянуть крупнейшее нефтяное пятно, распространившееся в Мексиканском заливе в результате аварии на платформе *Deepwater Horizon*. Кроме того, в 2015 г. произошел пожар на нефтяной платформе Гюнешли в Каспийском море, а в 2011 и 2016 гг. – разливы нефти в Северном море.

В настоящее время не существует единого универсального механизма имплементации ответственности в отношении аварий на трансграничных месторождениях. В каждом случае вопросы ответственности разрешаются различ-

ными способами: ответственность реализуется в разных формах и разными методами; при этом разные субъекты могут быть признаны ответственными за последствия аварии.

Позитивные обязательства государств применительно к авариям на нефтяных платформах и иных месторождениях устанавливаются рядом международных договоров. Так, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. определяет правила разработки морских месторождений; Международная конвенция по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству 1990 г. устанавливает обязанности стран в случае нефтяного загрязнения.

Указанные международно-правовые документы устанавливают обязанности государств имплементировать необходимые инструменты на национальном уровне. В частности, Конвенция по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству 1990 г. предусматривает, что операторы буровых установок, находящиеся под юрисдикцией договаривающихся государств, должны иметь план действий в чрезвычайной ситуации разлива нефти. Такой план должен координироваться в рамках национальной системы для быстрого и эффективного реагирования в случае катастрофы. При этом основной вид ответственности, реализуемый в таких ситуациях, – это компенсационная ответственность операторов месторождений.

Существует несколько основных причин, по которым происходят разливы нефти и нефтепродуктов:

- 1) технологические аварии, взрывы и пожары на суше или на буровых платформах, устанавливаемых на континентальном шельфе, при разработке месторождений и добыче нефти;
- 2) аварии на магистральных и иных трубопроводах, которые приводят к их прорыву и аварийному выбросу нефти и нефтепродуктов в окружающую среду; аварии танкеров и сооружений нефтеналивных портов, а также аварии при транспортировке автомобильным или железнодорожным транспортом;
- 3) нарушение техники безопасности и норм промышленной безопасности при хранении нефти и нефтепродуктов в нефтехранилище [Пономарев 2017].

Наиболее ярким примером в этом контексте являются пожар и взрыв на нефтяной платформе *Deepwater Horizon* в Мексиканском заливе, в результате которых около 4,9 млн баррелей нефти⁴ вылилось в воду. Это привело к распространению самого масштабного в истории нефтяного пятна, которое простиралось на 11 тыс. кв. км. В результате инцидента Правительство США закрыло рыбный промысел почти на 37% территории федеральной рыбопромысловой зоны Мексиканского залива, а также приостановило выдачу разрешений на бурение до февраля 2011 г. [Тэмплтон 2014].

Загрязнение нефтью повлекло за собой смерть многочисленных обитателей экосистемы Мексиканского залива, загрязнение побережья, вред здоровью людей, живших на берегу, а также ущерб экономической деятельности в регионе, которая зависела от благополучия Мексиканского залива.

Основными факторами, которые привели к катастрофическим последствиям в Мексиканском заливе, стали:

- 1) человеческий фактор и недостатки оборудования, которое использовалось на буровой установке на нефтяной платформе *Deepwater Horizon*;
 - 2) неспособность правительства США правильно распределить и использовать ресурсы для сдерживания распространения нефтяного пятна;
 - 3) некорректная информация о масштабах загрязнения, которая распространялась средствами массовой информации [Smith et al. 2011].
- Компания *British Petroleum Exploration & Production* (далее – BP) была оператором платформы в Мексиканском заливе. Непростое как в экологическом, так и в юридическом смысле происшествие вызвало целую волну национальных судебных разбирательств.

В первую очередь, BP начала добровольно выплачивать компенсации в течение нескольких недель после катастрофы, как только начали предъявлять разумные и обоснованные требования лица, которым был причинен вред, и такие выплаты продолжались до 2015 г. Количество людей и компаний, которым был нанесен разного рода ущерб, оказалось таким большим, что был создан Координационный комитет истцов (Plaintiffs' Steering Committee), состоявший из

⁴ Deepwater Horizon – BP Gulf of Mexico Oil Spill. – *United States Environmental Protection Agency*. URL: <https://www.epa.gov/enforcement/deepwater-horizon-bp-gulf-mexico-oil-spill> (accessed date: 11.08.2018).

15 юристов для представления интересов истцов в гражданских процессах в судах Нового Орлеана⁵.

Далее, масштабный процесс урегулирования имел место между компанией BP, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки, а также штатами Алабама, Флорида, Луизиана, Миссисипи и Техас – с другой⁶. В 2015 г. в результате пятилетнего процесса переговоров Федеральный суд Восточного округа штата Луизиана утвердил мировое соглашение на сумму около 15 млрд долл. США.

Помимо основного оператора BP к ответственности были привлечены и другие компании, участвовавшие в проведении работ на платформе: в соответствии с решением суда по делу о компенсации группа компаний *Transocean* должна выплатить 1 млрд долл. США, а *Anadarko Petroleum Co.* надлежит выплатить 160 млн долл. США⁷.

В отношении непосредственного восстановления природной среды стоит отметить, что компания BP совместно с международными организациями и национальными экологическими ведомствами принимает разные меры по предотвращению последствий аварии⁸.

Таким образом, реализация ответственности была осуществлена исключительно на национальном уровне с помощью внутренних гражданско-правовых и административных механизмов. Компенсационная ответственность, направленная на возмещение вреда, играет роль преимущественной формы ответственности.

Другой случай разлива нефти на трансграничном месторождении произошел в Каспийском море. В декабре 2015 г. произошел пожар на нефтяной платформе Гюнешли, на которой работала Государственная нефтяная компания

Азербайджана (State Oil Company of Azerbaijan Republic (SOCAR)). Пожар разгорелся из-за череды событий: начался ураган и была повреждена труба, по которой подавался газ. В результате неудачной эвакуации на шлюпках с горящей платформы погибло 7 рабочих платформы (по информации из иных источников – 12 рабочих), 23 человека пропало без вести. Во время самой аварии и после нее в СМИ попадали противоречивые данные о существовании нефтяного пятна, которое распространилось в море вследствие аварии. В настоящее время есть данные о 25 т нефти, которые попали в море и покрыли нефтяной пленкой площадь 300 кв. км⁹.

Мерой ответственности за случившееся на платформе стали компенсации семьям жертв пожара и пострадавшим. О каких-либо гражданско-правовых процессах о компенсации иного ущерба неизвестно. Тем не менее в данном случае имела место имплементация ответственности исключительно на национальном уровне.

Северное море дважды пострадало от крупных разливов нефти – в 2011 и 2016 гг. В первом случае компания *Shell* допустила распространение 200 т нефти в результате аварии на платформе *Gannet Alpha* в Северном море. Утечка нефти стала наиболее крупной в регионе за 10 лет. Компания *Shell* была привлечена к административной ответственности в виде штрафа в размере 22 500 фунтов стерлингов. Международные экологические организации и фонды (Гринпис и Всемирный фонд дикой природы) были возмущены таким размером штрафа, который едва ли может быть существенным для нефтяного гиганта¹⁰.

В 2016 г. произошел еще один значительный разлив нефти на платформе *Clair*, управляемой компанией BP. В воде распространилось около 95 т нефти¹¹. Масштабные правовые процессы не

⁵ Judge Appoints BP Oil Plaintiffs' Steering, Executive Committees. URL: <https://www.lexisnexis.com/legalnewsroom/litigation/b/litigationblog/archive/2010/10/14/federal-court-appoints-bp-oil-plaintiffs-steering-committee.aspx?Redirected=true> (accessed date: 11.08.2018).

⁶ United States District Court for the Eastern District of Louisiana. Consent Decree Among Defendant BP Exploration & Production Inc. and the United States of America, and the States of Alabama, Florida, Louisiana, Mississippi, and Texas. URL: <https://www.epa.gov/sites/production/files/2016-02/documents/deepwaterhorizon-cd.pdf> (accessed date: 12.08.2018).

⁷ Anadarko Ordered to Pay \$159.5 Million for Deepwater Horizon Spill. – *gCaptain*. URL: <http://gcaptain.com/anadarko-ordered-to-pay-159-5-million-for-deepwater-horizon-spill/> (accessed date: 11.08.2018).

⁸ Gulf of Mexico. Environmental Recovery and Restoration: BP Five Year Report. March 2015. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_us/PDF/GOM/BP_Gulf_Five_Year_Report.pdf (accessed date: 21.08.2018).

⁹ Kramer A.E. Caspian Sea Oil Rig Continues to Burn, Heightening Risk of Spill. – *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/08/world/asia/caspian-sea-oil-rig-fire.html> (accessed date: 21.08.2018).

¹⁰ Barnett A. Shell's £22,500 fine for North Sea oil spill slammed as 'paltry' by campaigners. – *Independent*. URL: <http://www.independent.co.uk/environment/shells-22500-fine-for-north-sea-oil-spill-slammed-as-paltry-by-campaigners-a6747536.html> (accessed date: 21.08.2018).

¹¹ Vaughan A. BP Platform Leaks 95 Tonnes of Oil into North Sea. – *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/oct/03/bp-platform-leaks-95-tonnes-oil-into-north-sea> (accessed date: 21.08.2018).

были инициированы, и компания по собственной инициативе устранила причиненный вред.

Таким образом, особенностью ответственности в случаях аварий на трансграничных месторождениях является то, что она реализуется преимущественно на национальном уровне, с помощью гражданско-правовых или административных механизмов. Роль международного экологического права в связи с этим заключается в установлении международно-правовых обязательств государств по обеспечению надлежащей системы управления потенциально опасной дея-

тельностью, по формированию системы лицензирования и проведения предварительной оценки воздействия на окружающую среду. Кроме того, в числе международных обязательств государств следует выделить обязательство обеспечить эффективный механизм возмещения вреда и доступность процессуальных средств защиты для всех лиц, которым был причинен ущерб. Тем не менее следует помнить, что вред окружающей среде никогда не может быть устранен полностью.

Список литературы

1. Пономарев М.В. 2017. Правовые проблемы возмещения вреда окружающей среде от загрязнения нефтью и нефтепродуктами. – *Судья*. № 9. С. 32–37.
2. Тэмплтон М.Н. 2014. Уроки, извлеченные из разлива нефти на платформе Deepwater Horizon, с точки зрения эффективности Закона о чистой воде и Закона о загрязнении нефтью 1990 года. – *Энергетическое право*. № 1. С. 37–41.
3. Albers J. 2015. *Responsibility and Liability in the Context of Transboundary Movements of Hazardous Wastes by Sea: Existing Rules and the 1999 Liability Protocol to the Basel Convention*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 370 p.
4. Bodansky D. 2010. *The Art and Craft of International Environmental Law*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 359 p.
5. Boyle A.E. 2005. Globalising Environmental Liability: The Interplay of National and International Law. – *Journal of Environmental Law*. Vol. 17. Issue 1. P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.1093/envlaw/eqi001>
6. Dilling O., Markus T. 2018. The Transnationalisation of Environmental Law. – *Journal of Environmental Law*. Vol. 30. Issue 2. P. 179–206. DOI: <https://doi.org/10.1093/jel/eqy008>
7. Jacqmotte B. 1998. Definition and Assessment of the Concept of Harm in a Regime of Transboundary Harm Prevention. – *Austrian Review of International and European Law*. Vol. 3. Issue 1. P. 233–265.
8. Jayakumar S. [et al.]. 2015. *Transboundary Pollution: Evolving Issues of International Law and Policy*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing. 448 p.
9. Kiss A., Shelton D. 2004. *International Environmental Law*. 3rd ed. Leiden: Brill – Nijhoff. 904 p.
10. Sands P. 1995. Liability for Environmental Damage. – *UNEP's New Way Forward: Environmental Law and Sustainable Development*. Ed. by Sun Lin, L. Kurukulasuriya. Nairobi: UNEP. P. 73–94.
11. Schachter O. 1991. *International Law in Theory and Practice*. Dordrecht: Martinus Nijhoff. 431 p.
12. Smith Jr. [et al.]. 2011. Analysis of Environmental and Economic Damages from British Petroleum's Deepwater Horizon Oil Spill. – *Albany Law Review*. Vol. 74. Issue 1. P. 563–585.

References

1. Albers J. *Responsibility and Liability in the Context of Transboundary Movements of Hazardous Wastes by Sea: Existing Rules and the 1999 Liability Protocol to the Basel Convention*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 2015. 370 p.
2. Bodansky D. *The Art and Craft of International Environmental Law*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2010. 359 p.
3. Boyle A.E. Globalising Environmental Liability: The Interplay of National and International Law. – *Journal of Environmental Law*. 2005. Vol. 17. Issue 1. P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.1093/envlaw/eqi001>
4. Dilling O., Markus T. The Transnationalisation of Environmental Law. – *Journal of Environmental Law*. 2018. Vol. 30. Issue 2. P. 179–206. DOI: <https://doi.org/10.1093/jel/eqy008>
5. Jacqmotte B. Definition and Assessment of the Concept of Harm in a Regime of Transboundary Harm Prevention. – *Austrian Review of International and European Law*. 1998. Vol. 3. Issue 1. P. 233–265.
6. Jayakumar S. [et al.]. *Transboundary Pollution: Evolving Issues of International Law and Policy*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing. 2015. 448 p.
7. Kiss A., Shelton D. *International Environmental Law*. 3rd ed. Leiden: Brill – Nijhoff. 2004. 904 p.
8. Ponomarev M.V. Pravovye problemy vozmeshcheniya vreda okruzhayushchey srede ot zagryazneniya neft'yu i nefteproduktami [Legal Issues of the Reparation of Damages to the Environment Arising out of the Oil and Oil Products Pollution]. – *Sud'ya*. 2017. No. 9. P. 32–37. (In Russ.)
9. Sands P. Liability for Environmental Damage. – *UNEP's New Way Forward: Environmental Law and Sustainable Development*. Ed. by Sun Lin, L. Kurukulasuriya. Nairobi: UNEP. 1995. P. 73–94.
10. Schachter O. *International Law in Theory and Practice*. Dordrecht: Martinus Nijhoff. 1991. 431 p.
11. Smith Jr. [et al.]. Analysis of Environmental and Economic Damages from British Petroleum's Deepwater Horizon Oil Spill. – *Albany Law Review*. 2011. Vol. 74. Issue 1. P. 563–585.
12. Templton M.N. Uroki, izvlechennye iz razliva nefti na platforme Deepwater Horizon, s tochki zreniya effektivnosti Zakona o chistoi vode i Zakona o zagryaznenii neft'yu 1990 goda [Lessons Learnt from the Oil Spill on the Deep Horizon Platform, from the Point of View of Effectiveness of the Clean Water Law and Oil Pollution Law of 1990]. – *Energeticheskoe pravo*. 2014. No. 1. P. 37–41. (In Russ.)

Информация об авторах**Лариса Владиславовна Вереина,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

vereinalarisa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4490-9916.

Анна Владимировна Мальцева,

аспирант кафедры международного права, юридический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

anna.v.maltseva@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0986-0774

About the Authors**Larisa V. Vereina,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

vereinalarisa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4490-9916

Anna V. Maltseva,

Postgraduate student at the Department of International Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

1-13, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation, 119991

anna.v.maltseva@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0986-0774

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-53-64

Наталья Анатольевна ВОРОНЦОВАМосковский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

N.Vorontsova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2848-1358

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ ОБ УПРОЩЕНИИ ТАМОЖЕННЫХ ПРОЦЕДУР ТОРГОВЛИ. ЧАСТЬ II

ВВЕДЕНИЕ. Учитывая пристальное внимание государств к деятельности Всемирной торговой организации, несомненно, вызывают интерес принимаемые в ней новые соглашения, основанные на современных тенденциях развития торговли и стремлении государств как можно продуктивнее и без преград вести внешнеэкономическую деятельность. В частности, речь идет о Соглашении об упрощении процедур торговли, принятом в 2014 г. В статье рассматриваются особенности предоставления привилегий для развивающихся и наименее развитых стран в отношении применения положений соглашений, а также тарифные преференции в отношении товаров, происходящих из этих стран, на примере ЕАЭС.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве материалов в работе использованы международные конвенции, принятые в рамках как Всемирной торговой организации, так и Всемирной таможенной организации, современные доктринальные исследования российских и зарубежных авторов. Методологическую основу исследования составили метод системного и логического анализа, диалектический метод, а также историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. По итогам проведенного исследования автор отмечает, что положения Соглашения об упрощении процедур торговли, относящиеся к специальному и дифференцированному режиму для развивающихся и наименее развитых стран, весьма прогрессивные. Нововведением является возможность применения наименее развитыми странами обязательств по Соглашению только в части, соответствующей их индивидуальному уровню развития, финансовым и торговым потребностям. В отличие от первого раздела Соглашения, в отношении которого автор в своей предыдущей статье делал весьма скептические выводы, второй раздел является новаторским и предоставляет реальные механизмы помощи наименее развитым странам.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор анализирует положения принятого в 2013 г. и вступившего в силу в 2017 г. Соглашения об упрощении процедур торговли, которое непосредственно включено в Приложение 1А Соглашения ВТО, после Соглашения по защитным мерам. Речь в настоящей статье идет о положениях, относящихся к специальному и дифференцированному режимам для развивающихся и наименее развитых стран. Кроме того, исследуются теорети-

ческие вопросы отнесения государств к этой категории стран. Автор приводятся примеры предоставления тарифных преференций в отношении товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран, перечень таких стран, рассматриваются условия и порядок применения единой системы тарифных преференций ЕАЭС.

Сравнивая и анализируя международные договоры по этим вопросам, автор приходит к следующим выводам. Положения второго раздела Соглашения отличаются от ранее установленных в отношении развивающихся и наименее развитых стран, предоставляют большие льготы в аспекте условий применения Соглашения, учитывая возможности самой страны. При этом важно, что устанавливается принцип индивидуального подхода к каждой такой стране, которая к тому же самостоятельно определяет сроки применения положений Соглашения. Кроме того, возможность при этом требовать оказания помощи для наращивания потенциала конечно же является довольно прогрессивной для такого рода соглашений.

Автор отмечает, что нормы, закрепленные в ЕАЭС в отношении товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран – пользователей единой системы тарифных преференций Союза, соответствуют международным нормам и содействуют экономическому росту развивающихся и наименее развитых стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Соглашение об упрощении процедур торговли, Всемирная торговая организация, Всемирная таможенная организация, Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур, упрощение административных барьеров в торговле, таможенное регулирование, таможенные процедуры, упрощение торговли, специальный режим, развивающиеся и наименее развитые страны

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воронцова Н.А. 2018. Всемирная торговая организация: к вопросу об упрощении таможенных процедур торговли. Часть II. – Московский журнал международного права. № 3. С. 53-64.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-53-64

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-53-64

Natalia A. VORONTSOVA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

N.Vorontsova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2848-1358

WORLD TRADE ORGANIZATION: ON THE FACILITATION OF CUSTOMS PROCEDURES FOR TRADE. PART II

INTRODUCTION. *Considering close attention of the states to the work of the World Trade Organization, the interest is undoubtedly attracted by new agreements, adopted by it and based on current trends*

of trade development and aspiration of the states to conduct foreign economic activity more productively and without barriers. In particular, the article concerns Agreement on Trade Facilitation, adopted in

2014. The article tackles peculiarities of providing privileges for developing and least developed countries with respect to application of Agreements' provisions, as well as tariff preferences concerning goods originating in these countries on the example of the EEU.

MATERIALS AND METHODS. During the research the author has used international conventions, adopted within both the World Trade Organization, and World Customs Organization, modern doctrinal research of Russian and foreign authors. The methodological basis of the research constitute method of the systematical and logical analysis, dialectic method, legal-historical, comparative law and technical juridical methods.

RESEARCH RESULTS. In the course of the conducted research the author notes that the Agreement's provisions relating to the special and differential treatment for developing and least developed countries are very progressive. An innovation is the possibility of application of obligations under the Agreement by least developed countries only in part, which corresponds to their individual level of development, financial and trade needs. Unlike Section I of the Agreement, concerning which the author drew very skeptical conclusions in the previous article, Section II is rather innovative and provides actual mechanisms of support for the least developed countries.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The author analyzes provisions of the Trade Facilitation Agreement (further – the Agreement) that was adopted in 2013 and came into force in 2017, which is directly included in the Appendix 1A of the WTO Agreement, after the Agreement on Safeguards. The article tackles provisions, relating to the special and differential treatment for developing and least developed countries. Besides, the author analyzes theoretical aspects of categorizing states as such. The author gives ex-

amples of providing tariff preferences for goods originating in developing and least developed countries, of conditions and application standard of the EEU uniform system of tariff preferences, the list of such countries.

Comparing and analyzing international agreements on these matters, the author comes to the following conclusions. Provisions of Section II of the Agreement differ from earlier established ones concerning developing and least developed countries, provide more preferential terms of application of the Agreement, taking into account potentialities of the country. At the same time, very important is the principle of individual approach to each such country, which independently defines a possibility of application of the Agreement provisions. Besides, an opportunity to simultaneously demand help for capacity-building is, of course, quite progressive for such agreements.

The author notes that the EEU provisions concerning goods, originating in developing and the developed countries – users of the Union uniform system of tariff preferences, meet international standards and promote economic progress of developing and least developed countries.

KEYWORDS: Trade Facilitation Agreement, World Trade Organization, World Customs Organization, International Convention on the Simplification and Harmonization of Customs Procedures, simplification of administrative barriers in trade, Customs regulations, Customs procedures, Trade Facilitation, special treatment, developing and least developed countries

FOR CITATION: Vorontsova N.A. World Trade Organization: on the facilitation of customs procedures for trade. Part II. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 53–64.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-53-64

В 2014 г. в Женеве был подписан Протокол о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении ВТО, который 2 марта 2016 г. был имплементирован в российское национальное законодательство¹. Данным Протоколом были внесены изменения в Приложение 1А Марракешского соглашения об учреждении ВТО посредством включения в него Соглашения об упрощении процедур торговли, основными целями которого являются ускоре-

ние перемещения и выпуска товаров, упрощение таможенных процедур, обеспечение их ясности, эффективности и транспарентности [Воронцова 2018:48].

Несомненно, само Соглашение об упрощении торговли вызвало интерес у исследователей, однако ими рассмотрены иные аспекты, чем автором настоящей статьи [Агашина, Тукшаитова 2017:3; Азеведо 2017:12–14, Корочкин 2017:1–2; Международное таможенное сотрудничество...

¹ Подписан закон о принятии Протокола о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении ВТО. Доступ: <http://kremlin.ru/acts/news/51433> (дата обращения: 13.07.2018).

2017:25; Мозер 2015:46]. В данной работе будут затронуты тарифные льготы и преференции для развивающихся и наименее развитых стран (далее – НРС), а также преференциальные условия применения положений Соглашения об упрощении торговли для таких стран.

На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что большинство государств стремятся к либерализации мировой торговли и максимально выгодным условиям экономических отношений [Боклан 2016:39]². Однако не все государства обладают равными возможностями для устойчивого развития своей экономики и эффективного участия в мировой торговле. Речь идет о развивающихся государствах. Это страны со слаборазвитой экономикой, невысоким уровнем социально-экономического потенциала, стремящиеся преодолеть экономические барьеры для повышения благосостояния государства и населения. Участники международных торговых, таможенных, валютных и иных отношений, входящих в сферу международного экономического права, заинтересованы в поддержании стабильности и конкурентоспособности всех государств, в том числе развивающихся. Именно поэтому в рамках международных организаций развивающимся государствам часто предоставляются разные преференции и льготы. Не является исключением и такая международная организация региональной экономической интеграции, как Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). Тарифные преференции предоставляются в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) и предусматривают применение режима свободной торговли. Анализ нормативных актов будет проведен автором далее. Кроме того, в настоящей статье будут проанализированы положения второго раздела Соглашения, устанавливающие специальный и дифференцированный режим для развивающихся и наименее развитых стран. Прежде чем перейти к статьям Соглашения следует рассмотреть понятия, используемые в данном документе.

Такие ученые, как Р. Пребиш и Х. Зингер, еще в 60-х годах XX в. предложили идею предоставления торговых преференций развивающимся и наименее развитым странам. Аргументы были существенными: режим наибольшего благопри-

ятствования (далее – РНБ) не обеспечивал равенство с отечественными производителями или региональными торговыми партнерами. Кроме того, данный режим не учитывал неравенство в экономических структурах и уровнях развития государств. Поскольку переговоры проводились на основе принципов взаимности и наиболее благоприятствуемой нации, экспорт развивающихся и наименее развитых стран продолжал сталкиваться с высокими тарифами, преференции же рассматривались как дополнительный фактор для преодоления этих проблем [Лард 2015:33].

Впоследствии эти принципы были использованы в работе второй сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) – органа Генеральной Ассамблеи ООН – при принятии Соглашения о введении Общей системы преференций. Развитые страны подтверждали свое согласие предоставить приоритетное право доступа к собственным рынкам экспорта развивающимся странам. В рамках этого Соглашения был также принят ряд актов в отношении сырьевых товаров с целью стабилизации цен на основную экспортную продукцию развивающихся стран³.

Помимо этого ЮНКТАД оказывала помощь развивающимся странам в реструктуризации государственного долга в ходе переговоров Парижского клуба. В рамках содействия сотрудничеству «Юг – Юг» в 1989 г. вступило в силу Соглашение о глобальной системе торговых преференций между развивающимися странами (Global System of Trade Preferences (GSTP)). Оно предусматривало предоставление тарифных и нетарифных преференций в отношении государств-членов.

В феврале 2001 г. Европейская комиссия приняла Постановление № 416/2001 по реализации программы «Все, кроме оружия», предоставляющей беспоплатный и неквотируемый доступ для импорта всех продуктов из НРС, кроме оружия и боеприпасов (хотя количественные ограничения были введены на бананы, сахар и рис в течение ограниченного периода). Принятая в 2001 г. в Брюсселе на третьей Конференции ООН по НРС программа действий включала среди прочего обязательство партнеров из развитых стран улучшить преференциальный доступ к рынку

² См. также: Нефёдов Б.И. *Катехизис аспиранта кафедры международного права: Учебное пособие*. М.: МГИМО-Университет. 2018. С. 136.

³ Non-Tariff Measures to Trade: Economic and Policy Issues for Developing Countries. – *Документ UNCTAD/DITC/TAB/2012/1*. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab20121_en.pdf (accessed date: 07.07.2018).

для НРС за счет как беспошлинного и неквотируемого доступа к рынку всех их товаров, так и упрощения правил происхождения товаров.

Несмотря на то что на четвертой Конференции ООН по НРС, проходившей в Стамбуле в 2011 г., была выражена озабоченность по поводу достижений в реализации Брюссельской программы действий, широкомасштабные задачи были все же подтверждены. К ключевым вопросам были отнесены проблемы, связанные с торговлей, сельским хозяйством, предметами потребления, продовольственной безопасностью и мобилизацией ресурсов. В сфере торговли делегаты Конференции согласились на «серьезную работу для создания благоприятных условий доступа к рынку для всех продуктов, производимых в НРС, включая своевременное внедрение беспошлинного, неквотируемого доступа к рынку на длительной основе для всех НРС с простыми, прозрачными и предсказуемыми правилами происхождения товаров и сокращение или устранение дискреционных или неоправданных нетарифных барьеров и других сдерживающих торговлю мер» [Лард 2015:36]. Для того чтобы устанавливать преференции, несомненно, необходимо классифицировать страны, которые на них могут претендовать. И главное при этом – определить уровень экономического развития того или иного государства. Так, уже в Конвенции о создании международного союза публикации таможенных тарифов 1890 г.⁴ все страны были условно поделены на классы в зависимости от их доли в международной торговле.

Широкое распространение в научной литературе получил подход под названием «стандартная классификация», в соответствии с которой выделяются три группы стран: развитые страны, страны с переходной экономикой и развивающиеся страны⁵. В первой редакции Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) 1947 г. исключения из РНБ предоставлялись странам – колониям, связанным с метрополиями особыми соглашениями. С распадом колониальной системы ситуация с изъятием из РНБ изменилась. Теперь развивающимся странам предоставлялось право пользоваться

преференциальным таможенным режимом на односторонней основе, т.е. без взаимного снижения ими пошлин на товары, импортируемые из промышленно развитых стран. Фактически «стандартной классификацией» стран пользуется ЮНКТАД, до 2004 г. ее придерживался и Международный валютный фонд (МВФ). Современный подход МВФ не предполагает строгих экономических критериев. Выделяются две группы стран: «промышленно развитые страны» (advanced economies) и «другие страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны» (other emerging market and developing countries).

В классификации Всемирного банка применяется принципиально иной подход, при котором основной критерий распределения стран по группам – валовый национальный доход на душу населения. Выделяют три основные группы по данному аналитическому критерию: (1) страны с низким уровнем дохода на душу населения; (2) страны со средним уровнем дохода на душу населения, а также (3) страны с высоким уровнем дохода на душу населения.

Классификации стран ООН и ЮНКТАД принципиально не отличаются от так называемой стандартной классификации. Кроме того, ООН проводит классификацию стран по уровню человеческого развития⁶. Наименее развитые страны – это официальный статус, присваиваемый ООН тем развивающимся странам, которые имеют низкие социально-экономические показатели и большие препятствия в преодолении бедности и отсталости⁷. Отнесение страны к той или иной группе достаточно важно, так как в зависимости от статуса ей могут быть предоставлены разные торговые режимы. Беднейшим странам предоставляются преференциальный торговый режим и более выгодные условия кредитования, тем самым облегчаются условия таможенного сотрудничества с развитыми странами [Международное таможенное сотрудничество... 2017:24–25; Стиглиц, Чарлтон 2007:197].

Рассмотрим в качестве примера нормы, установленные в международной организации региональной экономической интеграции – ЕАЭС [Воронцова 2014:81]. Следует отметить, что сфе-

⁴ Конвенция о создании Международного союза публикации таможенных тарифов от 5 июля 1890 г. – *Справочная правовая система «Гарант»*.

⁵ См.: Ежегодные отчеты Программы развития ООН. URL: <http://hdr.undp.org/> (accessed date: 07.07.2018).

⁶ Country classification. URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2014wesp_country_classification.pdf (accessed date: 10.07.2018).

⁷ Гурова И.П. *Мировая экономика: Учебник для студентов, обучающихся по специальности «Мировая экономика»*. 3-е изд. М.: Омега-Л. 2009. С. 124.

ры отношений, регулируемых правом ВТО и правом ЕАЭС, зачастую совпадают. Более того, большинство региональных торговых соглашений, включая Договор о ЕАЭС, содержит отсылки к соглашениям ВТО [Боклан 2017:225; Боклан, Лифшиц 2016:1]. Несомненно, многосторонняя торговая система «состоит как из норм, действующих на универсальном уровне ВТО, так и из норм преференциальных торговых соглашений, как двусторонних, так и многосторонних. Вместе они формируют глобальную систему» [Cottier, Foltea 2010:47].

При классификации государств (развивающихся и наименее развитых) ЕАЭС ориентируется на международно-правовые документы, подготовленные Генеральной Ассамблеей ООН, и данные Всемирного банка. Сегодня многие развивающиеся страны фактически находятся в гораздо более благоприятных экономических условиях по сравнению со странами ЕАЭС и способны обеспечивать высокую конкурентоспособность своим товарам. Предоставлять дополнительные преференции таким странам – значит поступать несправедливо по отношению к производителям стран Союза. Новая редакция Положения ЕАЭС о применении системы тарифных преференций вводит более объективные критерии для предоставления Союзом тарифных преференций. Учитывая вышеупомянутые обстоятельства, Положение предусматривает возможность временно приостанавливать предоставление тарифных преференций для предотвращения ущерба национальным производителям, связанного с резким увеличением преференциального импорта.

Если говорить о тарифных преференциях, предоставляемых в рамках ЕАЭС на современном этапе, то нормативно-правовой базой по данному вопросу служат следующие документы:

- Положение об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза (утверждено Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 6 апреля 2016 г. № 47);

- Перечни развивающихся и наименее развитых стран (утверждены Решением Комис-

сии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130);

- Перечень преференциальных товаров (утвержден Решением Евразийской экономической комиссии от 13 января 2017 г. № 8);

- Соглашение о правилах определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран от 12 декабря 2008 г.;

- Договор о ЕАЭС.

Если обратиться к ст. 49 Таможенного кодекса ЕАЭС⁸, то мы увидим, что тарифные преференции предоставляются в соответствии с Договором о ЕАЭС, а также международными договорами Союза с третьей стороной, предусматривающими применение режима свободной торговли. Тарифные преференции восстанавливаются в случаях и при соблюдении условий, которые определяются Евразийской экономической комиссией.

В Договоре о ЕАЭС, а именно в ст. 36, предусмотрено, что для содействия экономическому развитию развивающихся и наименее развитых стран ЕАЭС может предоставлять тарифные преференции в отношении товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран – пользователей единой системы тарифных преференций Союза. В отношении ввозимых преференциальных товаров из развивающихся стран на таможенную территорию Союза применяются ставки ввозных таможенных пошлин в размере 75% от ставок ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа ЕАЭС, а в отношении преференциальных товаров, происходящих из наименее развитых стран, применяются нулевые ставки ввозных таможенных пошлин⁹.

Для выяснения общих правил и порядка предоставления преференций нужно обратиться к нормам, содержащимся в Положении об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза. Важно отметить, что согласно ст. 3 данного документа тарифные преференции в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран, предоставляются только при наличии конкретных условий, а именно если¹⁰:

⁸ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (редакция от 9 января 2018 г.). – *Справочная правовая система «Консультант-Плюс»*.

⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (редакция от 8 мая 2015 г.). – *Справочная правовая система «Гарант»*.

¹⁰ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 6 апреля 2016 г. № 47 «Об утверждении Положения об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза». – *Информационно-правовой портал «Гарант.Ру»*. Доступ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71341616/> (дата обращения: 06.07.2018).

- страна происхождения ввозимых товаров включена в перечень развивающихся стран – пользователей единой системы тарифных преференций Союза;
- товар включен в перечень товаров, происходящих из развивающихся или наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию Союза предоставляются тарифные преференции;
- обеспечено выполнение требований, предусмотренных действующими в рамках Союза правилами определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран.

Аналогичные условия выдвигаются и в отношении товаров, происходящих из наименее развитых государств.

В данном документе также предусмотрены критерии классификации развивающихся и наименее развитых стран. Так, согласно ст. 4 Положения в перечень развивающихся стран включаются государства, не классифицируемые Всемирным банком как страны с доходом выше среднего, а также с высоким уровнем дохода. В соответствии со ст. 8 вышеупомянутого документа в перечень наименее развитых стран попадают государства, включенные в список наименее развитых стран ООН. В этот перечень могут быть включены государства, которым в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН могут предоставляться тарифные преференции, аналогичные тем, которые действуют для стран, включенных в список наименее развитых государств ООН.

Перечень преференциальных товаров включает в себя товары, происходящие из развивающихся и наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию Союза предоставляются тарифные преференции.

Если Положение об условиях и порядке применения единой системы тарифных преферен-

ций Евразийского экономического союза содержит общие формулировки относительно классификации и перечня развивающихся и наименее развитых стран и преференциальных товаров, то в рамках ЕАЭС имеются и отдельные нормативно-правовые акты, посвященные данным вопросам. Так, Перечень развивающихся и наименее развитых стран был утвержден Решением Комиссии Таможенного союза¹¹. В данном документе к наименее развитым странам – пользователям системы тарифных преференций относятся 48 государств, преимущественно Африканского континента, а именно африканские страны южнее Сахары. Список развивающихся государств насчитывает наибольшее количество стран, расположенных на разных континентах (104). Важно отметить, что этот Перечень не противоречит классификациям развивающихся и наименее развитых государств Всемирного банка и резолюций Генеральной Ассамблеи ООН¹². Чтобы отнести тот или иной товар к категории товаров, происходящих из развивающихся или наименее развитых стран, нужно обратиться к Перечню товаров, происходящих из развивающихся стран или из наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию ЕАЭС предоставляются тарифные преференции¹³.

Переходя непосредственно ко второму разделу Соглашения, следует отметить, что, по мнению некоторых исследователей, эффективность его применения определяется рядом цифр [Агашина, Тукшаитова 2017:3]. Так, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, новое Соглашение ВТО по упрощению процедур торговли может сократить торговые издержки почти на 14,5% для стран с низким уровнем дохода и на 10% для стран с высоким уровнем доходов. В Докладе Международного экономического форума (далее – МЭФ)¹⁴ содержатся еще более оптимистические цифры. Эта международная организация пришла к выводу,

¹¹ В связи с подписанием Договора о ЕАЭС теперь это Комиссия Союза

¹² Перечень наименее развитых стран – пользователей системы тарифных преференций Таможенного союза (утвержден Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 18, Решением Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130) (редакция от 6 апреля 2016 г.). – *Справочно-правовая система «Консультант-Плюс»*.

¹³ Перечень товаров, происходящих из развивающихся стран или из наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию ЕАЭС предоставляются тарифные преференции (утвержден Решением Евразийской экономической комиссии от 13 января 2017 г. № 8). – *Справочно-правовая система «Консультант-Плюс»*.

¹⁴ Global trade costs could drop dramatically if countries implement WTO Trade Facilitation Agreement. – *OECD*. URL: <http://www.oecd.org/newsroom/global-trade-costs-could-drop-dramatically-if-countries-implement-wto-trade-facilitation-agreement.htm> (accessed date: 18.07.2018).

что сокращение барьеров в цепочке поставок за счет улучшения таможенного администрирования и транспортно-коммуникационной инфраструктуры может привести к росту мирового ВВП на 4,7%, а мирового экспорта – на 14,5%. При этом, по подсчетам МЭФ, полная отмена тарифов даст гораздо меньший эффект – 0,7% роста мирового ВВП и 1,1% роста экспорта. В докладе Всемирного банка о глобальных экономических перспективах приводится оценка роста объема мировой торговли продукцией обрабатывающей промышленности примерно в объеме 377 млрд долл. США, т.е. на 9,7% [Кузьменко 2013]. Реалистичность этих данных может подтвердить конечно же время, ведь все вышеперечисленные цифры – прогноз, а не результаты применения Соглашения.

Несмотря на обязательный характер соглашения для всех развитых стран после его вступления в силу, признается тот факт, что некоторым странам-участницам потребуется техническая помощь в выполнении положений Соглашения. Как следствие, стороны договорились, что свои обязательства развивающиеся и наименее развитые страны будут исполнять в соответствии с разными категориями обязательств. Следует отметить, что особые положения, касающиеся специального и дифференцированного режима для развивающихся и наименее развитых стран, не предопределяют разных подходов к нормам Соглашения, а лишь указывают на преференции в отношении его вступления в силу. Правда, следует отметить, что они довольно существенны.

Соглашение устанавливает, что объем и сроки применения положений Соглашения увязаны с потенциалом развивающихся и наименее развитых государств-членов. Если в развивающейся или наименее развитой стране-члене сохраняется нехватка необходимого потенциала¹⁵, то применение соответствующего положения не будет требоваться до момента получения необходимого потенциала для реализации. От наименее развитых стран требуется принимать на себя обязательства только в части, соответствующей их индивидуальному уровню развития, финансовым и торговым потребностям или их административным и ведомственным возможностям. Такие широкие преференции конечно же являются новаторской идеей рассматриваемого соглашения.

Кроме того, Соглашение предусматривает категорирование положений, которыми могут вос-

пользоваться развивающиеся и наименее развитые страны:

- категория «А» – это обязательства, которые развивающаяся или наименее развитая страна намеревается начать исполнять сразу после вступления Соглашения в силу или – в случае наименее развитой страны – в течение года с даты вступления в силу;

- категория «В» – это обязательства, которые развивающаяся или наименее развитая страна намеревается начать применять с даты истечения переходного периода после вступления в силу Соглашения;

- категория «С» – это обязательства, которые развивающаяся или наименее развитая страна будет применять с даты истечения переходного периода после вступления в силу Соглашения и которые требуют получения потенциала для применения посредством оказания помощи или поддержки для наращивания потенциала.

Для этого будет составляться «список исключений», в который страна включит и представит вниманию ВТО обязательства категорий «В» и «С». Все остальные обязательства будут отнесены к категории «А». По обязательствам из категории «С» соответствующие страны могут запрашивать у донорских агентств техническую поддержку и (или) помощь в наращивании необходимого потенциала, о чем будет составлено определенное соглашение. После достижения договоренности каждая задействованная страна должна сообщить в ВТО заявленную дату исполнения обязательств. Для случаев, когда у той или иной страны возникают сложности с получением необходимой поддержки или с исполнением обязательств без технической помощи, а также если требуется переместить определенные обязательства из категории «В» в категорию «С», разработана сложная процедура заблаговременного уведомления Комитета по упрощению процедур торговли. На что важно при этом обратить внимание, так это на то, что каждая такая страна на индивидуальной основе, самостоятельно указывает, какой категории положений она будет следовать.

Рассмотрим положения, касающиеся государств – доноров, которые должны оказать содействие и поддержку в наращивании потенциала развивающихся и наименее развитых стран. Такое содействие должно происходить на взаим-

¹⁵ Для целей Соглашения «содействие и поддержка по наращиванию потенциала» могут принимать форму технической, финансовой и иной взаимно согласованной оказываемой помощи.

но согласованных условиях как на двусторонней основе, так и с привлечением соответствующих международных организаций.

С учетом особых потребностей наименее развитых стран им должна оказываться специальная помощь посредством механизмов сотрудничества в области развития в сочетании с принципами технической поддержки и наращивания потенциала [Moisé 2013; Moisé 2011; Rippel 2011; Wilson, Mann, Tsunehiro 2004]¹⁶. Какие же принципы для предоставления содействия и поддержки по наращиванию потенциала в отношении реализации Соглашения должны быть использованы? Перечислим их:

- учет общей концепции развития государств-получателей и регионов, а также, при необходимости, актуальные реформы и программы технической помощи;
- определение действий, способных стимулировать региональную и субрегиональную интеграцию;
- взаимодействие с частным сектором по реформированию содействия торговле;
- стимулирование координации между государствами – членами Соглашения и другими организациями, а также среди стран-членов и других организаций, включая региональные экономические сообщества, что поможет обеспечить максимальную эффективность данного содействия.

С этой целью обеспечить исполнение последнего принципа должны быть приняты следующие меры:

- тесная координация технического содействия и вмешательств в наращивание потенциала, прежде всего в стране или регионе, где обеспечивается содействие, между государствами-членами и донорами, среди двусторонних и многосторонних доноров для предотвращения совпадения и одновременного использования программ содействия, а также непостоянства действий по реформированию;
- в случае наименее развитых стран – усовершенствованная интегрированная концепция должна быть частью данного процесса координации;
- государства-члены должны также стимулировать внутреннюю координацию между торговыми представителями и представителями по развитию по вопросам применения Соглаше-

ния и оказания технической помощи как в своих столицах, так и в Женеве.

Рассмотрим такой важный вопрос, как разрешение споров. Система разрешения споров ВТО является одним из основных результатов Уругвайского раунда. Заключение Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров представляет собой «выдающееся достижение, близкое к чуду» [Ehlermann 2002:639]. По мнению Д.С. Боклан и О.С. Боклан, «юрисдикция органа по разрешению споров ВТО является обязательной, то есть у члена ВТО нет выбора, он обязан признать указанную юрисдикцию на разрешение споров. Сам факт членства в ВТО означает согласие государства на юрисдикцию ОРС, поскольку ДРС входит в так называемый обязательный для подписания «пакет» соглашений ВТО» [Боклан, Боклан 2017:110]

Соглашение об упрощении процедур торговли, которое обязаны выполнять все 159 стран – участниц ВТО на уровне всех пограничных ведомств и органов таможенного контроля, стало классическим взаимовыгодным решением. В свете проблем его реализации в некоторых развивающихся странах, и особенно в наименее развитых государствах, в Соглашении предусмотрены не только гибкие условия, включающие положение о технической помощи в его реализации, но и льготный период для применения договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. Так, с даты вступления в силу Соглашения положения ст. XXII и XXIII ГАТТ 1994 г., разработанные и применяемые в соответствии с Договоренностью о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, не применяются:

- в течение двух лет к разрешению споров против развивающейся страны в отношении любого положения, отнесенного ею в категорию «А»;
- в течение шести лет к разрешению споров против наименее развитого государства в отношении любого правила, определенного им как положение категории «А»;
- в течение восьми лет к разрешению споров против наименее развитой страны в отношении любого положения, включенного ею в категорию «В» или «С».

Несмотря на льготный период для применения Договоренности о правилах и процедурах,

¹⁶ См.: National Trade Facilitation Bodies. Recommendation No. 4. – *United Nations Centre for Trade Facilitation and Electronic Business (UN/CEFACT)*. 2001. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/cefact/recommendations/rec04/rec04_ecetrd242e.pdf (accessed date: 18.07.2018).

регулирующих разрешение споров, до направления запроса о консультациях в соответствии со ст. XXII и XXIII ГАТТ, а также на всех стадиях разрешения спора в отношении наименее развитой страны государство – член Соглашения должно уделять серьезное внимание особой ситуации наименее развитых стран. В данном отношении государства – члены Соглашения «должны проявлять должную сдержанность при разрешении вопросов в соответствии с Договоренностью о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров с привлечением наименее развитых стран»¹⁷.

В заключение следует отметить следующее. На сегодняшний день многие государства находятся в состоянии активного экономического развития. Безусловно, необходимо подчеркнуть, что для успешного участия в современных меж-

дународных торговых отношениях в условиях глобализации мировой экономики развивающимся странам требуется поддержка со стороны развитых государств, уже интегрированных в мировую торговую систему. Рассмотренные выше льготы и преференции для развивающихся стран, по мнению автора, позволяют ряду стран ответить на вызовы современной торговли.

Впрочем, автор полагает, что в отношении некоторых государств требуются особые условия поддержки экономического развития, которые могут выражаться в проведении консультаций с развивающимся государством, двусторонних соглашений, финансовой помощи и в учете интересов развивающейся страны в международной торговле. Вышеуказанные меры могут ускорить и облегчить процесс экономического роста развивающихся государств.

Список литературы

- Агашина Д.Д., Тукшаитова Г.Р. 2017. Соглашение ВТО по упрощению процедур торговли и его влияние на развитие системы таможенного администрирования в России. – *Молодой ученый*. № 13.1. С. 1–4.
- Азеведо Р.К. 2017. Реформа мировой торговли в действии. – *Таможенное регулирование*. № 4. С. 12–14.
- Боклан Д., Боклан О. 2017. Запрос о вынесении предварительного решения об ограничении юрисдикции третейской группы Органа по разрешению споров ВТО как процессуальное средство защиты интересов ответчика. – *Международное правосудие*. № 3 (23). С. 110–118. DOI: 10.21128/2226-2059-2016-4-99-113
- Боклан Д.С. 2016. Соотношение права Евразийского экономического союза и соглашений ВТО. – *Современное международное право: глобализация и интеграция. Liber amicorum в честь профессора П.Н. Бирюкова*. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 38–45.
- Боклан Д.С. 2017. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 223–236. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.223.236
- Боклан Д.С., Лифшиц И.М. 2016. Действие принципа верховенства права в Евразийском экономическом союзе. – *Международное публичное и частное право*. № 2. С. 1–13.
- Воронцова Н.А. 2014. Правовой анализ положений договора о Евразийском экономическом союзе. – *Московский журнал международного права*. № 4 (96). С. 78–87.
- Воронцова Н.А. 2018. Всемирная торговая организация: к вопросу об упрощении таможенных процедур торговли. Часть I. – *Московский журнал международного права*. №1 (109). С. 44–59. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-44-59
- Корочкин А.Ю. 2014. *Соглашение Всемирной торговой организации по упрощению процедур торговли: новый шаг на пути устранения бюрократических процедур*. Доступ: <http://buro24.by/soglasheniye-vsemirnoy-torgovoy-organizatsii-po-uproshcheniyu-protsedur-torgovli-novyy-shag-na-puti-ustraneniya-byurokraticheskikh-protsedur> (дата обращения: 05.07.2018).
- Кузьменко М. 2013. Международные экономические организации и перспективы развития логистических услуг. – *Логинфо*. № 12 (161). Доступ: [http://www/loginfo.ru](http://www.loginfo.ru) (дата обращения: 05.07.2018).
- Лард С. 2015. Обзор систем торговых преференций для беднейших стран. – *Торговая политика*. № 1 (1). С. 31–77.
- Международное таможенное сотрудничество: экономико-правовые аспекты: Коллективная монография*. 2017. М.: Прометей. 410 с.
- Мозер С.В. 2015. Анализ Соглашения ВТО по упрощению процедур торговли. – *Таможенное регулирование. Таможенный контроль*. № 4. С. 45–48.
- Стиглиц Дж.Ю., Чарлтон Э. 2007. *Справедливая торговля для всех. Как торговля может содействовать развитию*. М.: Весь мир. 280 с.
- Cottier T., Foltea M. 2010. Constitutional Functions of the WTO and Regional Trade Agreements. – *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System*. Ed. by L. Bartels and F. Ortino. Oxford: Oxford University Press. P. 43–76.
- Ehlermann C. 2002. Six Years on the Bench of the World Trade Court: Some Personal Experiences as Member of the Appellate Body of the World Trade Organization. – *Journal of World Trade*. Vol. 36. No. 4. P. 605–639.
- Moisé E. 2013. The Costs and Challenges of Implementing Trade Facilitation Measures. OECD. – *Trade Policy Papers*. No. 157. DOI: <https://doi.org/10.1787/18166873>.

¹⁷ Соглашение об упрощении процедур торговли от 7 ноября 2014 г. Ст. 20. URL: <http://www.wto.org/tradefacilitation> (accessed date: 21.07.2017).

- URL: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/the-costs-and-challenges-of-implementing-trade-facilitation-measures_5k46hzqxt8jh-en (accessed date: 07.07.2018).
18. Moisé E., Orliac T., Minor P. 2011. Trade Facilitation Indicators. The Impact on Trade Costs. – *OECD Trade Policy Papers*. No. 118. DOI: <https://doi.org/10.1787/18166873>. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/trade-facilitation-indicators_5kg6nk654hmr-en (accessed date: 07.07.2018).
 19. Rippel B. 2011. Why Trade Facilitation is Important for Africa. – *Africa Trade Policy Notes*. No. 27. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTAFRREGTOPTRADE/Resources/trade_facilitation_note_nov11.pdf (accessed date: 07.07.2018).
 20. Wilson J.S., Mann C.L., Otsuki T. 2004. Assessing the Potential Benefit of Trade Facilitation: A Global Perspective. – *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 3224. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/977511468764990679/pdf/wps3224TRADE.pdf> (accessed date: 07.07.2018).
- ## References
1. Agashina D.D., Tukshaitova G.R. Soglashenie VTO po uproskcheniyu protsedur trgovli i ego vliyaniye na razvitiye sistemy tamozhennogo administrirovaniya v Rossii [The WTO Trade Facilitation Agreement and its influence on the development of customs administration system in Russia]. – *Molodoi uchenyi*. 2017. No. 13.1. P. 1–4. (In Russ.)
 2. Azevedo R.K. Reforma mirovoi trgovli v deistvii [Global Trade Reform in Action]. – *Tamozhennoye regulirovaniye*. 2017. No. 4. P. 12–14. (In Russ.)
 3. Boklan D., Boklan O. Zapros o vyneseni predvaritel'nogo resheniya ob ogranichenii yurisdiktsii treteiskoi gruppy Organa po razresheniyu sporov VTO kak protsessual'noye sredstvo zashchity interesov otvetchika [Preliminary Ruling as an Instrument of Respondent to Limit the Jurisdiction of WTO]. – *Mezhdunarodnoye pravosudie*. 2017. No. 3 (23). P. 110–118. (In Russ.) DOI: 10.21128/2226-2059-2016-4-99-113
 4. Boklan D.S. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz i Vsemirnaya trgovaya organizatsiya: sootnosheniye pravovykh rezhimov [Eurasian Economic Union and World Trade Organization: interrelation of legal regimes]. – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2017. No. 2. P. 223–236. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.223.236
 5. Boklan D.S. Sootnosheniye prava Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i soglashenii VTO [Interconnection of Eurasian Economic Union Law and WTO Agreements]. – *Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo: globalizatsiya i integratsiya. Liber amicorum v chest' professora P.N. Biryukova* [International Law: Globalization and Integration. Liber amicorum to Professor P.N. Biriukov]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Publ. 2016. P. 38–45. (In Russ.)
 6. Boklan D.S., Lifshits I.M. Deistvie printsipa verkhovenstva prava v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze [Application of the Rule of Law Principle in the Eurasian Economic Union]. – *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*. 2016. No. 2. P. 1–13. (In Russ.)
 7. Cottier T., Foltea M. Constitutional Functions of the WTO and Regional Trade Agreements. – *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System*. Ed. by L. Bartels and F. Ortino. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 43–76.
 8. Ehlermann C. Six Years on the Bench of the World Trade Court: Some Personal Experiences as Member of the Appellate Body of the World Trade Organization. – *Journal of World Trade*. 2002. Vol. 36. No. 4. P. 605–639.
 9. Korochkin A.Yu. *Soglashenie Vsemirnoi trgovoi organizatsii po uproskcheniyu protsedur trgovli: novyi shag na puti ustraneniya byurokraticheskikh protsedur* [The WTO Trade Facilitation Agreement: new step on the way of elimination of bureaucratic procedures]. 2014. (In Russ.). URL: <http://buro24.by/soglasheniye-vsemirnoy-torgovoy-organizatsii-po-uproskcheniyu-protsedur-torgovli-novyy-shag-na-puti-ustraneniya-byurokraticheskikh-protsedur> (accessed date: 05.07.2018)
 10. Kuz'menko M. Mezhdunarodnye ekonomicheskie organizatsii i perspektivy razvitiya logisticheskikh uslug [International Economic Organizations and Development Prospects of Logistic Services]. – *Loginfo*. 2013. No. 12 (161). (In Russ.). URL: <http://www/loginfo.ru> (accessed date: 05.07.2018).
 11. Laird S. Obzor sistem togovykh preferentsii dlya bedneishikh stran [Review of Trade Preference Schemes for the World's Poorest Countries]. – *Torgovaya politika*. 2015. No. 1 (1). P. 31–77. (In Russ.)
 12. *Mezhdunarodnoye tamozhennoye sotrudnichestvo: ekonomiko-pravovye aspekty: Kollektivnaya monografiya* [International Customs Cooperation: Economical and Legal Aspects: Collective monograph]. Moscow: Prometei. 2017. 410 p. (In Russ.)
 13. Moisé E. The Costs and Challenges of Implementing Trade Facilitation Measures. OECD. – *Trade Policy Papers*. 2013. No. 157. DOI: <https://doi.org/10.1787/18166873>. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/the-costs-and-challenges-of-implementing-trade-facilitation-measures_5k46hzqxt8jh-en (accessed date: 07.07.2018).
 14. Moisé E., Orliac T., Minor P. Trade Facilitation Indicators. The Impact on Trade Costs. – *OECD Trade Policy Papers*. 2011. No. 118. DOI: <https://doi.org/10.1787/18166873>. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/trade-facilitation-indicators_5kg6nk654hmr-en (accessed date: 07.07.2018).
 15. Mozer S.V. Analiz Soglasheniya VTO po uproskcheniyu protsedur trgovli [Analysis of the WTO Trade Facilitation Agreement]. – *Tamozhennoye regulirovaniye. Tamozhennyi kontrol'*. 2015. No. 4. P. 45–48. (In Russ.)
 16. Rippel B. Why Trade Facilitation is Important for Africa. – *Africa Trade Policy Notes*. 2011. No. 27. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTAFRREGTOPTRADE/Resources/trade_facilitation_note_nov11.pdf (accessed date: 07.07.2018).
 17. Stiglitz J., Charlton A. Fair Trade for All: How Trade Can Promote Development (Russ. ed.: Stiglitz J., Charlton A. *Spravedlivaya trgovlya dlya vsekh. Kak trgovlya mozhet sodeystvovat' razvitiyu*). Moscow: Ves' mir Publ. 2007. 280 p.).
 18. Vorontsova N.A. Pravovoi analiz polozhenii dogovora o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze [Legal Analysis of the Agreement on the Eurasian Economic Union]. – *Moscow Journal of International Law*. 2014. No. 4 (96). P. 78–87. (In Russ.)
 19. Vorontsova N.A. Vsemirnaya trgovaya organizatsiya: k voprosu ob uproskchenii tamozhennykh protsedur trgovli. Chast' I [World Trade Organization: on the

facilitation of customs procedures for trade. Part IJ. – Moscow Journal of International Law. 2018. No. 1 (109). P. 44–59. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-44-59
20. Wilson J.S., Mann C.L., Otsuki T. Assessing the Poten-

tial Benefit of Trade Facilitation: A Global Perspective. – *World Bank Policy Research Working Paper*. 2004. No. 3224. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/977511468764990679/pdf/wps3224TRADE.pdf> (accessed date: 07.07.2018).

Информация об авторе**Наталья Анатольевна Воронцова,**

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

N.Vorontsova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2848-1358

About the Author**Natalia A. Vorontsova,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

N.Vorontsova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2848-1358

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-65-71

Михаил Николаевич ЛЫСЕНКОМосковский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

mikelys@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1358-8336

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННОЙ СИЛЫ ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ СИРИИ)

ВВЕДЕНИЕ. На примере военного вмешательства США и их союзников в Сирии просматривается тенденция в политике западных стран игнорировать международное право и действовать по «праву силы» без санкции СБ ООН. Россия как государство, которое уважает свой суверенитет и международное право, не приемлет такого подхода. Россия высказывается за дипломатический диалог на всех площадках с целью остановить дестабилизацию международных отношений, включая конфронтацию в Сирии, и найти приемлемые международно-правовые решения. В статье предложены конкретные варианты таких решений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами для исследования послужили Устав ООН, общепризнанные принципы международного права, резолюции СБ ООН, Совместное заявление президентов России и США по Сирии от 11 ноября 2017 г., пресс-конференция президентов России и США в Хельсинки 16 июля 2018 г., а также научные труды российских и зарубежных ученых. Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы познания, включая исторический и сравнительно-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. По итогам проведенного исследования автор констатирует, что США и их союзники, применяя военную силу в Сирии, действуют в нарушение Устава ООН. Россия, напротив, использует свой воинский контингент в Сирии в полном соответствии с положениями Устава ООН в порядке коллективной самообороны по просьбе законного правительства Сирии.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор предлагает конкретный правовой вариант поиска мирного урегулирования в Сирии на основе Совместного заявления президентов России и США от 11 ноября 2017 г. по итогам их встречи в кулуарах саммита АТЭС в Дананге (Вьетнам). Предлагается совместно на экспертном уровне взять этот документ за основу, доработать с учетом новых реалий и вынести на рассмотрение СБ ООН для принятия консенсусной резолюции, которая установила бы международно-правовые рамки мирного урегулирования в Сирии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сирия, Устав ООН, военная сила, правомерность применения силы, международное право, верховенство права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лысенко М.Н. 2018. К вопросу о правомерности применения военной силы иностранными государствами (на

примере Сирии). – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 65-71.
DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-65-71

INTERNATIONAL SECURITY LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-65-71

Mikhail N. LYSENKO

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
mikelys@mail
ORCID: 0000-0003-1358-8336

ON THE LEGITIMACY OF THE USE OF MILITARY FORCE BY FOREIGN STATES (THE SYRIAN CASE)

INTRODUCTION. *Military interventions in Syria by the US and its allies confirm a tendency in the policy of Western countries to ignore international law and to act in accordance with the “rule of force”, without the sanction of the UN Security Council. Russia, as a state that respects its sovereignty and international law, does not accept this approach. Russia stands for diplomatic dialogue at all venues in order to stop destabilization in international relations, including the confrontation in Syria, and to find proper legal solutions. The article recommends specific options for such solutions.*

MATERIALS AND METHODS. *The study relies on such legal sources as the UN Charter, generally recognized principles of international law, UN Security Council resolutions, the Joint Statement of the Presidents of Russia and the United States on Syria of November 11, 2017, the joint press conference of the Presidents of Russia and the United States in Helsinki on July 17, 2018 as well as scientific studies of Russian and foreign researches. The research involved general scientific and comparative legal and historical methods of study.*

RESEARCH RESULTS. *The author concludes that the United States and its allies using military force in Syria act in violation of the UN Charter. Russia, on*

the contrary, uses its military contingent in Syria in full accordance with the provisions of the UN Charter on the collective self-defense, at the request of the legitimate government of Syria.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author makes a concrete proposal for the search of a peaceful settlement in Syria on the basis of the Joint Statement, which was approved by the Presidents of Russia and the United States in November 11, 2017 following their meeting on the margins of the Asia-Pacific Economic Cooperation summit meeting in Danang, Vietnam. The author advocates that Russian and American experts jointly reconsider main elements of this document and provide an up-dated version with due account of new realities, and submit it to the UN Security Council for the adoption of a consensus resolution that would lay down the international legal framework for a peaceful settlement in Syria.*

KEYWORDS: *Syria, UN Charter, military force, legitimate use of force, international law, rule of law*

FOR CITATION: Lysenko M.N. On the Legitimacy of the Use of Military Force by Foreign States (the Syrian case). – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 65-71.
DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-65-71

В мае 2018 г. в Москве состоялось примечательное научное событие – вторая конференция по российско-американским отношениям, организованная Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) МИД России и американской Флетчеровской школой права и дипломатии Тафтского университета (далее – МГИМО – Флетчеровская школа).

Полезная дискуссия в рамках конференции прошла на круглом столе «Конкурирующие интерпретации международного права». Действительно, поиск правовой истины через профессиональную дискуссию, конструктивные споры, столкновение мнений – это нормальный, здоровый процесс, когда он направлен на укрепление международного права и взаимопонимания.

Выступая на симпозиуме, автор данной статьи констатировал, что на примере военного вмешательства США и их союзников в Сирии мы видим прямо противоположное. Мы все чаще отмечаем их попытки игнорировать международное право и действовать по «праву силы». Эта тревожная тенденция отмечена также в работах исследователя Чжуннаньского университета экономики и права (Китай) А. Квартенга. Он опасается, что «военным средствам решения споров будет отдаваться больше предпочтения, чем дипломатическим, вопреки тому, что поощряет международное право» [Kwarteng 2016:48]. Схожие опасения высказывает исследователь С. Коуди, указывающий на «опасную иллюзию думать, что мы сможем разрешить каждую проблему с помощью военной силы» [Coady 2002:32].

Как известно, в международном праве, прежде всего в Уставе ООН, есть только два правомерных основания для применения военной силы. Во-первых, использование военной силы правомерно исключительно по решению Совета Безопасности ООН (СБ ООН). В гл. VII Устава ООН четко прописано, что только СБ ООН (а не отдельные государства или коалиции) «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает реко-

мендации или решает о том, какие меры следует предпринять... для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Именно СБ ООН уполномочен принимать меры, связанные с использованием вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира и безопасности¹. «Бывают обстоятельства, при которых применение силы расценивается как оправданное и законное. В системе ООН Совет Безопасности может ввести санкции, если будет установлено, что возникли угроза миру, нарушение мира или акт агрессии», – напоминает профессор М. Шоу [Shaw 2014:3]. Профессор М. Эванс подчеркивает неправомерность «применения силы членами ООН без ясно выраженного полномочия СБ ООН» [Evans 2014:646]. «Если применение силы выходит за рамки мандата Совета Безопасности, то на такое применение распространяется запрет применения силы» [Витцум 2015:925].

Во-вторых, иным правомерным основанием применения военной силы является закрепленное в ст. 51 гл. VII Устава ООН «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации»².

Что касается применения военной силы иностранными державами в Сирии, то Россия наносит там бомбовые и ракетные удары по вооруженным бандам оккупантов именно в порядке коллективной самообороны на основании обращения о помощи, полученного от законного правительства Сирии³. Это оформлено в двусторонних договорах с Сирией. В частности, заключив в 2015 г. межгосударственное Соглашение о размещении авиационной группы Вооруженных Сил РФ на территории Сирии, стороны исходили из «обоюдного стремления к защите суверенитета, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики», а также констатировали, что «нахождение на территории Сирийской Арабской Республики российской авиационной группы отвечает целям поддержания мира и

¹ Устав ООН. – *Официальный сайт ООН*. Доступ: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 12.06.2018).

² Там же.

³ В сентябре 2015 г. глава администрации Президента РФ С.Б. Иванов сообщил, что президент Сирии «обратился к руководству нашей страны с просьбой об оказании военной помощи». «Таким образом, – отметил С.Б. Иванов, – можно констатировать, что с терроризмом, конечно, бороться надо, надо объединять усилия, но при этом необходимо соблюдать нормы международного права». Ранее Совет Федерации Федерального Собрания РФ единогласно проголосовал за использование российских войск за рубежом (см.: Иванов: Асад обратился к России с просьбой об оказании военной помощи. – *РИА Новости*. 2015. Доступ: https://ria.ru/arab_riot/20150930/1292986737.html (дата обращения: 11.06.2018)).

стабильности в регионе, носит оборонительный характер и не направлено против других государств». По условиям Соглашения (ст. 2) «Российская Сторона по просьбе Сирийской Стороны размещает на территории Сирийской Арабской Республики российскую авиационную группу... Применение российской авиационной группы осуществляется в соответствии с решением командира российской авиационной группы по планам, согласованным между Российской и Сирийской Сторонами»⁴.

Возникает закономерный вопрос: а на каком правовом основании бомбят Сирию другие иностранные державы – США и их союзники? Обращалось ли к ним законное правительство Сирии за помощью в порядке коллективной самообороны? Имеется ли межгосударственный договор? Нет, не обращалось, какие-либо договоры отсутствуют.

А на основании какой резолюции СБ ООН они там воюют? Нет и не было такой резолюции. Последняя принятая по Сирии Советом Безопасности ООН Резолюция от 18 декабря 2015 г. № 2254 подтвердила «приверженность уважению суверенитета и территориальной целостности Сирии» и констатировала, что «устойчивое урегулирование нынешнего кризиса в Сирии может быть обеспечено только на основе осуществляемого самими сирийцами всеохватного политического процесса»⁵.

Тем не менее, игнорируя вышеупомянутые законные основания применения силы, США, Великобритания и Франция нанесли массированный удар по территории Сирии 14 апреля 2018 г. (было выпущено более 100 ракет). Поэтому неслучайно эти неправомерные действия были осуждены, в частности, Постоянным советом Организации Договора о коллективной безопасности. Постоянный совет расценил эту акцию как «нарушение фундаментальных принципов и норм международного права, вопреки Уставу ООН без санкции Совета Безопасности

ООН» и призвал СБ ООН «приложить максимальные усилия для выполнения возложенной на него международным сообществом задачи по восстановлению и поддержанию международного мира и безопасности»⁶. В России оценка была еще более категоричной: «США вместе с Великобританией и Францией в грубейшее нарушение Устава ООН совершили акт агрессии против Сирийской Арабской Республики»⁷.

При правовом анализе данной ситуации вызывает особое беспокойство следующее. Раньше США и их союзники для оправдания своих военных акций пытались хоть как-то вписаться в рамки любых, пусть даже самых общих, расплывчатых, формулировок решений СБ ООН. Так было при использовании ими военной силы в Ираке, Сербии и Ливии.

Сейчас этого нет. Выпустили 100 ракет по Сирии, а на СБ ООН никто из США и их союзников даже не оглянулся. Обошлись и без СБ ООН! «Вашингтон всегда стремился оправдать свои действия юридическими аргументами. Ныне же Вашингтон официально отвергает обязательность для себя таких устоев международного порядка, как принцип суверенного равенства, неприменения силы, невмешательства, мирного разрешения споров и др.», – заключает профессор Н.И. Костенко [Костенко 2018:391].

Такая позиция вполне объяснима в связи с общим крайне пренебрежительным настроением Вашингтона в отношении международного права. Вот, к примеру, что говорила в сентябре 2017 г. постоянный представитель США при ООН Н. Хейли по северокорейской кризисной теме: «СБ ООН исчерпал варианты сдерживания северокорейской ядерной программы. Соединенным Штатам, возможно, придется обратиться для решения проблемы к Пентагону»⁸. А вот еще одна весьма показательная цитата – слова, которые произнес в 2017 г. Дж. Болтон, ставший ныне советником президента США по национальной безопасности: «Я уже десять лет говорю, что

⁴ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г. – *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации*. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/420329053> (дата обращения: 12.06.2018).

⁵ Резолюция СБ ООН № 2254 по Сирии. Принята Советом Безопасности ООН на его 7588-м заседании 18 декабря 2015 г. – *Официальный сайт ООН*. Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/2254\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2254(2015)) (дата обращения: 11.06.2018).

⁶ Заявление Постоянного совета Организации Договора о коллективной безопасности в связи с ракетными ударами по территории Сирии от 14 апреля 2018 г. – *Официальный сайт МИД России*. Доступ: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3169589 (дата обращения: 12.06.2018).

⁷ Там же.

⁸ ООН исчерпала варианты по Северной Корее. – *Новости планеты*. 2017. Доступ: <http://novostiplaneti.com/news/10758-on-ischerpala-varianty-po-severnoi-koree.html> (дата обращения: 12.08.2018).

официально провозглашенной политикой США должно быть свержение режима мулл в Тегеране. Поведение и цели этого режима не изменятся, поэтому единственное решение – это смена самого режима»⁹.

Россия как государство, которое уважает свой суверенитет и международное право, не приемлет подобных подходов. В ответ наша страна подвергается массированному политическому и пропагандистскому давлению со стороны США и их союзников, на нас обрушились волны санкций и угроз.

Политики, журналисты, правоведа и политологи уже спорят: вернулись ли мы к «холодной войне» или нынешняя ситуация еще хуже? Дискуссия на этот счет состоялась и на круглом столе МГИМО – Флетчеровская школа. Куда же мы идем? К обострению международной ситуации? Можно ли что-то сделать и, если да, то что именно, чтобы поставить заслон на пути развития конфронтации и обратить ее вспять?

Участники круглого стола, очевидно, не ставили перед собой задачу найти универсальное решение. Вместе с тем все ратовали за скорейшее возобновление полноценного и конструктивного диалога на любых площадках, включая ООН. Американские участники конференции при этом отстаивали идею использования внешней силы «в чрезвычайных ситуациях» для обеспечения «гуманитарных интервенций». Они поясняли, что речь идет о тех случаях, когда правительство какой-либо страны допускает массовые нарушения прав человека, а также теряет контроль за государственным управлением в ходе внутреннего конфликта, как это, мол, наблюдается в Сирии.

Концепция гуманитарных интервенций не нова. Кто-то продвигает ее по правозащитным, моральным соображениям. Профессор М. Уолцер в своих трудах отстаивает мысль о том, что если где-то в мире происходит масштабное применение военной силы, влекущее массовые нарушения прав человека, то внешняя гуманитарная интервенция «явно оправданна» [Walzer 2002:10]. А кто-то использует эту концепцию для обоснования роли «всемирного полицейского». Профессор Г. Алмонд, к примеру, заявляет: «...право не может и не будет лишать государства возможности претендовать на действия, вызванные необходимостью» [Almond 1989:130].

Как подчеркивали профессор Е.А. Коровин и профессор Г.П. Жуков еще в 1963 г., «принцип «превентивной войны» глубоко чужд Уставу ООН. Статья 51 Устава ООН с предельной ясностью говорит о вооруженной самообороне против имевшего место акта агрессии («если произойдет нападение»), но отнюдь не предусматривает агрессию – как возможность (потенциальную) или военные действия – в «предупредительном» порядке (превентивная война)» [Современные проблемы... 1963:38]. Вполне оправданно поэтому мнение профессора О.Н. Хлестова и Д.О. Медведевой о том, что реализация права на превентивную оборону «перечеркнула бы запрещение войны» [Хлестов, Медведева 2005:73].

Автор настоящей статьи высказал на круглом столе личное мнение о том, что «гуманитарные интервенции», с учетом морального, правозащитного фактора, заслуживают поддержки. Но только в том случае, если будет получено решение СБ ООН с четким мандатом на проведение силовой операции. Либо если поступило официальное обращение законного правительства об оказании ему гуманитарной и военной помощи в порядке коллективной самообороны, как это и имело место в отношении российской поддержки Дамаска.

В целом же путь к решению спорных проблем должен быть один – через «обеспечение верховенства права в пространстве международного и внутригосударственного миропорядка» [Алешин и др. 2017:154]. На «значение верховенства международного права» обращает внимание и профессор Дж. Ривлин [Rivlin 2015:345]. «Менять свои правительства и глав государств народы должны в соответствии с их конституциями и без иностранного вмешательства», – пишут профессора А.Н. Вылегжанин и Т. Потье [Вылегжанин, Потье 2017:16].

Автор настоящей статьи предложил один конкретный правовой вариант того, что можно было бы сделать применительно к ситуации в Сирии. Как известно, в ноябре 2017 г. президенты РФ и США В.В. Путин и Д. Трамп по итогам их встречи в кулуарах саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Дананге (Вьетнам) одобрили Совместное заявление по Сирии. Об этом документе мало кто из экспертов публично вспоминает, но он исключи-

⁹ Субботин И. США могут сделать ставку на переворот в Иране. 2018. 3 апр. Доступ: http://www.ng.ru/world/2018-04-03/1_7203_iran.html (дата обращения: 12.06.2018).

тельно важный. В Совместном заявлении были согласованы основные принципы на пути к миру в Сирии. Приведем краткие выдержки:

- президенты подтвердили свою решимость нанести поражение ИГИЛ;
- договорились поддерживать военные каналы связи для обеспечения безопасности вооруженных сил США и России, а также для предотвращения опасных инцидентов;
- подтвердили свою приверженность суверенитету, независимости, единству, территориальной целостности и светскому характеру Сирии¹⁰.

Как представляется, эксперты России и США могли бы взять базовые формулировки этого документа, оценить их сквозь призму новых реалий, доработать текст, дополнив его новыми конструктивными идеями. Следующий шаг – внести проект на рассмотрение СБ ООН для принятия консенсусной резолюции, которая установила бы международно-правовые рамки мирного урегулирования в Сирии.

Актуальность сирийского урегулирования, в том числе в гуманитарной сфере, президенты России и США обсудили на переговорах в Хельсинки 16 июля 2018 г. По словам В.В. Путина на пресс-конференции по итогам встречи, «что ка-

сается Сирии, то решение задачи установления в этой стране мира и согласия могло бы стать образцом успешной совместной работы»¹¹.

Очевидно, есть и иные конструктивные варианты достижения договоренностей по данному и другим международным конфликтным вопросам. Как мудро отмечает профессор О’Коннелл, «нужен мир во всем мире посредством права» [O’Connell 2013:292].

К сожалению, в политике и доктрине США и их союзников сегодня доминируют противоположные, конфронтационные, в том числе силовые, подходы в надежде перестроить мир по своему образцу и «обуздать» Россию. Весьма вероятны попытки взять реванш силой и в Сирии. У нашей страны, безусловно, есть возможности противостоять этому. Как показывает исторический опыт, «проявившее волю и твердость в отстаивании своей позиции государство способно принудить к диалогу несоизмеримо более мощную и влиятельную глобальную державу» [Саямов 2018:55]. Рано или поздно такая твердость и последовательность сдвинут Запад на путь диалога на основе равновесия интересов и международного права. Вот только время будет досадно упущено.

Список литературы

1. Алешин В.В., Каламкарян Р.А., Кулебякин В.Н. 2017. Рецензия на книгу: Фархутдинов И.З. Американская доктрина о превентивном военном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. М., 2017. 338 с. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 151–155. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-151-155
2. Витцум В.Г. [и др.]. 2015. *Международное право*. М.: Инфотропик Медиа. 1072 с.
3. Вылегжанин А.Н., Потье Т. 2017. Представление профессором Шоу международного права: теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 7–18. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-7-18
4. Костенко Н.И. 2018. *Право международной безопасности (теоретические основы становления и развития): Монография*. М.: Юрлитинформ. 408 с.
5. Саямов Ю. 2018. Об актуальных внешнеполитических изменениях на мировой арене. – *Международная жизнь*. № 7. С. 44–56.
6. *Современные проблемы космического права: Сборник статей*. 1963. Вступ. статья Е.А. Коровина, Г.П. Жукова. М.: Изд-во иностранной литературы. 400 с.
7. Хлестов О.Н., Медведева Д.О. 2005. Вооруженные конфликты и право на самооборону. – *Московский журнал международного права*. № 2 (58). С. 62–76.
8. Almond H.H. 1989. Space without Weapons. – *Proceedings of the Symposium held on October 25–27, 1989*. Ed. by N.M. Matte. Montreal: McGill University. P. 109–136.
9. Coady C.A.J. 2002. *The Ethics of Armed Humanitarian Intervention*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace. 47 p.
10. Evans M.D. 2014. *International Law*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press. 873 p.
11. Kwarteng A.H. 2016. *Introduction to International Law*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing. 57 p.
12. O’Connell M.N. 2013. War and Peace. – *Oxford Handbook of the History of International Law*. Ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press. P. 272–294.
13. Rivlin G. 2015. *First Steps in the Law*. 7th ed. Oxford: Oxford University Press. 389 p.
14. Shaw M.N. 2014. *International Law*. 7th ed. Oxford: Cambridge University Press. 981 p.
15. Walzer M. 2002. The Argument about Humanitarian Intervention. – *Dissent*. Winter. P. 29–37.

¹⁰ Президент России Владимир Путин и Президент США Дональд Трамп по итогам общения в кулуарах саммита АТЭС одобрили совместное заявление по Сирии. 11 ноября 2017 г. – *Официальный сайт Президента РФ*. Доступ: <http://kremlin.ru/catalog/countries/US/events/56048> (дата обращения: 12.06.2018).

¹¹ Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США. 16 июля 2018 г. – *Официальный сайт Президента РФ*. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/58017> (дата обращения: 18.07.2018).

References

1. Aleshin V.V., Kalamkaryan R.A., Kulebyakin V.N. Retsenziya na knigu: Farkhutdinov I.Z. Amerikanskaya doktrina o preventivnom voennom udare ot Monro do Trampa: mezhdunarodno-pravovye aspekty. M., 2017. 338 s. [Review of the Book: Farkhutdinov I.Z. American Doctrine of Preventive Strikes from Monroe to Trump: International Legal Aspects. Moscow. 2017. 338 p.]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 151–155. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-151-155
2. Almond H.H. Space without Weapons. – *Proceedings of the Symposium held on October 25–27, 1989*. Ed. by N.M. Matte. Montreal: McGill University. 1989. P. 109–136.
3. Coady C.A.J. *The Ethics of Armed Humanitarian Intervention*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace. 2002. 47 p.
4. Evans M.D. *International Law*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press. 2014. 873 p.
5. Khlestov O.N., Medvedeva D.O. Vooruzhennye konflikty i pravo na samooboronu [Armed Conflicts and the Right for Self-defense]. – *Moscow Journal of International Law*. 2005. No. 2 (58). P. 62–76. (In Russ.)
6. Kostenko N.I. *Pravo mezhdunarodnoi bezopasnosti (teoreticheskie osnovy stanovleniya i razvitiya): Monografiya* [The Law of International Security (theoretical foundations of its development and progress): A Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ. 2018. 408 p. (In Russ.)
7. Kwarteng A.H. *Introduction to International Law*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing. 2015. 57 p.
8. O'Connell M.N. *War and Peace*. – *Oxford Handbook of the History of International Law*. Ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 272–294.
9. Rivlin G. *First Steps in the Law*. 7th ed. Oxford: Oxford University Press. 2015. 389 p.
10. Sayamov Yu. Ob aktual'nykh vneshnepoliticheskikh izmeneniyakh na mirovoi arene [On Actual Foreign Policy Changes on the World Arena]. – *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2018. No. 7. P. 44–56. (In Russ.)
11. Shaw M.N. *International Law*. 7th ed. Oxford: Cambridge University Press. 2014. 981 p.
12. *Sovremennye problemy kosmicheskogo prava: Sbornik statei. Vstup. stat'ya Ye.A. Korovina, G.P. Zhukova* [Modern Problems of Outer Space Law. A Collection of Articles. Introductory article by Ye.A. Korovin, G.P. Zhukov]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury Publ. 1963. 400 p. (In Russ.)
13. Vitzthum V.G. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow: Infotropik Media Publ. 2015. 1072 p. (In Russ.)
14. Vylegzhanin A.N., Potier T. Shaw's Interpretation of International Law: Theoretical Reflections. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 7–18. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-7-18
15. Walzer M. The Argument about Humanitarian Intervention. – *Dissent*. 2002. Winter. P. 29–37.

Информация об авторе

Михаил Николаевич Лысенко,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

mikelys@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1358-8336

About the Author

Mikhail N. Lysenko,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

mikelys@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1358-8336

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-72-82

Сергей Андреевич КОСТИН

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., д. 18, Казань, 420008, Российская Федерация
legaladdress@list.ru
ORCID: 0000-0003-4114-4062

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОННОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время Европейский союз представлен широким перечнем институтов, органов и структур в области обеспечения безопасности. Они формировались поэтапно, существенно эволюционировав от Маастрихта до Лиссабона. В процессе правовой эволюции органов и структур ЕС в области обеспечения безопасности в учредительных документах Союза появились нормы, позволяющие применять механизмы углубленного сотрудничества в отдельно взятых областях и подходить с нужной гибкостью к различным интеграционным процессам. В результате этой работы в рамках ЕС был запущен механизм Постоянного структурированного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и обороны (PESCO).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве материалов в работе использованы международные договоры, официальные заявления государств, а также доктринальные исследования, связанные с обеспечением международной и региональной безопасности. Методологической основой исследования выступают специально-юридическое, нормативное, телеологическое и систематическое толкование международных договоров, общенаучные (например, логический) и частнонаучные методы познания, в том числе формально-юридический метод и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ноябре 2017 г. министры иностранных дел и обороны 23 стран – участников ЕС подписали пакт, на-

целенный на усиление оборонного сотрудничества внутри Европейского союза. В декабре того же года, на саммите лидеров стран – членов Европейского союза, было провозглашено начало работы Постоянного структурированного сотрудничества (Европейского оборонного союза). В начале 2018 г., а именно в марте, Советом была одобрена Резолюция, определяющая перечень проектов, которые должны быть запущены в рамках PESCO. Данное обстоятельство не могло остаться незамеченным, и появление в ЕС нового механизма в области обеспечения безопасности, очевидно, уже должно учитываться при выстраивании отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом по укреплению европейской безопасности.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В настоящей статье автор обращает внимание на то, что в условиях существующей геополитической турбулентности отношения Российской Федерации с западными и западноевропейскими партнерами переживают не лучшие времена и Россию воспринимают больше как угрозу, нежели в качестве доброго соседа и партнера в области обеспечения безопасности. В существующих реалиях анализ правовой эволюции механизма сотрудничества в области обороны и безопасности, приведенный в настоящей статье, будет полезен с точки зрения понимания перспектив потенциально возможной новой формы сотруд-

ничества России и ЕС в области укрепления мира и безопасности в европейском регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международная безопасность, региональная безопасность, Постоянное структурированное сотрудничество в сфере обеспечения безопасности и обороны, Европейский оборонный союз, Организация Североатлантического договора (НАТО), продвинутое сотрудничество, Общая внешняя политика и

политика безопасности ЕС (ОВПБ)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Костин С.А. 2018. Международно-правовые предпосылки образования Европейского оборонного союза. – Московский журнал международного права. № 3. С. 72-82.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-72-82

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-72-82

Sergey A. KOSTIN

Kazan Federal University

18, ul. Kremlevskaya, Kazan, Russian Federation, 420008

legaladdress@list.ru

ORCID: 0000-0003-4114-4062

INTERNATIONAL LEGAL PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE EUROPEAN DEFENSE UNION

INTRODUCTION. *At present, the European Union in the security area is represented by a wide list of institutions, bodies and structures. They formed in stages, essentially evolving “from Maastricht to Lisbon”. As the result of the legal evolution the European Union the constitutional documents contain the rules of law that allow to apply the enhanced cooperation in different areas and to approach the necessary flexibility to various integration processes. In addition, as the result of this work, was launched Permanent Structured Security Cooperation format.*

MATERIALS AND METHODS. *The article is based on treaties, declarations of States and doctrinal research on the law of treaties. The author relies on various methods to reach their conclusions, among which treaty interpretation is most frequently used.*

RESEARCH RESULTS. *In November 2017, the Ministers signed a common notification on the Permanent Structured Cooperation and handed it over to the High Representative to the Council. In Decem-*

ber of the same year, at the European Union leaders summit the start of the Permanent Structured Cooperation (European Defense Union) format was proclaimed. In March 2018, the Council approved a resolution defining the list of projects that are to be launched in PESCO. This circumstance had a sign effect and now new security mechanism of the EU obviously should be taken into account in Russian and the EU relations strengthening European security area.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In the current geopolitical turbulence, the Russian Federation's relations with Western and Western European partners are going through “hard times”, and Russia is perceived more as a “threat” than as a “good neighbor” and partner in the security area. In such case, the legal evolution analysis of the defense and security cooperation mechanism described in this article will be useful for understanding the prospects of the potential new form of cooperation between*

Russia and the EU in peace strengthening and security in the European region.

KEYWORDS: *international security, regional security, Permanent Structured Cooperation (PESCO), European Defense Union, North Atlantic Treaty Organization (NATO), enhanced cooperation, Common Foreign and Security Policy (CFSP)*

FOR CITATION: Kostin S.A. International Legal Preconditions for the Formation of the European Defense Union. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 72-82.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-72-82

1. Введение

Вторая половина 2017 г. и начало 2018 г. ознаменовались активными действиями по началу работы Постоянного структурированного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и обороны (Permanent Structured Cooperation) (далее – Постоянное структурированное сотрудничество, PESCO). В ноябре 2017 г. министры иностранных дел и обороны 23 государств – участников ЕС подписали пакт по обороне, нацеленный на усиление сотрудничества внутри Союза, и представили его в Совет. В декабре того же года Совет принял Резолюцию 2017/2315¹ и на саммите лидеров государств – членов Европейского союза было провозглашено начало работы Постоянного структурированного сотрудничества. В Заключении, принятом по итогам саммита, была подчеркнута важность реализации первых совместных проектов на базе PESCO, а также необходимость учета PESCO в рамках сотрудничества между ЕС и НАТО². В марте 2018 г. Советом была одобрена Резолюция, определяющая перечень проектов, которые должны быть запущены в рамках PESCO³. Согласно Решению Совета ЕС от 6 марта 2018 г. № 6393/18 на базе PESCO должны быть разработаны и развернуты 13 первых проектов: «Медицинское командование ЕС»; «Защита программного обеспечения и платформа обмена информацией об инцидентах и о киберугрозах, кибергруппы

быстрого реагирования и взаимная помощь в сфере кибербезопасности»; «Логистика и поддержка операций»; «Военная мобильность»; «Обучающие миссии ЕС»; «Учебный центр сертификации европейских армий»; «Энергетический функционал»; «Возможность развертывания военных сил в чрезвычайных ситуациях»; «Морские системы по противоминным средствам»; «Морской надзор и его модернизация»; «Стратегическая система командования и контроля»; «Бронетехника», а также «Пожарная поддержка». Этим же Решением определен состав государств – участников каждого из проектов⁴.

Одновременно, 6 марта 2018 г., Советом были утверждены Рекомендации № 6588/1/18 с дорожной картой по имплементации механизма PESCO. Согласно дорожной карте «Совету рекомендуется к июню 2018 г. принять рекомендацию о последовательности выполнения обязательств по этапам 2018–2020 и 2021–2025 гг. и уточнить более конкретные цели, включая обязательства, которые должны быть выполнены до 2020 г.». Верховному представителю Союза предписывается предоставлять Совету доклады на ежегодной основе, с описанием статуса механизма развития PESCO, включая выполнение каждым участвующим государством-членом своих обязательств в соответствии с его национальным планом. Об установлении общих условий, на которых третьи страны могут принять участие в отдельных проектах, Совет примет соответ-

¹ Council Decision establishing Permanent Structured Cooperation (PESCO) and determining the list of Participating Member States (CFSP 2017/2315). – *Council of the EU's website*. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/32000/st14866en17.pdf> (accessed date: 28.05.2018).

² Council of the EU Conclusions, 14 Dec. 2017 (EUCO 19/1/17 REV 1). – *Council of the EU's website*. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/32204/14-final-conclusions-rev1-en.pdf> (accessed date: 28.05.2018).

³ Permanent Structured Cooperation (PESCO) – Factsheet. – *The European External Action Service's website*. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/34226/permanent-structured-cooperation-pesco-factsheet_en (accessed date: 28.04.2018).

⁴ Council Decision establishing the list of projects to be developed under PESCO (6393/18). – *Council of the EU's website*. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6393-2018-INIT/en/pdf> (accessed date: 28.04.2018).

ствующее решение до конца 2018 г.⁵ До момента определения и утверждения «первых проектов» под эгидой *PESCO* оставалось неясным, будут ли они распространять свое действие исключительно на традиционные угрозы в сфере безопасности либо их перечень окажется существенно шире. На это обстоятельство обращал внимание профессор Звольский из Саутгемптонского университета. По его мнению, «чтобы получить наиболее полное представление о ЕС как о международном акторе в сфере обеспечения международной безопасности, также должны быть учтены такие проблемы, как климат, безопасность в области здравоохранения, а также ряд финансовых инструментов ЕС по наращиванию потенциала» [Zwolski 2012:80–81]. По мнению автора настоящей статьи, сейчас утвержденный перечень проектов в рамках *PESCO* свидетельствует о том, что ЕС, очевидно, стремится заявить о себе в качестве самостоятельного международного актора в вопросах обеспечения международной безопасности.

2. Предыстория

В настоящее время ключевыми институтами ЕС в сфере Общей внешней политики и политики безопасности (далее – ОВПБ) являются Совет, который заседает в различных конфигурациях в зависимости от характера обсуждаемых вопросов, и Европейский совет. Вопросы внешней политики, в том числе вопросы ОВПБ, решаются в конфигурации Совета «Внешние сношения»⁶. Решения Европейского совета, в отличие от решений Совета, не являются юридически обязательными, однако в его компетенцию входит такое существенное полномочие, как избрание Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности – главного представителя и координатора действий ЕС на международной арене.

Военная структура ЕС состоит из следующих элементов: Комитета по политике и безопасности; Военного комитета ЕС; Комитета по гражданским аспектам и управлению кризисами; Воен-

но-политической группы; Дирекции кризисного управления и планирования; Военного штаба ЕС; Гражданско-военной ячейки Военного штаба ЕС; Европейского оборонного агентства; Европейского колледжа безопасности и обороны; Института исследований ЕС в области безопасности; Спутникового, а также Оперативного центров ЕС⁷.

В таком многообразии справедливым представляется мнение Д.А. Дегтяревой, которая отмечает, что «деятельность ЕС на мировой арене, особенно внешняя политика ЕС в ее нынешнем виде, является не единой, но именно общей, что предполагает координацию и гармонизацию внешних политик, генерируемых различными системами, входящими в ЕС» [Дегтярева 2016:56–57]. Однако Европейский союз не всегда был представлен столь широким перечнем институтов, органов и структур в области обеспечения безопасности. Они формировались поэтапно, существенно эволюционировав от Маастрихта до Лиссабона.

Процессу утверждения идентичности и формирования общей оборонной политики ЕС в международно-правовой плоскости придал необходимое ускорение распад Советского Союза и, как следствие, крах социалистической системы. Основы утверждения идентичности и формирования общей оборонной политики были заложены в Маастрихтском договоре о Европейском союзе 1992 г. (далее – ДЕС). Так, в преамбуле ДЕС сказано, что «Европейский совет в Маастрихте закладывает основы для политического союза с созданием общей внешней политики и политики безопасности (Common Foreign and Security Policy (CFSP)) и начала общей оборонной политики как второго столпа Маастрихтского договора», а в ст. «В» разд. I Договора говорится, что «Союз ставит перед собой задачу по утверждению идентичности на международной арене, в частности путем осуществления общей внешней политики и политики безопасности, включая формирование общей оборонной политики»⁸.

Статьями J.8 и J.16 Амстердамского договора 1997 г. предусматривалось создание самостоятельной должности – Верховного представи-

⁵ Council Recommendation concerning a roadmap for the implementation of PESCO (6588/1/18). – *Council of the EU's website*. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6588-2018-REV-1/en/pdf> (accessed date: 28.04.2018).

⁶ *Европейское право: Учебник и практикум для бакалавриата*. Под. ред. А.И. Абдуллина, Ю.С. Безбородова. М.: Юрайт. 2016. С. 91–92.

⁷ CSDP structure, instruments, and agencies. – *The European External Action Service's website*. URL: https://eeas.europa.eu/topics/crisis-response/5392/csdp-structure-instruments-and-agencies_en (accessed date: 01.05.2018).

⁸ Treaty on European Union (1992). – *The European External Action Service's website*. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (accessed date: 01.05.2018).

теля Союза по иностранным делам и политике безопасности. Так, согласно указанным статьям «Президиуму должна оказываться помощь Генерального секретаря Совета, одновременно выполняющего функции Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности». В частности, ему «предписывается помогать Совету в вопросах, входящих в сферу действия общей внешней политики и политики безопасности, в том числе путем внесения вклада в разработку, подготовку и осуществление политических решений и, при необходимости, от имени Совета по просьбе Президиума, путем проведения политического диалога с третьими лицами»⁹.

Впоследствии полномочия Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности были расширены Ниццким и Лиссабонским договорами 2001 и 2007 гг. соответственно. Согласно Ниццкому договору компетенция и задачи Верховного представителя продолжали ограничиваться оказанием помощи Совету в вопросах ОВПБ путем содействия разработке, подготовке и реализации политических решений, а также путем проведения политического диалога с третьими странами. Однако уже Лиссабонским договором компетенция и функции Верховного представителя в области ОВПБ были значительно расширены до объема полномочий министра иностранных дел. В частности, теперь Верховный представитель вправе самостоятельно вносить предложения в сфере ОВПБ, представлять ЕС в вопросах ОВПБ [Charalampous 2010:11–12], а также «проводить предварительные консультации с странами намеревающимися участвовать в структурированном сотрудничестве в области обеспечения безопасности» [Biscop, Coelmont 2010:14–15]. В учредительных документах ЕС отсутствуют упоминания о сроках полномочий Верховного представителя. На этот аспект обращает внимание профессор Женевского университета Каддоус, полагая, что «он (она) должны иметь пятилетний срок, как и другие члены Европейской комиссии» [Kaddous 2008:208].

Военные органы ЕС и их структура активно формируются с начала XXI в. Основные военные органы были образованы путем издания Советом соответствующих специальных решений. Высший военный орган ЕС – Военный комитет Европейского союза – был учрежден в 2001 г. специальным Решением Совета 2001/79/CFSP. Полномочия по назначению Председателя Военного комитета ЕС находятся в компетенции Совета¹⁰. В январе 2002 г. для целей укрепления общей культуры безопасности в рамках ЕС, поддержки разработки и прогнозирования внешней политики ЕС специальным Решением Совета 2001/554 был образован Институт исследований ЕС в области безопасности в качестве автономного агентства в рамках ОВПБ. А в 2004 г. специальным Решением Совета 2004/551/CFSP для целей поддержки Совета и государств-членов в их усилиях по укреплению защиты ЕС было создано Европейское оборонное агентство¹¹.

Исследуя юридическую основу органов ЕС и правовую природу Постоянного структурированного сотрудничества, следует обратить внимание на механизм углубленной интеграции, известный также как институт продвинутого сотрудничества государств – членов ЕС, который предполагает «углубленную интеграцию определенного числа государств – членов Европейского союза в какой-либо сфере с использованием институтов, процедур и механизмов Союза, открытую для всех остальных государств – членов Союза» [Шайхутдинова 2007:48]. Этот институт придает необходимую гибкость различным интеграционным процессам ЕС. По мнению профессора Г.Р. Шайхутдиновой, «необходимость продвинутого сотрудничества в рамках ЕС диктуется следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, это механизм, способный сохранить Европейский союз как интеграционное образование; во-вторых, это способ обеспечить суверенитет и национальные интересы государств – членов ЕС» [Шайхутдинова 2007:177].

В правовой эволюции института продвинутого сотрудничества в европейском праве принято выделять следующие основные этапы: Ам-

⁹ Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts (1997). – *European Parliament's website*. URL: <http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf> (accessed date: 01.05.2018).

¹⁰ Council Decision of 22 January 2001 (2001/79/CFSP) setting up the Military Committee of the European Union. – *Official Journal of the European Union Communities*. 1 Jan. 2001. L 27/4. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/l_02720010130en00040006.pdf (accessed date: 01.05.2018).

¹¹ Council Joint Action (2004/551/CFSP of 12 July 2004) on the establishment of the European Defence Agency. – *Official Journal of the European Union Communities*. 17 July 2004. L 245/17. URL: https://www.eda.europa.eu/docs/documents/COUNCIL_JOINT_ACTION_2004_551_CFSP.pdf (accessed date: 01.05.2018).

стердамский договор 1997 г., который закрепил правовую основу продвинутого сотрудничества; Ниццкий договор 2001 г., который завершил его юридическое оформление, и Лиссабонский договор 2007 г., который консолидировал договоренности предшествующих соглашений. Таким образом, в учредительных документах Европейского союза появились специальные нормы, позволяющие применять элементы продвинутого сотрудничества в области внешней политики и политики безопасности, а именно п. 2 ст. 329 и п. 2 ст. 331 Договора о функционировании Европейского союза 1957 г.¹²

Долгое время в западной доктрине присутствовали опасения относительно возможности применения механизма продвинутого сотрудничества. Сторонники этой точки зрения утверждали, что «хотя продвинутое сотрудничество в области ОВПБ и предусмотрено Ницким договором, оно остается всего лишь теоретическим. Причина заключается в том, что область ОВПБ традиционно является сферой, в которой необходимо наличие согласия (консенсуса) и пока неясно, смогут ли государства-члены достигнуть консенсус, чтобы начать применять механизм продвинутого сотрудничества в области ОВПБ» [Charalampous 2010:23]. Авторы аналитического доклада «Постоянное структурированное сотрудничество: что это?» обращают внимание на то, что даже после вступления в силу Лиссабонского договора «вскоре стало очевидно, что ни государства-члены, ни институты ЕС не спешат запускать реализацию механизма *PESCO*, а некоторые редкие инициативы и дебаты не приносят практических результатов». В то же время повышение внимания стран – членов ЕС к обеспечению собственной безопасности авторы доклада увязывают с «террористическими нападениями в ряде европейских стран, продолжающимися конфликтами в Сирии и Ливии (которые в том числе связаны с миграционным кризисом 2015–2016 годов), «шоком» от референдума «брексит» в Великобритании и «неожиданным» избранием Дональда Трампа в США» [Fiott et al. 2017:19–20]. Все это, по их мнению, говорит о том, что «европейцам необходимо серьезно отнестись к собственной безопасности и ее обе-

спечению». В российской доктрине в этот период также присутствовал определенный скепсис относительно перспектив применения механизма продвинутого сотрудничества в области ОВПБ. Одно из таких мнений еще в 2008 г. высказала Н.Н. Емельянова. Так, по ее утверждению, «структурированное сотрудничество в состоянии существенно затормозить прогресс и развитие в направлении военной интеграции ЕС. Ведь позволить одним странам развивать политику безопасности и обороны ЕС и соответствующий потенциал в более узком составе участников – это в то же время по существу является легализованной возможностью для других, не участвующих стран воздерживаться от активной роли на этом направлении. Что еще больше усилит политические противоречия и столкновения интересов внутри ЕС» [Емельянова 2010:185].

3. Обсуждение и точки зрения

Попытки консолидировать европейские страны и создать самостоятельную европейскую армию в регионе предпринимались и ранее. Примерами тому служат Парижский договор о Европейском оборонительном сообществе 1952 г. и Брюссельский пакт 1948 г. об организации Западноевропейского союза (далее – ЗЕС). Оба этих соглашения не стали эффективными в силу ряда условий. Договор о Европейском оборонительном сообществе предписывал «не набирать и не содержать национальные вооруженные силы», тем самым серьезно ограничивая национальный суверенитет государств-участников [Молчанов 1954:14–16]. Как следствие, он был только подписан, но так и не вступил в силу в связи с отказом всех участников его ратифицировать. Западно-европейский союз, в свою очередь, в вопросах безопасности изначально полагался на органы Североатлантического Альянса¹³. В 1992 г. Маастрихтским соглашением была сделана попытка придать ЗЕС новый импульс «в качестве средства усиления «европейской опоры» Альянса» [Адарчев 1998:24]. Однако ЗЕС, просуществовав более 60 лет, в конечном итоге распался. Прекращение деятельности ЗЕС с июля 2011 г. было анонсировано 31 марта 2010 г.¹⁴

¹² Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) в редакции Лиссабонского договора 2007 г. – *Справочная правовая система «Гарант»*.

¹³ Protocol Modifying and Completing the Brussels Treaty. – *Western European Union's website*. URL: <http://www.w eu.int/Treaty.htm> (accessed date: 01.05.2018).

¹⁴ Decision of The Council of The Western European Union on the residual rights and obligations of the WEU. May 27, 2011. – *Western European Union's website*. URL: <http://www.w eu.int/index.html> (accessed date: 01.05.2018).

Именно по этим причинам, по нашему мнению, механизм *PESCO* на старте, в первую очередь, ориентирован внутрь, с целью гармонизировать и консолидировать действия государств – членов ЕС в области обеспечения безопасности. На данном этапе механизм не направлен вовне. Однако в случае успешного развития отношений в рамках *PESCO*, этот механизм вполне может стать ключевым в вопросе формирования ОВПБ. Для того чтобы механизм заработал, предполагается, что *PESCO* будет иметь двухуровневую структуру: Совет, отвечающий за общее направление политики и принятие решений, и так называемую проектную группу, управляемую теми государствами-членами, которые вносят свой вклад в соответствующий проект в рамках *PESCO*. Решения Совета принимаются единогласно (за исключением решений о приостановлении членства и вступлении новых членов, которые принимаются квалифицированным большинством). Только члены *PESCO* имеют право участвовать в голосовании¹⁵.

Авторы аналитического издания Европейского парламента «Постоянное структурированное сотрудничество: национальные перспективы и состояние игры» предположили, что двухуровневая структура позволяет добиться соблюдения трех важных составляющих одновременно в трех плоскостях: законодательной, политической и финансовой [Permanent Structured Cooperation... 2017]. Первая составляющая механизма *PESCO* позволяет выстраивать «автономные возможности» в рамках единого интегрированного европейского оборонного аппарата среди государств-участников, которые, действительно, хотят реализовать свои инициативы. Вторая составляющая – это так называемая критическая масса в рамках единого начала. Здесь авторы справедливо отмечают, что в действительности можно запустить множество самостоятельных процессов на региональном уровне. Например, Германия начала реализовывать это по отношению к сухопутным войскам посредством рамочной национальной концепции, а Бельгия и Нидерланды – в отношении своих военно-морских сил. Аналогичные попытки предпринимали Франция и Великобритания (Ланкастерские соглашения 2010 г. о британо-французском стратегическом военном сотрудничестве). Однако все эти процессы и проекты происходят вне инсти-

тутов ЕС, поэтому они не имеют критической массы в рамках единого международно-правового механизма. На эту особенность также обращает внимание Я.Дж. Андерсон [Andersson 2015:3]. И наконец, третья, ключевая составляющая *PESCO* заключается в том, что не только участие в *PESCO* добровольное, но и решения принимаются единогласно, что никак не ограничивает суверенитет государств-участников [Permanent Structured Cooperation... 2017:37].

В научных кругах Европейского сообщества разговоры и дискуссии в отношении структурированного сотрудничества приобрели особый размах после подписания Лиссабонского договора. Норгейм-Мартинсен отмечает, что «в связи с появлением в ЕС *Common Security and Defence Policy* стала проявляться растущая воля к автономии от НАТО, будь то в отдельных операциях или в создании автономных возможностей» и что «считается само собой разумеющимся, что ЕС должен играть какую-то самостоятельную военную роль». При этом «между некоторыми государствами – членами ЕС сохраняется значительное сопротивление по-настоящему автономной ОВПБ, однако сама идея становится все более приемлемой» [Norheim-Martinsen 2010:1353]. По мнению испанского специалиста М. Урреа Коррес, «механизм постоянного структурированного сотрудничества позволяет Европейскому союзу более амбициозно развивать ОВПБ при условии, что государства возьмут на себя такие обязательства» [Urrea Corres 2010:84]. Развивая этот тезис, Х.Э. де Айяла Марин выразил опасения, «что не все государства – члены ЕС имеют одинаковые возможности для развития обороноспособности или политическую волю для такого типа интеграции». Однако «для преодоления барьеров, которые могут парализовать запуск работы постоянного структурированного сотрудничества, существуют такие альтернативы, как запуск специальных проектов и создание пилотных групп, с более высоким потенциалом в этом направлении» [Ayala Marín 2010:143]. Руис Гонсалес в будущем отводит важную роль Европейскому оборонному агентству в направлении работ по «функциональной совместимости стран и развитию их возможностей» и – что является более важным для российской стороны – допускает возможность для России «участвовать в будущем в рамках Постоянного структуриро-

¹⁵ Permanent Structured Cooperation (PESCO) – Factsheet. – *The European External Action Service's website*. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/34226/permanent-structured-cooperation-pesco-factsheet_en (accessed date: 28.04.2018).

ванного сотрудничества в пилотных проектах, повышая тем самым функциональную совместимость» [Ruiz González 2010:217, 230]. Бенейто видит в качестве одной из новелл Лиссабонского договора «создание конкретной формы расширенного сотрудничества между ограниченным числом государств-членов в области обороны, получившей название «постоянное структурированное сотрудничество» и открытой для всех других государств-членов» [Beneito 2008:12]. Государства-члены, желающие присоединиться к более серьезным обязательствам в отношении дальнейшего военного потенциала или для конкретных миссий, должны были установить между собой постоянное структурированное сотрудничество.

По мере усиления напряженности в отношениях России и ЕС риторика в научной среде в отношении перспектив развития механизма *PESCO* также скорректировалась. В частности, французский специалист в области международной безопасности, доктор Пьер Арош рассматривает напряженность в отношениях между ЕС и Россией в качестве импульса для развития *PESCO* и уточняет, что «если напряженность между ЕС и Россией ухудшится в контексте, отмеченном продолжающимся американским сдвигом в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, военная взаимозависимость между европейскими государствами может возрасти, что в конечном итоге приведет к усилению оборонного сотрудничества» [Haroche 2017:226–252]. Аналогичной позиции придерживается проф. Л. Леонардо из Лондонского королевского колледжа, полагая, что «напряженность в отношениях с Россией есть один из стимулов для скорейшего создания самостоятельного оборонного союза в рамках ЕС» [Leonardo 2017:7].

Официальная риторика чиновников оборонного ведомства Великобритании, напротив, свидетельствует об открытом сопротивлении созданию европейской армии. Одно из ключевых государств – участников Европейского союза – Великобритания – отказалось участвовать в механизме *PESCO*. Связано ли это с предстоящим «брэкситом» или с тем, что ключевой партнер Соединенных Штатов в Европе не намерен обременять себя очередным механизмом под эгидой НАТО, будет ясно позднее. Сейчас официальная риторика чиновников оборонного ведомства

Великобритании свидетельствует об открытом сопротивлении созданию европейской армии и призывает «активизировать сотрудничество между ЕС и НАТО, избегая дублирования функций» [Подходы ЕС... 2017:16–17].

4. Заключение

В современных условиях стремительных геополитических изменений и неравномерного экономического развития государств европейского региона уровень угроз в области безопасности существенно увеличился. В такой ситуации жизненно необходимо наладить плодотворное сотрудничество России и ЕС для того, чтобы снять напряженность в вопросах обеспечения безопасности. Анализируя формальную сторону «Уведомления о Постоянном структурированном сотрудничестве Совету, а также Верховному представителю Союза по иностранным вопросам и политике безопасности» на предмет потенциально возможных взаимоотношений с Российской Федерацией, а именно разд. 2.2 «Управление проектами», необходимо отметить, что сотрудничество в рамках *PESCO* не ограничивает суверенитет государств-участников и не лишает их возможности реализовывать отдельные самостоятельные проекты с третьими сторонами. Однако этот процесс существенно затруднен, поскольку формально такие проекты должны быть согласованы Советом. Так, ст. 2.2.1 Уведомления гласит: «Третьи страны могут в исключительном порядке приглашаться участниками проекта в соответствии с общими договоренностями, которые в свое время будут решаться Советом в соответствии со ст. 46(6) ДЕС. Они должны будут внести существенную добавленную стоимость в проект, способствовать укреплению *PESCO* и ОВПБ и выполнять более сложные обязательства. Это не означает, что им будут предоставлены полномочия по принятию решений при управлении *PESCO*. Кроме того, Совет в формате *PESCO* будет решать, удовлетворяются ли условия, изложенные в общих договоренностях, каждым третьим государством, приглашенным соответствующими участниками проекта»¹⁶.

Цели, объявленные незадолго до запуска *PESCO*, подтвердили, что каждое государство должно иметь возможность реализовывать свои

¹⁶ Notification on Permanent Structured Cooperation (pesco) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. – *Council of the EU's website*. URL: <http://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf> (accessed date: 28.04.2018).

права по своему усмотрению и в своих интересах. Так, по мнению авторов аналитического издания Европейского парламента «На пути к Европейскому оборонному союзу – «Белая книга» в качестве первого шага», «Европейский союз будет иметь возможность действовать, используя свой собственный потенциал и ресурсы, в том числе в сотрудничестве с НАТО и без ущерба для преимуществ этого стратегического партнерства. Это обстоятельство следует рассматривать не как сигнал охлаждения отношений, но как идеальный способ признать саму возможность наличия разных путей, которыми может следовать каждая из организаций» [On the Way towards... 2016:45]. В связи с этим представляется, что перед анонсированием начала сотрудничества в данном направлении, государства-участники учли риск возможного скатывания механизма *PESCO* к атрибуту Североатлантического Альянса. Для России этот риск усугубляется еще и тем, что большинство стран – членов ЕС являются одновременно участниками Альянса, в отношениях с которым у нас есть определенные противоречия. Так, по мнению Ал.А. Громыко, высказанному в 2016 г., «участие ЕС в процессах глобального внешнеполитического управления и в решении проблем безопасности и сегодня ограничено рядом факторов». В частности, Ал.А. Громыко справедливо полагает, что «политика ЕС как организации во многом определяется позициями отдельных стран – членов ЕС, которые далеко не всегда совпадают между собой. Для ЕС, перегруженного своими внутренними экономическими проблемами, вопросы внешней политики и безопасности только начинают играть ту роль, которая соответствует экономической мощи этой организации. Участие большинства государств – членов ЕС в НАТО во многом, хотя и не во всем, определяет его внешнюю политику и политику в сфере безопасности. Европа, в отличие от США, пока не обладает той жесткой силой, которая позволяла бы ей вмешиваться в регулирование проблем, которые с точки зрения ЕС нуждаются в этом. Его участие в подобных процессах пока происходит в рамках действий США и НАТО» [Европейский союз в поисках... 2015:9]. А по прошествии незначительного срока применительно к текущему существу дел некоторые исследователи уже открыто говорят о том, что «ЕС не может и не должен примерять на себя

роль субподрядчика в глобальной стратегии Соединенных Штатов» [Howorth 2017]. Очевидно, что Союзу уже необходимо взять самостоятельный вектор в деле обеспечения коллективной безопасности государств-членов.

В настоящее время характер российско-европейских отношений сложно назвать стабильным, скорее, мы находимся в зоне турбулентности. Однако Россия и европейские страны исторически связаны. В такой ситуации конструктивное партнерство, в том числе в вопросах обеспечения безопасности, априори является неизбежным. Каким именно будет наше партнерство, зависит в первую очередь от того, какую модель обеспечения собственной безопасности изберут государства – участники ЕС. В исследовании «Пять футуристических моделей европейской обороны» предложены различные сценарии развития событий: от варианта, когда «НАТО и трансатлантический альянс с США будут бесспорным центром европейского сотрудничества в области обороны», до «концепции наднационального европейского сотрудничества в области обороны» [Andersson et al. 2016:27, 31]. Очевидно одно: сотрудничество России и ЕС возможно по линии механизма *PESCO* и, если оно случится, должно строиться исключительно на основе «устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств», а также быть взаимовыгодным¹⁷.

Подводя итоги, следует сказать, что всякое международно-правовое сотрудничество начинается с политической воли и намерений сторон, в данном случае государств, установить такое сотрудничество. Однако история показывает, что далеко не все международно-правовые соглашения доходят до активной фазы – некоторые прекращаются, не успев вступить в силу, а апофеозом других становится формальная декларативность, отражение соответствующих принципов только на бумаге. О роли механизма *PESCO* в системе координат ЕС мы узнаем, возможно, уже в конце 2018 г., когда Совет ЕС должен вернуться к обсуждению нового специального документа, охватывающего все потребности в создании потенциала в поддержку безопасности и развития ЕС на периоды с 2018 по 2020 г. и с 2021 по 2025 г.

¹⁷ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – *Справочная правовая система «Гарант»*.

Список литературы

1. Адарчев О.В. 1998. *Западноевропейский союз в системе европейской безопасности*. М.: Изд-во Академии ГШ ВС РФ. 100 с.
2. Дегтярева Е.А. 2016. *Консолидационные вопросы в оборонной промышленности Европейского союза: Монография*. М.: РУДН. 232 с.
3. *Европейский союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность*. Под общ. ред. Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. 2015. М.: Весь мир. 588 с.
4. Емельянова Н.Н. 2010. *Европейский союз, вооруженные силы и международное право: Монография*. М.: Издательский дом Юрис Пруденс. 185 с.
5. *Подходы ЕС и его стран-членов к созданию автономного оборонного потенциала: Аналитический доклад*. Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. 2017. М.: ИМЭМО РАН. 33 с. Доступ: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_016.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
6. Молчанов Н.Н. 1954. *Провал «Европейского оборонительного сообщества» – успех дела мира в Европе*. М.: Знание. 40 с.
7. Шайхутдинова Г.Р. 2007. *Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве*. Казань: Академия управления «ТИСБИ». 232 с.
8. Andersson J.J. [et al.]. 2016. Envisioning European Befence: Five futures. – *Chaillot Paper*. No. 137. 56 p. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Chaillot_Paper_137.pdf (accessed date: 28.05.2018).
9. Andersson J.J. 2015. *European Defence Collaboration: back to the future*. 4 p. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_19_Defence_collaboration.pdf (accessed date: 28.05.2018).
10. Ayala Marin J.E. de. 2010. Military Capabilities. – *The European Security and Defence Policy (ESDP) after the Entry into Force of the Lisbon Treaty*. P. 129–158. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/cuadernos/CE_145_B.pdf (accessed date: 28.05.2018).
11. Beneyto J.M. 2008. From Nice to the Constitutional Treaty: Eight Theses on the (Future) Constitutionalisation of Europe. – *The Lisbon Treaty EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty?* Ed. by St. Griller and J. Ziller. Wien; New York: Springer. P. 1–20.
12. Biscop S., Coelmont J. 2010. Permanent Structured Cooperation in Defense: Building Effective European Armed Forces. – *Cahiers de recherche politique de Bruges*. No. 15. 25 p. URL: <https://biblio.ugent.be/publication/1175193/file/6749529.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
13. Charalampous M. 2010. From a European to a Common Security and Defence Policy. – *IES Working paper*. No. 5/2010. 46 p. URL: <http://aei.pitt.edu/60832/1/2010.5.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
14. Fiott D. [et al.]. 2017. Permanent Structured Cooperation: What's in a name? – *Chaillot paper*. No. 142. 71 p. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_142_ONLINE.pdf (accessed date: 28.05.2018).
15. Haroche P. 2017. Independence, Asymmetric Crises, and European Defence Cooperation. – *European security*. Vol. 26. Issue 2. P. 226–252. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2017.1294579>
16. Howorth J. 2017. *Future of Europe Credits for a True European Defence*. 22 p. URL: <https://www.martenscentre.eu/sites/default/files/publication-files/european-deefence-union-future-europe.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
17. Kaddous Chr. 2008. Role and position of the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy under the Lisbon Treaty. – *The Lisbon Treaty EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty?* Ed. by St. Griller, J. Ziller. Wien; New York: Springer. P. 205–222.
18. Leonardo L. 2017. European Defence Union: Some Legal Considerations by Luigi Lonardo. – *Geneva Jean Monnet Working Paper*. No. 03/2017. 28 p. URL: <https://www.ceje.ch/files/9815/1360/4827/3-Lonardo-luigi.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
19. Norheim-Martinsen P.M. 2010. Beyond Intergovernmentalism: European Security and Defence Policy and the Governance Approach. – *Journal of Common Market Studies*. Vol. 48. Issue 5. P. 1351–1365. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02116.x>
20. *On the Way towards a European Defence Union – A White Book as a First Step*. 2016. 82 p. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/535011/EXPO_STU%282016%29535011_EN.pdf (accessed date: 28.05.2018).
21. *Permanent Structured Cooperation: national perspectives and state of play*. 2017. 89 p. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603842/EXPO_STU\(2017\)603842_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603842/EXPO_STU(2017)603842_EN.pdf) (accessed date: 28.05.2018).
22. Ruiz González F.J. 2010. European Union – Russia Relations, The “Eastern Partnership”, the Future of the OSCE, and their Consequences for the CSDP. – *The European Security and Defence Policy (ESDP) after the Entry into Force of the Lisbon Treaty*. P. 193–232. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/cuadernos/CE_145_B.pdf (accessed date: 28.05.2018).
23. Urrea Corres M. 2010. The New Legal Instruments of the Common Security and Defense Policy. – *The European Security and Defence Policy (ESDP) after the entry into force of the Lisbon treaty*. P. 67–94. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/cuadernos/CE_145_B.pdf (accessed date: 28.05.2018).
24. Zwolski K. 2012. The EU as an International Security Actor after Lisbon: Finally a green light for a holistic approach? – *Cooperation and Conflict*. Vol. 47. Issue 1. P. 68–87. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836711433126>

References

1. Adarchev O.V. *Zapadnoevropeiskii soyuz v sisteme evropeiskoi bezopasnosti* [The Western European Union in European security system]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii GSh VS RF Publ. 1998. 100 p. (In Russ.)
2. Andersson J.J. [et al.]. Envisioning European Befence: Five futures. – *Chaillot Paper*. No. 137. 56 p. 2016. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Chaillot_Paper_137.pdf (accessed date: 28.05.2018).
3. Andersson J.J. *European Defence Collaboration: back to the future*. 2015. 4 p. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_19_Defence_collaboration.pdf (accessed date: 28.05.2018).
4. Ayala Marin J.E. de. Military Capabilities. – *The European Security and Defence Policy (ESDP) after the Entry into Force of the Lisbon Treaty*. 2010. P. 129–158. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/cuadernos/CE_145_B.pdf (accessed date: 28.05.2018).

5. Beneyto J.M. From Nice to the Constitutional Treaty: Eight Theses on the (Future) Constitutionalisation of Europe. – *The Lisbon Treaty EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty?* Ed. by St. Griller and J. Ziller. Wien; New York: Springer. 2008. P. 1–20.
6. Biscop S., Coelmont J. Permanent Structured Cooperation in Defense: Building Effective European Armed Forces. – *Cahiers de recherche politique de Bruges*. 2010. No. 15. 25 p. URL: <https://biblio.ugent.be/publication/1175193/file/6749529.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
7. Charalampous M. From a European to a Common Security and Defence Policy. – *IES Working paper*. No. 5/2010. 2010. 46 p. URL: <http://aei.pitt.edu/60832/1/2010.5.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
8. Degtyareva E.A. *Konsolidatsionnye voprosy v oboronnoi promyshlennosti Evropeiskogo soyuza: Monografiya* [Consolidation Issues in the Defense Industry of the European Union: A Monograph]. Moscow: RUDN Publ. 2016. 232 p. (In Russ.)
9. Emel'yanova N.N. *Evropeiskii soyuz, vooruzhennyye sily i mezhdunarodnoye pravo: Monografiya* [European Union, Armed Forces and International Law: Monograph]. Moscow: Izdatel'skii Dom Juris Prudens Publ. 2010. 185 p. (In Russ.)
10. *Evropeiskii soyuz v poiskakh global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost'*. Pod obshch. red. A.I.A. Gromyko i M.G. Nosova [European Union in search of a global role: politics, economics, security. Ed. by A.I.A. Gromyko and M.G. Nosov]. Moscow: Ves' mir Publ. 2015. 588 p. (In Russ.)
11. Fiott D. [et al.]. Permanent Structured Cooperation: What's in a name? – *Chaillot paper*. 2017. No. 142. 71 p. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISS-Files/CP_142_ONLINE.pdf (accessed date: 28.05.2018).
12. Haroche P. Independence, Asymmetric Crises, and European Defence Cooperation. – *European security*. 2017. Vol. 26. Issue 2. P. 226–252. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2017.1294579>
13. Howorth J. *Future of Europe Credits for a True European Defence*. 2017. 22 p. URL: <https://www.martenscentre.eu/sites/default/files/publication-files/european-deefence-union-future-europe.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
14. Kaddous Chr. Role and Position of the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy under the Lisbon Treaty. – *The Lisbon Treaty EU Constitutionalism without a Constitutional Treaty?* Ed. by St. Griller, J. Ziller. Wien; New York: Springer. 2008. P. 205–222.
15. Leonardo L. European Defence Union: Some Legal Considerations by Luigi Lonardo. – *Geneva Jean Monnet Working Paper*. 2017. No. 03/2017. 28 p. URL: <https://www.ceje.ch/files/9815/1360/4827/3-Lonardo-luigi.pdf> (accessed date: 28.05.2018).
16. Molchanov N.N. *Proval "Evropeiskogo oboronitel'nogo soobshchestva" – uspekhi dela mira v Evrope* [The failure of the "European Defense Community" – the success of the cause of peace in Europe]. Moscow: Znanie Publ. 1954. 40 p. (In Russ.)
17. Norheim-Martinsen P.M. Beyond Intergovernmentalism: European Security and Defence Policy and the Governance Approach. – *Journal of Common Market Studies*. 2010. Vol. 48. Issue 5. P. 1351–1365. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02116.x>
18. *On the Way towards a European Defence Union – A White Book as a First Step*. 2016. 82 p. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/535011/EXPO_STU%282016%29535011_EN.pdf (accessed date: 28.05.2018).
19. *Permanent Structured Cooperation: national perspectives and state of play*. 2017. 89 p. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603842/EXPO_STU\(2017\)603842_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603842/EXPO_STU(2017)603842_EN.pdf) (accessed date: 28.05.2018).
20. *Podkhody ES i ego stran-chlenov k sozdaniyu avtonomnogo oboronnogo potentsiala: Analiticheskii doklad*. Pod red. N.K. Arbatovoi, A.M. Kokeeva [Approaches of the EU and its Member States to the Creation of an Autonomous Defense Capability. An analytical report. Ed. by N.K. Arbatova and A.M. Kokeev]. Moscow: IMEMO RAN Publ. 33 p. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_016.pdf (accessed date: 18.05.2018).
21. Ruiz González F.J. European Union – Russia relations, The "Eastern partnership", the future of the OSCE, and their consequences for the CSDP. – *The European Security and Defence Policy (ESDP) after the entry into force of the Lisbon treaty*. 2010. P. 193–232. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/cuadernos/CE_145_B.pdf (accessed date: 28.05.2018).
22. Shaikhutdinova G.R. *Prodvinutoe sotrudnichestvo gosudarstv v evropeiskom prave* [The Advanced Cooperation of the States in the European law]. Kazan': Akademiya upravleniya "TISBI" Publ. 2007. 232 p. (In Russ.)
23. Urrea Corres M. The New Legal Instruments of the Common Security and Defense Policy. – *The European Security and Defence Policy (ESDP) after the Entry into Force of the Lisbon Treaty*. 2010. P. 67–94. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/cuadernos/CE_145_B.pdf (accessed date: 28.05.2018).
24. Zwolski K. The EU as an International Security Actor after Lisbon: Finally a green light for a holistic approach? – *Cooperation and Conflict*. 2012. Vol. 47. Issue 1. P. 68–87. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836711433126>

Информация об авторе

Сергей Андреевич Костин,

соискатель кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Российская Федерация, г. Казань, Кремлевская ул., д. 18

legaladress@list.ru

ORCID: 0000-0003-4114-4062

About the Author

Sergey A. Kostin,

Competitor for Candidate of Juridical Sciences Degree at the Department of International Law and European Law, Kazan Federal University

18, ul. Kremlevskaya, Kazan, Russian Federation, 420008

legaladress@list.ru

ORCID: 0000-0003-4114-4062

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-83-94

Константин Валентинович ТИМОХИН

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Смоленская-Сенная пл., д. 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация

konstantinv@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8062-1514

ТЕНДЕНЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН В 2013–2017 ГОДАХ

ВВЕДЕНИЕ. Деятельность Международного суда ООН является ориентиром не только для других международных судебных органов, но и для государств, которые внимательно следят за решениями Суда, хотя формально данные решения распространяются только на стороны, участвующие в разбирательстве. Очевидно, каждое дело Международного суда выходит за пределы двустороннего спора, а выводы Суда носят более обобщенный характер и могут быть применимы к другим аналогичным ситуациям.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье изучается практика Международного суда ООН за пятилетний срок, с 2013 по 2017 г., приводится анализ и дается оценка текущим делам, находящимся на его рассмотрении (на конец 2017 г.), а также тем спорам, по которым им были вынесены решения в 2013–2017 гг. Помимо анализа дел, рассмотренных Судом за указанный период, в статье проводится сравнение с предшествующей деятельностью этого органа, с тем чтобы отразить тенденции в его практике. В дополнение к этому приводятся статистические выкладки, наглядно иллюстрирующие усилия Международного суда ООН по прогрессивному развитию международного права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенное исследование показывает, что в работе

Суда можно наблюдать отражение многих процессов, происходящих в мире, и тех подходов, которые государства используют для урегулирования своих споров или продвижения своих позиций. В статье подчеркивается тот факт, что деятельность этого судебного органа позволяет говорить о его высокой востребованности и авторитете на международной арене. Это, в частности, связано с тем, что ему удается оставаться в достаточной степени объективным и эффективным, умело использовать международное право для привнесения стабильности в международные отношения, решая наиболее острые и комплексные проблемы межгосударственных отношений.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В качестве выводов в статье выделяются тенденции, проявившиеся наиболее отчетливо за последние пять лет. Так, отмечается востребованность Международного суда в случаях «кризисного управления» спорами и то обстоятельство, что «стандартной» процедурой становится оспаривание юрисдикции (компетенции) Суда. Помимо этого упоминаются увеличивающееся количество попыток пересмотреть ранее принятые Международным судом решения (или заручиться их заданной интерпретацией), растущее внешнее давление на Суд и попытки политизации его работы, а также, по-

видимому связанное с этим, усиление разногласий внутри судейского корпуса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мирное разрешение международных споров, современные тенденции, стабильность международных отношений, Международный Суд ООН

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тимохин К.В. 2018. Тенденции в деятельности Международного суда ООН в 2013–2017 годах. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 83–94. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-83-94

PEACEFUL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-83-94

Konstantin V. TIMOKHIN

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation, 119200

konstantinv@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8062-1514

TRENDS IN THE WORK OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE IN 2013–2017

INTRODUCTION. *The work of the International Court of Justice is the benchmark not only for other international courts and tribunals but also for the States which with rapt attention follow its decisions, though formally these verdicts are binding only for the Parties to the dispute. Evidently each ICJ case goes far beyond the bounds of a bilateral dispute and Court's conclusions are more general in nature thus being applicable to other situations.*

MATERIALS AND METHODS. *In the Article the practice of the International Court of Justice for the previous five years starting from 2013 till 2017 is researched: both the cases, which the International Court had reviewed and in respect of which pronounced its verdict in the last five years, and the cases which had been in the docket of the Court by the end of 2017 are analysed. Apart from this the author also looks at the previous practice of the Court with an aim of pinpointing the tendencies in ICJ work. Further more, the Article is furnished with the statistical data which helps to better appreciate the "price" of the efforts of the Court to promote the development of international law and resolve chal-*

lenges which it is confronted with.

RESEARCH RESULTS. *The Article demonstrates that the Court's practice highlights many of the current world's most outstanding problems and shows how States perceive possible solutions thereof. The author comes to a conclusion that the work of the International Court of Justice demonstrates high demand in its services and also proves it to be an influential authority in matters of high complexity and sensitivity. The Court manages to be an objective and efficient body using international law to advance stability on international arena.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *As a conclusion the article provides some of the recent and most prominent trends in the Court's practice. Among them are the higher demand for the provisional measures to be established by the Court in cases of crises, disputes with regard to the jurisdiction of the Court becoming "standard", an increasing amount of attempts for the revision of the Court's verdicts (or their interpretation), growing external pressure, endeavours to politicize its work, and a corresponding, as it seems, increase in discord between the ICJ Judges.*

KEYWORDS: *peaceful settlement of international disputes, current trends, stability in international relations, International Court of Justice*

FOR CITATION: Timokhin K.V. Trends in the

Work of the International Court of Justice in 2013–2017. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 83-94.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-83-94

За время своего существования Международный суд ООН (далее – МС или Суд) вынес более 110 решений и консультативных заключений, из которых почти одна треть приходится на последние 10 лет. При этом активизация деятельности Суда не связана с ростом количества споров (конфликтов), а, скорее, является свидетельством роста его авторитета и востребованности.

В 2016 г. МС отпраздновал 70-летний юбилей. В выступлении по случаю этой знаменательной даты Генсекретарь ООН Пан Ги Мун отметил, что за время его существования Судом была проделана «значительная работа по развитию международного права»¹. Добавим, что рассмотренные им споры затрагивают широкий спектр наиболее острых международно-правовых вопросов, а участвующие государства представляют практически все континенты Земного шара.

Пять лет деятельности МС, анализируемые в настоящей статье, – с 2013 по 2017 гг. – оказались весьма насыщенными. Суду не только удавалось справляться с «наплывом» новых дел, но и подчищать «долги» по ранее представленным его вниманию спорам. В том числе МС вынес свои решения по самым продолжительным в его практике спорам: *делу о территориях и разграничении морских пространств* (Никарагуа против Колумбии; длилось 11 лет) и *делу о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* (Хорватия против Сербии; длилось 16 лет).

За рассматриваемый период в Суд было подано 17 новых дел² (в 2017 г. – 5, в 2016 г. – 3, в 2015 г. – ни одного, в 2014 г. – 5, а в 2013 г. – 4). В 2017 г. впервые за шесть лет был подан запрос

о подготовке консультативного заключения³. За этот же период Судом было вынесено 9 итоговых вердиктов, (в 2017 г. – 0, в 2016 г. – 3, в 2015 г. – 2, в 2014 г. – 2, в 2013 г. – 2⁴). Нетипичным для Суда оказался 2017 г. с точки зрения видимой результативности его работы – ни одного вынесенного вердикта. Вся энергия МС ушла на издание процедурных решений [Gray 2018:254].

Здесь следует отметить, что в данном исследовании не принимаются во внимание усилия Суда, затрачиваемые на промежуточные решения в рамках особого производства (по предварительным мерам, вопросам юрисдикции и т.д.). Так, только с середины 2016 г по конец 2017 г. таких решений было семь: три – по вопросу юрисдикции (иски Маршалловых островов против Великобритании, Индии и Пакистана); одно – о предварительных возражениях (Сомали против Кении) и три – о назначении временных мер (Экваториальная Гвинея против Франции, Украина против России и Индия против Пакистана).

Примечателен и тот факт, что список дел Суда сокращается не только за счет его непосредственной работы, но также в силу того, что государствам удается достигать договоренностей об урегулировании спора, переданного в МС, самостоятельно. За последние пять лет таких случаев было два: в 2015 г. *дело о вопросах, касающихся захвата и удержания документов и сведений* (Восточный Тимор против Австралии), было снято по просьбе Восточного Тимора, и Канберра вернула все документы и данные, принадлежавшие Дили; в 2014 г. было исключено *дело о распылении гербицидов* (Эквадор против Колумбии), когда Богота согласилась выплатить часть запрошенных Кито средств, но не в виде компенсации, а

¹ United Nations Secretary-General's remarks at ceremony to commemorate the 70th Anniversary of the International Court of Justice. April 20, 2016. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-04-20/secretary-generals-remarks-ceremony-commemorate-70th-anniversary> (accessed date: 20.08.2018).

² Для сравнения: в МТП за этот же период подано пять новых дел, включая один запрос о консультативном заключении.

³ Дело о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г.

⁴ Для справки: в 2012 г. Судом было вынесено 4 решения и в Суд не было подано ни одного иска, в 2011 г. – 3 решения и 2 новых иска.

как помощь в развитии эквадорских провинций, пострадавших от использования гербицидов. Эти примеры иллюстрируют одно из декларируемых устремлений МС – содействовать сторонам в урегулировании споров на двусторонней основе без необходимости вынесения вердикта Суда. Бывший Председатель МС П. Томка в одном из выступлений отмечал, что достижение подобного решения может в большей степени отвечать интересам сторон, нежели решение Суда.

Таким образом, за данный пятилетний период список дел Суда пополнился 17 спорами, а ушло из него только 11. При этом часть из числящихся «на балансе» Суда дел находится на финальной стадии рассмотрения.

Тематика представленных перед Судом споров была разнообразной, однако в качестве преобладающей в практике Суда (и не только за последние пять лет) можно выделить проблему разграничения, установления пределов юрисдикции государств на море. Абсолютно справедливо утверждение проф. А.Н. Вылегжанина о том, что рассмотрение Судом споров о делимитации морских пространств стало наиболее масштабным и ценным вкладом МС в развитие международного морского права [Вылегжанин 2004:17; Вылегжанин 2014:40–60].

Далее будет дана краткая характеристика дел Суда в рамках следующих категорий: (1) дела, по которым МС вынес в 2013–2017 гг. итоговые решения, и (2) дела, находящиеся на рассмотрении Суда (на декабрь 2017 г.).

1. Решения, вынесенные МС в 2013–2017 гг.

Решения за 2013 г.

В деле о пограничном споре (Буркина-Фасо против Нигера) Суд определил прохождение сухопутной границы между двумя государствами (решение вынесено 16 апреля 2013 г.). Он также назначил экспертов для оказания помощи сторонам спора при ее демаркации. Примечательным здесь является тот факт, что Суд в очередной раз не стал уточнять всех деталей ее прохождения, оставив часть из них на усмотрение сторон. Например, Суд предоставил им право назвать точные координаты одной из узловых точек следования границы. С учетом того что протяженность линий, выходящих из этой точки, значительна, то и положение этой точки будет существенно

влиять на площадь территории, которая отойдет той или иной стране. Как показывает практика Суда, подобные недосказанности все чаще становятся причиной повторного обращения в МС с целью пересмотра или интерпретации вынесенного ранее решения.

Иллюстрацией вышесказанного является дело о толковании решения Суда от 15 апреля 1962 г. о храме Прэахвихеа (Камбоджа против Таиланда), которое представляет собой попытку уточнения со стороны Пномпеня вынесенного в 1962 г. вердикта МС. Его формулировки позволили Таиланду утверждать, что граница, указанная в данном решении, не носит обязательного характера и не устанавливает четких пределов храма. Камбоджа продолжила настаивать, что храм находится на ее стороне границы согласно решению Суда 1962 г., в связи с чем Таиланд обязан вывести с территории храма военных, полицейских и иных лиц, его охраняющих.

Суд, согласившись с доводами Таиланда, признал свою юрисдикцию рассмотреть данное дело. При этом им единогласно было удовлетворено требование Пномпеня о полном суверенитете Камбоджи над территорией храма, как это было указано в его вердикте 1962 г., а также о выводе тайских официальных и иных лиц, находящихся в нем.

Примечательно, что два указанных дела, касающихся вопросов прохождения сухопутной границы, представляют собой примеры двух категорий территориальных споров: дел о положении линии границы и дел о принадлежности определенного участка территории, различие между которыми, однако, не очень существенно и сводится к предмету доказывания [Клименко 1982:16].

Решения за 2014 г.

Решение, вынесенное МС 27 января 2014 г. по делу о разграничении морских пространств (Перу против Чили), получило от наблюдателей характеристику «интеллигентного вердикта», поскольку Суду «удалось обойти острые углы дела»⁵, а также оставить обе стороны удовлетворенными его исходом: под юрисдикцию Перу отошла внушительная площадь морских пространств, но Чили сохранило контроль над важными с рыбопромысловой точки зрения районами океана. Это позволило избежать отдельных вопросов к

⁵ UN Court Rules on Peru-Chile Maritime Border. URL: <https://www.panoramas.pitt.edu/news-and-politics/un-court-rules-peru-chile-maritime-border> (accessed date: 20.08.2018).

вердикту. Так, не получил достойного правового обоснования выбор Судом удаления на 80 морских миль от точки следования морской границы (после этого предела прямая линия уходила под углом в сторону побережья Чили, тем самым оставляя под юрисдикцией Перу значительные морские пространства).

Вердиктом по делу о китобойном промысле в Антарктике (Австралия против Японии с участием Новой Зеландии на стороне Австралии) от 31 марта 2014 г. Суд удовлетворил все основные требования Австралии, которая настаивала на том, что Япония должна прекратить проведение своей исследовательской программы по изучению китов в Антарктике (JARPA II) и аннулировать все выданные в соответствии с ней разрешения и лицензии на вылов китов, а также гарантировать, что данная или аналогичная программа не будет снова инициирована без должного соответствия международному праву. Данное дело является одним из немногих, где Суд определенно встал на сторону одного из участников спора. Обычная практика вынесения решений свидетельствует о том, что Суд, пусть и не являясь политическим органом, стремится найти компромиссное решение при соответствующем правовом обосновании.

Решения за 2015 г.

Один из наиболее продолжительных процессов в рамках МС – дело о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Хорватия против Сербии). Решение было вынесено 2 февраля 2015 г. после 16 лет разбирательств (в МС – со 2 июля 1999 г.). При этом в 2008 г. Суд вынес Решение о наличии юрисдикции в отношении данного дела. В своем вердикте он подтвердил, что обладает юрисдикцией и по хорватскому иску, а также признал допустимость рассмотрения встречного иска Сербии в связи с действиями Хорватии в 1995 г.

Суд постановил, что были совершены преступления в отношении как хорватского, так и сербского населения, подпадающие под действие п. (а) и (б) ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Однако при этом МС не нашел умысла с целью совершения геноцида ни в действиях хорват, ни в действиях сербов, тем самым отклонив как иск Хорватии (15 голосов против 2), так и встречный иск Сербии (единогласно).

В этом же году Суд вынес решение по другому объединенному делу: о некоторых видах деятельности, осуществляемых Никарагуа в районе границы (Коста-Рика против Никарагуа), и о строительстве дороги вдоль реки Сан-Хуан (Никарагуа против Коста-Рики). Международный суд ООН присудил спорный участок, на который претендовала Никарагуа, Коста-Рике и постановил, что Никарагуа нарушила территориальную целостность соседа, однако отказался идти далее и определить соответствие данных действий Уставу ООН и Уставу Организации американских государств. Подобный подход был раскритикован отдельными членами Суда. В связи с констатацией наличия нарушений со стороны Никарагуа МС постановил, что та должна возместить Коста-Рике материальный ущерб за свои действия. Вопрос о сумме компенсации Суд оставил на усмотрение сторон, зарезервировав за собой право вернуться к данному вопросу через год, если те не смогут договориться⁶.

В контексте двух вышеупомянутых споров примечательна разница в подходах Суда к экологическим аспектам никарагуанских и коста-риканских действий. Так, с притезиями Коста-Рики в адрес Манагуа Суд не согласился, заявив, что сколь-либо значительных трансграничных рисков деятельность Никарагуа не неслла. В контексте же деятельности самой Коста-Рики Суд согласился с тем, что та могла иметь последствия для Никарагуа, постановив, что Коста-Рика «не соблюла свои обязательства о проведении всесторонней оценки воздействия на окружающую среду при строительстве дороги». При этом, однако, МС отказал в вынесении решения о компенсации, поскольку той не было представлено достаточно весомых доводов, подтверждающих нанесение заявленного вреда. Интересна и ремарка МС о том, что само его Решение – это достаточное «удовлетворение» для Никарагуа.

Решения за 2016 г.

Все три вердикта МС 2016 г. касались исков Маршалловых островов в делах об обязательствах о проведении переговоров о прекращении гонки ядерных вооружений и о ядерном разоружении (Маршалловы острова против Великобритании, Индии и Пакистана). Международный суд 5 октября 2016 г. признал, что не обладает юрисдикцией рассматривать иски Маршалловых островов по

⁶ Суду пришлось воспользоваться данным правом. Более подробно об этом см. разд. 2 «Текущие дела МС».

причине отсутствия спора правового характера между сторонами. Впервые в истории Суда (как, впрочем, и его предшественника) дела были прекращены именно на этом основании.

В 2017 г. решений по существу споров Судом вынесено не было.

2. Текущие дела МС

Статистика на конец 2017 г. говорит о высокой загруженности Суда – в его «корзине» 17 дел⁷:

1) о проекте Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Словакии);

2) о военных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды; вопрос компенсации);

3) о некоторых видах деятельности, осуществляемых Никарагуа в районе границы (Коста-Рика против Никарагуа; вопрос компенсации)⁸;

4) об обязательстве проведения переговоров о доступе к Тихому океану (Боливия против Чили);

5) о вопросе разграничения континентального шельфа за пределами 200 морских миль (Никарагуа против Колумбии);

6) об обвинении в нарушении суверенных прав и о морских пространствах в Карибском море (Никарагуа против Колумбии);

7) о разграничении морских пространств в Карибском море и Тихом океане (Коста-Рика против Никарагуа)⁹;

8) о разграничении в Индийском океане (Сомали против Кении);

9) о статусе и использовании вод реки Силала (Чили против Боливии);

10) об иммунитете и уголовном судебном процессе (Экваториальная Гвинея против Франции);

11) о некоторых иранских активах (Иран против США);

12) о проведении сухопутной границы на севере острова Портийос (Коста-Рика против Никарагуа)¹⁰;

13) о применении Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и

Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина против Российской Федерации);

14) обращение Малайзии о пересмотре Решения МС от 23 мая 2008 г. по делу о суверенитете над Педра Бранка, Миддл Рокс и Саут Ледж (Малайзия против Сингапура);

15) дело о ситуации с г-ном Джадхавом (Индия против Пакистана);

16) обращение Малайзии об интерпретации Решения МС от 23 мая 2008 г. по делу о суверенитете над Педра Бранка, Миддл Рокс и Саут Ледж (Малайзия против Сингапура), а также один запрос на консультативное заключение;

17) дело о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г.¹¹

3. Статус и краткая характеристика дел МС на конец 2017 г.

1. В его настоящем виде *дело о проекте Габчиково-Надьмарош* (Венгрия против Словакии) находится в «корзине» Суда с 3 сентября 1998 г. (передано в МС в 1993 г.), когда Словакия запросила дополнительное решение МС из-за нежелания венгерской стороны выполнять его решение от 25 сентября 1997 г. Тогда МС заявил об обязательстве сторон принять все необходимые меры для соблюдения положений Договора от 16 сентября 1977 г. о реализации проекта Габчиково-Надьмарош. Спор до сих пор остается неурегулированным, а дело до 30 июня 2017 г. находилось в Суде без каких-либо процессуальных действий, пока Словакия не проинформировала МС о решении прекратить по нему производство. Поскольку Венгрия не возражала против такого шага, Суд 18 июля 2017 г. в письме сторонам спора сообщил, что их позиция была учтена в материалах разбирательства, однако до сих пор данное дело числится в качестве рассматриваемого Судом.

2. По *делу о военных действиях на территории Конго* (Демократическая Республика Конго против Уганды; на рассмотрении с 23 июня 1999 г.) 19 декабря 2005 г. было вынесено основное Решение, в котором помимо прочего Суд

⁷ В английском языке используется термин *docket of the Court*. Дела приведены в хронологическом порядке по дате представления дела в Суд на конец декабря 2017 г.

⁸ Решение вынесено 2 февраля 2018 г.

⁹ Решение вынесено 19 января 2018 г.

¹⁰ Решение вынесено 19 января 2018 г.

¹¹ Все указанные дела доступны на сайте Международного суда ООН. Доступ: www.icj-cij.org (дата обращения: 19.08.2018).

признал, что Уганда обязана выплатить Конго репарации за нанесенный ее действиями ущерб. Он отметил, что будет готов вынести по этому вопросу отдельное решение, если сторонам не удастся договориться самостоятельно. В июле 2015 г. ДРК обратилась в МС с просьбой о возобновлении разбирательств после провала двусторонних переговоров. Суд согласился, однако при этом регулярно переносил сроки представления письменных позиций сторон. Последний из установленных им сроков для подачи контрмеморандумов – 6 февраля 2018 г.

3. *Дело о некоторых видах деятельности, ведущихся Никарагуа в районе границы* (Коста-Рика против Никарагуа)¹², инициировано Коста-Рикой 18 ноября 2010 г. в связи с «вторжением на ее территорию армии Никарагуа», а также нарушением той обязательств по ряду международных соглашений.

До вынесения Решения в 2015 г. Суд успел в 2011 г. издать Постановление о введении необходимых временных мер и в 2013 г. подтвердить необходимость их исполнения. Среди прочего он указал, что последняя должна возместить Сан-Хосе материальный ущерб за свои действия. На достижение договоренности о сумме компенсации Суд отвел сторонам год, из-за чего дело до сих пор находится в «корзине» Суда¹³.

4. *Дело об обязательстве проведения переговоров о доступе к Тихому океану* (Боливия против Чили) представлено Боливией на рассмотрение Суда 24 апреля 2013 г. Она просила Суд установить, что Чили нарушило обязательства в отношении проведения переговоров о предоставлении Боливии выхода к морю, и признать, что Чили должно его исполнить, гарантировав Боливии «суверенный» доступ к Тихому океану.

Перед рассмотрением дела по существу МС пришлось подтвердить 24 сентября 2015 г. наличие у него на это юрисдикции. Суд не согласился с тем возражением Чили, что вопрос доступа Боливии к Тихому океану был решен Мирным договором между двумя странами 1904 г. Свою позицию Суд мотивировал, прежде всего, тем, что в рамках текущего дела Боливия представила его вниманию не вопрос суверенного доступа к Тихому океану, а лишь обязательства о проведении переговоров о таком доступе. В марте 2017 г. состоялись открытые слушания по данному делу.

5–6. 17 сентября и 26 ноября 2013 г. Никарагуа инициировала два разбирательства против Колумбии: *дело о разграничении континентального шельфа за пределами 200 морских миль* и *дело о предполагаемых нарушениях суверенных прав в морских пространствах в Карибском море*. Оба дела являются следствием решения Суда от 10 ноября 2012 г., а также выражением недовольства как Никарагуа, несогласной с позицией МС, который отказался проводить делимитацию морских пространств за пределами 200 миль, так и Колумбии, несогласной с прохождением линии разграничения, установленной Судом.

Международный суд ООН вынес решение от 17 марта 2016 г. о наличии его юрисдикции по обоим делам, не согласившись с возражениями Колумбии. Такой подход Суда, если и не является поворотным в его практике, то в любом случае достаточно примечателен, поскольку в некоторых аспектах его можно назвать новаторским. Именно это объясняет также и возникший раскол среди судей при голосовании по отдельным пунктам финального решения (восемь к восьми, с решающим голосом Председателя МС).

После оглашения этого вердикта Богота заявляла о намерении выйти из процесса, но все же представила в назначенные Судом сроки свою позицию, выдвинув встречные требования к Манагуа, два из которых Суд удовлетворил, признав имеющими отношение к существу спора и подпадающими под его юрисдикцию: вопросы нарушения традиционных прав на кустарное рыболовство и использование традиционных рыбных угодий и некорректного установления Никарагуа исходных линий. Суд установил временные рамки для дальнейшей письменной процедуры: по делу о разграничении континентального шельфа: 9 июля 2018 г. – контрмеморандум истца, 11 февраля 2019 г. – реплика на ответ от ответчика; по делу о предполагаемых нарушениях: 15 мая 2018 г. – контрмеморандум истца, 15 ноября 2018 г. – реплика на ответ от ответчика.

7 и 12. 26 февраля 2014 г. Коста-Рика и Никарагуа представили на рассмотрение Суда *дело о разграничении морских пространств в Карибском море и Тихом океане*. Коста-Рика просила Суд определить единую линию разграничения между всеми морскими пространствами двух

¹² Более подробно об этом деле см. выше.

¹³ Суд вынес решение от 2 февраля 2018 г. о сумме компенсации со стороны Никарагуа в размере 378 890,59 долл. США, из которых 20 150,04 долл. США – это накопившиеся проценты.

стран, указав при этом точные координаты ее прохождения.

После завершения письменной фазы разбирательства Суд посчитал целесообразным запросить экспертное мнение двух независимых специалистов относительно характеристик побережья (назначены 23 июня 2016 г.), которые менее чем за год подготовили свое заключение.

Суд также объединил 2 февраля 2017 г. данное дело с иском Коста-Рики против Никарагуа о *проведении сухопутной границы на севере острова Портильос*, поданным 16 января 2017 г. В этом процессе Сан-Хосе просил Суд определить прохождение линии, отделяющей песчаную отмель лагуны Лос-Портильос от острова Портильос и подтвердить, что территория Никарагуа в районе острова сводится к анклаву, состоящему из лагуны и отмели, отделяющей ее от Карибского моря, а также признать в соответствии с Решением МС от 16 декабря 2015 г. по *делу о некоторых действиях Никарагуа в приграничной зоне*, что размещение военного лагеря на берегу острова Портильос – нарушение Никарагуа суверенитета Коста-Рики. По объединенному делу МС провел 3–13 июля 2017 г. открытые слушания, назначив датой вынесения решения 19 января 2018 г.¹⁴

8. Дело о разграничении морских пространств в Индийском океане (Сомали против Кении) было представлено в МС 28 августа 2014 г. Сомали просила Суд определить единую линию разграничения между всеми морскими пространствами двух стран, включая континентальный шельф за пределами 200 морских миль, а также (как и Коста-Рика) указать точные координаты ее прохождения.

Суд в связи с возражениями Кении вынес 2 февраля 2017 г. промежуточное решение о наличии у него юрисдикции по данному делу (Найроби настаивал на обратном). Сейчас дело перешло во вторую фазу письменного разбирательства со следующими сроками по представлению документов: для Сомали – 18 июня 2018 г., для Кении – 18 декабря 2018 г.

9. Чили направило 6 июня 2016 г. в МС дело о разногласиях о статусе и использовании вод реки Силала. Ответчик – Боливия. В центре спора – трансграничная река Силала, берущая свое начало в Боливии, где она проходит половину своего

пути, пересекая далее границу с Чили. Сантьяго просит Суд признать за ней международный статус, а также объявить о праве Чили на равное и справедливое использование ее вод. Боливия заявляет, что она может использовать «100% вод» реки. Возможно, появление этого дела в списке МС связано с боливийским иском о переговорах по вопросу суверенного доступа Ла-Паса к Тихому океану. В июле 2016 г. МС установил сроки первого этапа письменной процедуры: 3 июля 2017 г. – меморандум Чили, 2 июля 2018 г. – контрмеморандум Боливии.

10. Экваториальной Гвинеей против Франции в МС 13 июня 2016 г. был подан иск по делу об иммунитетах и уголовном судебном процессе. Подоплека иска – ситуация с уголовным преследованием во Франции второго вице-президента Экваториальной Гвинеи, а также вопрос юридического статуса здания ее посольства в Париже. Гвинейский вице-президент обвиняется французскими властями в коррупции, поскольку предполагается, что доходы от преступной деятельности он инвестировал во Франции. Судебными органами этой страны было признано, что в данном случае ссылки на иммунитет данного лица в качестве одного из руководителей государства недопустимы. В отношении же здания посольства, арестованного в 2012 г. компетентными органами Франции, декларируется, что, поскольку это здание, купленное Экваториальной Гвинеей у своего вице-президента, было приобретено тем на незаконные доходы, то оно не обладает дипломатическим иммунитетом, не являясь частью миссии африканского государства. Юрисдикцию Суда Экваториальная Гвинея основывает на Венской конвенции о дипломатических сношениях и Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

Дело до рассмотрения вопроса по существу до сих пор не дошло, поскольку Малабо запросило в 2016 г. Суд о вынесении решения по предварительным мерам, а Франция в 2017 г. оспорила юрисдикцию Суда, так как тот в ответ на обращение Малабо констатировал, что спор мог бы подпадать под его компетенцию в части толкования ст. 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях и на основании ст. 1 Факультативного протокола об обязательном разрешении

¹⁴ Итоговое решение Суда в вопросе разграничения морских пространств было единогласным, и делимитация была проведена как в Карибском море, так и в Тихом океане. Остров Портильос МС присудил Коста-Рике, подтвердив суверенитет Никарагуа лишь над лагуной Харбор-Хед и отмелью, отделяющей ее от Карибского моря. По вопросу размещения военного никарагуанского лагеря Суд признал его организацию нарушением суверенитета Сан-Хосе и указал убрать его с территории Коста-Рики.

споров к Венской конвенции. Слушания по вопросу юрисдикции были назначены на февраль 2018 г.

11. Иран подал иск в МС против США о некоторых иранских активах в США 14 июня 2016 г., обвиняя американцев в нарушении положений двустороннего Договора о дружбе 1955 г. Дело в первую очередь касается претензий к действиям США по отношению к иранскому Центробанку, а также иным иранским компаниям, чьи счета и собственность были арестованы или могут быть арестованы в США. Американцы данные действия оправдывают вовлеченностью Ирана в террористическую деятельность, причем обвинения касаются инцидентов, происшедших за пределами США. Поскольку иранцы апеллируют к положениям вышеупомянутого Договора 1955 г., который содержит прямую отсылку к МС для целей урегулирования возможных споров по данному соглашению, можно предположить, что Суд ограничится только толкованием этого Договора, а не станет реагировать на все поставленные перед ним Тегераном вопросы.

США 1 мая 2017 г., ожидаемо, заявили предварительные возражения против юрисдикции Суда, который постановил Ирану представить его замечания к 1 сентября 2017 г., что, судя по отсутствию какой-либо информации на сайте МС, сделано до сих пор не было.

13. Дело о применении Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина против Российской Федерации) было подано Украиной в МС в январе 2017 г. Помимо этого Киев просил о принятии временных мер. По этому вопросу слушания состоялись 6–9 марта, а решение было оглашено 19 апреля 2017 г.

Суд признал наличие у него *prima facie* юрисдикции по данному делу, подтвердив существование спора. По существу же украинских требований Суд отказал во временных мерах по обвинениям России в финансировании терроризма. Отказался он высказываться и по вопросу о статусе Крыма, а также не поддержал тезис о якобы проводимой Россией политике «стирания культурной идентичности» крымских татар и украинцев.

Показательно, что МС вместо затребованных Украиной временных мер сформулировал свои собственные: обеспечить доступ к образованию на украинском языке в Крыму и воздержаться от ограничений на институциональную представ-

ленность крымско-татарской общины. Примечательно и то, что Суд распространил временные меры и на Украину, предписав обеим сторонам дела не предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы вести к усугублению спора.

Постановлением МС от 12 мая 2017 г. установлены следующие сроки: представление меморандума Украиной – 12 июня 2018 г., контрмеморандума Россией – 12 июля 2019 г.

14 и 17. Дело об обращении Малайзии о пересмотре Решения МС от 23 мая 2008 г. по делу о суверенитете над Педра Бранка, Миддл Рокс и Саут Ледж (Малайзия против Сингапура) внесено в список дел Суда Малайзией 2 февраля 2017 г. по причине вновь открывшихся обстоятельств. В частности, она ссылается на рассекреченные документы, обнаруженные в национальных архивах Великобритании в период с 4 августа 2016 г. по 30 января 2017 г. По мнению Малайзии, эти материалы служат подтверждением тому, что в тот период ни британское руководство, ни власти Сингапура не считали Педра Бранка частью сингапурской территории. При этом на случай провала вышеупомянутой «инициативы» Малайзия подала в МС 30 июня 2017 г. другой иск – об интерпретации вышеупомянутого Решения МС от 23 мая 2008 г. В этой связи Куала-Лумпур заявил о том, что работа по делимитации морских границ двух стран зашла в тупик из-за отсутствия точных ориентировок со стороны МС в отношении скал Саут Ледж (в 2008 г. Суд ограничился ремаркой о том, что суверенитет над ними принадлежит тому государству, в чьем территориальном море они находятся), а также статуса вод вокруг острова Педра Бранка, который Суд передал Сингапуру.

Куала-Лумпур пытается доказать, что воды вокруг этого острова, несмотря на его принадлежность Сингапуру, остаются территориальными водами Малайзии, и, соответственно, скалы Саут Ледж, находясь в ее территориальном море, принадлежат Куала-Лумпуру.

При этом Малайзия подчеркивает, что оба поданных иска являются «отдельными и автономными» друг от друга. Суд не стал надолго откладывать вынесение решения по двум этим процессам и назначил слушания по делу о пересмотре на 11–18 июня 2018 г., а по делу об интерпретации – на 18–22 июня 2018 г.

15. Дело о ситуации с г-ном Джадхавом (Индия против Пакистана) инициировано Индией 8 мая 2017 г. на основании ст. 1 Факультативного протокола об обязательном разрешении споров

к Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. Нью-Дели утверждает, что не был должным образом уведомлен о задержании обвиняемого в шпионаже гражданина Индии, а права задержанного были нарушены. Так, ему не была предоставлена возможность связаться с консульством. Пакистану предлагается отменить приговор военного суда, а если это невозможно, то такое решение должен принять МС.

Индия просила МС указать и временные меры с целью предотвращения казни г-на Джадхава. Председатель МС направил соответствующее уведомление премьер-министру Пакистана, а слушания по данному вопросу состоялись уже 15 мая 2017 г., и 18 мая того же года МС единогласно присудил Пакистану «принять все имеющиеся у него в распоряжении меры», чтобы смертный приговор не был приведен в исполнение до вынесения решения Суда. Судом были установлены сроки второй фазы письменной процедуры: 17 апреля 2018 г. – для Индии, 17 июля 2018 г. – для Пакистана.

16. Генеральная Ассамблея ООН направила просьбу о консультативном заключении о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г. 22 июня 2017 г.¹⁵ Суд попросил все государства – члены ООН, которые «имеют возможность дать соответствующие сведения и соображения для ответа на поставленные вопросы», направить соответствующие материалы до 1 марта 2018 г. Далее, до 15 мая 2018 г., заинтересованные государства и организации смогут дать письменные комментарии к переданным ранее докладам других государств и организаций¹⁶.

4. Выводы

По итогам анализа последнего пятилетнего периода деятельности Суда можно выделить следующие тенденции в деятельности МС. Нагрузка на Суд увеличивается: по сравнению с 9 делами в списке МС на конец 2013 г. в декабре 2017 г. их было уже 17. Объективно это может говорить о востребованности и доверии к этому судебному органу, хотя в его адрес звучит подчас и заслуженная критика [Абашидзе, Солнцев, Агейченко 2011:133]. Однако нельзя в полной мере согласиться с утверждением о том, что «классические суды», к которым причисляют МС, не в состо-

янии конкурировать с новыми судами в силу своей ограниченной компетенции, исключаящей, в частности, доступ к разрешению споров частных лиц [Исполинов 2018]. Как представляется, перед Судом изначально стоят иные задачи и вряд ли возможно проводить сравнение лишь по данному критерию.

На рассмотрение Суда попадают наиболее сложные и чувствительные для двусторонних отношений проблемы. В частности, наиболее широко представлены в практике МС дела о сухопутных и морских границах, а также связанные с этим трансграничные споры. Суд, являясь лидером в этой сфере, за последние пять лет только укрепил свой авторитет, задавая высокую планку другим международным судебным инстанциям.

Обращение в Суд по-прежнему остается одним из доступных способов урегулирования международного спора, который ранее не представлялось возможным решить, в том числе и в силу внутренних факторов [Collier 2000:9]. Следует отметить возрождение одной из функций Суда – впервые за шесть лет на его рассмотрение передан вопрос о вынесении консультативного заключения.

Впрочем, за фасадом общего благополучия МС скрываются факты, которые ему следует учесть в своей дальнейшей работе. Так, значительно возросло количество дел, в которых юрисдикция МС оспаривается ответчиком (даже если она им ранее была признана в рамках одностороннего заявления или двустороннего (многостороннего) договора), т.е. передача того или иного спора в Суд не видится как минимум одной из сторон процесса в качестве лучшего выхода из ситуации. Так происходит в том числе при попытках политизации работы МС, когда на его рассмотрение подаются дела, направленные в первую очередь не на решение вопроса, а вынесение его на более высокий, международный уровень (Маршалловы острова против Великобритании, Индии и Пакистана; Украина против России). Возможны действия по манипулированию деятельностью Суда, когда истец настаивает на пересмотре прежних дел с надеждой на вынесение альтернативного вердикта (Никарагуа против Колумбии; Малайзия против Сингапура). Пока Суд, пусть и соглашаясь на подобные «предложения», не вступал в прямое противоречие с ранее вынесенными им самим суждениями.

¹⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 июня 2017 г. № 71/292. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/292> (дата обращения: 18.08.2018).

¹⁶ Россия представила свои комментарии по данному вопросу 30 апреля 2018 г.

В целом МС внимательно следит за последовательностью собственных выводов, поддерживая «преемственность» между разными делами по схожим тематикам. При этом Суд активно ссылается на собственные суждения, изложенные им в предыдущих решениях, продолжая заложенную им ранее практику по их использованию в качестве прецедентов¹⁷, несмотря на позицию ряда исследователей о том, что судебные решения не могут служить источниками международного права¹⁸, а являются лишь вспомогательными средствами¹⁹.

Вынужденные шаги государств по оспариванию компетенции МС при вышеприведенных обстоятельствах не могут свидетельствовать об общем росте претензий к этому органу, однако являются показательными с той точки зрения, что от МС требуется принятие конкретных мер по недопущению повтора подобных ситуаций. В частности, попытки пересмотра его решений связаны подчас с размытостью формулировок Суда. Это в итоге может приводить к ситуации противоречащих друг другу интерпретаций одного и того же решения (*дело о храме Прэахвихеа* (Камбоджа против Тайланда)). Одно из недавно инициированных Малайзией против Сингапура дел также является результатом недосказанности Суда (о принадлежности скал Саут Ледж) – пробела, по сути, осознанно оставленного Судом на усмотрение сторон.

Последние пять лет выявили другую тенденцию – востребованность МС в случаях «кризисного управления» спорами: многие из попадающих к нему дел требуют безотлагательного

внимания. Об этом говорит высокий процент запросов о вынесении решений о временных мерах. Наглядный пример – *дело о г-не Джадхаве* (Индия против Пакистана). К слову, инструмент запроса временных мер может использоваться для целей зондирования возможных подходов Суда к спору и потенциального содержания итогового вердикта.

Растущее внешнее давление на Суд и увеличивающийся объем работы сказываются и на его внутреннем функционировании. Обращает на себя внимание усиление разногласий внутри судебного корпуса, проявляющееся при распределении голосов судей в ходе вынесения решений МС. Например, в 2016 г. ситуация равновесного разделения мнений судей (восемь к восьми) с решающим голосом Председателя Суда складывалась трижды.

В целом деятельность Международного суда показывает его высокую востребованность и авторитет среди государств, от которых, в свою очередь, во многом зависит его дальнейшее успешное существование. На примере работы Суда видны многие процессы, происходящие в мире, и те подходы, которые государства используют для их урегулирования или продвижения. При этом, однако, благодаря имеющемуся внушительному международному весу и накопленному опыту МС удается оставаться в достаточной степени, объективным, непредвзятым и эффективным органом, умело использующим инструменты международного права для привнесения стабильности в международные отношения, решая наиболее острые и комплексные проблемы взаимоотношений государств.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Агейченко К.В. 2011. *Мирное разрешение международных споров: современные проблемы*. М.: Российский университет дружбы народов. 307 с.
2. Вылегжанин А.Н. 2004. *Решения Международного суда ООН по спорам о разграничении морских пространств*. М.: Юрид. лит. 222 с.
3. Вылегжанин А.Н. 2014. Вклад Международного суда ООН в прогрессивное развитие морского права (1949–1990). – *Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина*. Сост. Р.А. Колодкин, С.М. Пунжин. М.: Статут. С. 40–60.
4. Исполинов А.С. 2018. *Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): Монография*. М.: Юстицинформ. 312 с.
5. Клименко Б.М. 1982. *Мирное решение территориальных споров*. М.: Междунар. отношения. 184 с.
6. Collier J. 2000. *The Settlement of Disputes in International Law. Institutions and Procedures*. Oxford: Oxford University Press. 395 p.
7. Dixon M., McCorquodale R. 2000. *Cases and Materials on International Law*. 3rd ed. London: Blackstone Press Limited. 653 p.
8. Gray Ch. 2018. The 2017 Judicial Activity of the International Court of Justice. – *American Journal of International Law*. Vol. 112. Issue 2. P. 254–273. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2018.42>

¹⁷ Подобное констатируется, например, в [Dixon, McCorquodale 2000:51].

¹⁸ См., например: *Международное право: Учебник*. Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М. 1998. С. 105.

¹⁹ См., например: *Международное право: Учебник*. Под ред. А.А. Ковалева и С.В. Черниченко. М. 2006. С. 747.

References

1. Abashidze A.Kh., Solntsev A.M., Ageichenko K.V. *Mirnoe razreshenie mezhdunarodnykh sporov: sovremennye problemy* [Peaceful Settlement of International Disputes: current problems]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. 2011. 307 p. (In Russ.)
2. Collier J. *The Settlement of Disputes in International Law. Institutions and Procedures*. Oxford: Oxford University Press. 2000. 395 p.
3. Dixon M., McCorquodale R. *Cases and Materials on International Law*. 3rd ed. London: Blackstone Press Limited. 2000. 653 p.
4. Gray Ch. The 2017 Judicial Activity of the International Court of Justice. – *American Journal of International Law*. 2018. Vol. 112. Issue 2. P. 254–273. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2018.42>
5. Ispolinov A.S. *Sudy regional'nykh integratsionnykh ob"edinenii v sisteme mezhdunarodnogo pravosudiya (na primere Suda ES i Suda EAES): Monografiya* [The Courts of Regional Integration Unions in the System of International Justice (the example of the European Court of Justice and the Court of Eurasian Economic Union): A Monograph]. Moscow: Yustitsinform Publ. 2018. 312 p. (In Russ.)
6. Klimenko B.M. *Mirnoe reshenie territorial'nykh sporov* [Peaceful Settlement of Territorial Disputes]. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya Publ. 1982. 184 p. (In Russ.)
7. Vylegzhanin A.N. *Resheniya Mezhdunarodnogo suda OON po sporam o razgranichenii morskikh prostranstv* [The Decisions of ICC on Disputes concerning the Delimitation of Maritime Spaces]. Moscow: Izdatel'stvo "Yuridicheskaya literatura" Publ. 2004. 222 p. (In Russ.)
8. Vylegzhanin A.N. *Vklad Mezhdunarodnogo suda OON v progressivnoe razvitie morskogo prava (1949–1990)* [The Contribution of the International Court of Justice to the Progressive Development of the Law of the Sea]. – *Mezhdunarodnoe morskoe pravo. Stat'i pamyati A.L. Kolodkina*. Sost. R.A. Kolodkin, S.M. Punzhin [International Law of the Sea. Essays in memory of A.L. Kolodkin. Comp. by R.A. Kolodkin and S.M. Punzhin]. Moscow: Izdatel'stvo "Statut" Publ. 2014. P. 40–60. (In Russ.)

Информация об авторе**Константин Валентинович Тимохин,**

кандидат юридических наук, Первый секретарь Правового департамента, Министерство иностранных дел Российской Федерации

119200, Российская Федерация, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34,

konstantinv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8062-1514

About the Author**Konstantin V. Timokhin,**

Cand. Sci. (Law), First Secretary of the Legal Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation, 119200

konstantinv@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8062-1514

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-95-109

Марк Владимирович ШУГУРОВ

Саратовская государственная юридическая академия
Вольская ул., д. 1, Саратов, 410056, Российская Федерация
shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

ПРАВО СОВЕТА ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена рассмотрению особенностей деятельности Совета Европы по координации сотрудничества государств-членов в сфере разработки, распространения и международной передачи научно-технических средств, необходимых для перехода к устойчивому развитию. В этой связи поднимаются вопросы о содействии со стороны организации обеспечению «зеленого» вектора научно-технического прогресса не только в Европе, но и во всем мире.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе подготовки исследования использовались научные труды зарубежных и российских исследователей в области международного права, права международных организаций, материалы и документы Совета Европы, конвенции данной организации, а также источники «мягкого» права, а именно резолюции и рекомендации Парламентской ассамблеи, Комитета министров, Конгресса местных и региональных властей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе проведенного исследования автор сформулировал идею о том, что отстаиваемый Советом Европы баланс между правами человека и научно-техническим прогрессом представляет собой важнейший аспект устойчивого развития, который должен приниматься в качестве основы в процессе международного научно-технического сотрудничества и передачи «зеленых»

технологий.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор пришел к заключению о том, что право Совета Европы включает международно-правовые обязательства, которые соответствуют достижению целей устойчивого развития, в том числе Цели № 17, рассматривающей знания и технологии в качестве средства перехода к устойчивому развитию. При этом успех в реализации данных обязательств зависит от готовности государств-членов следовать соответствующим положениям действующего международного права и «мягкого» права данной организации, входящего в международное право устойчивого развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Совет Европы, устойчивое развитие, знания и технологии, охрана окружающей среды, человеческое достоинство, «зеленая» экономика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шугуров М.В. 2018. Право Совета Европы в контексте глобальной стратегии устойчивого развития. – Московский журнал международного права. № 3. С. 95-109. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-95-109

Настоящая статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН

«Международно-правовое регулирование передачи технологий в контексте глобальной

стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND CONFERENCES

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-95-109

Mark V. SHUGUROV

Saratov State Law Academy

1, ul. Volskaya, Saratov, Russian Federation, 410056

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961

THE LAW OF THE COUNCIL OF EUROPE AND THE GLOBAL SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY

INTRODUCTION. *The present article is devoted to considering specificity of the Council's of Europe action on coordinating cooperation between member states in the area of research and developments as well as international technology transfer with the aim of transition towards sustainable development. In this connection, author addresses some issues concerning how this international organization promotes "green" track of modern scientific and technological progress not only in Europe, but also around the world.*

MATERIALS AND METHODS. *In the course of preparation of this study, writings of foreign and Russian researches in the field of international law and law of international organizations was being used. At that, author have used materials and documents of Council of Europe, analyzed conventions of this organization, as well as sources of its "soft" law, namely resolutions and recommendations of the PACE, Committee of ministers and Congress of local and regional authorities.*

RESEARCH RESULTS. *On the basis of conducted research author comes to the conclusion that balance – advocated by Council of Europe – between human rights and scientific progress is a significant*

aspect of sustainable development that should act as background of process of international scientific and technological cooperation and transfer of "green" technologies.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author comes to conclusion that the law of Council of Europe embraces multitude of international legal obligations conducive to achieving the Sustainable Development Goals including SDG No. 17 considering knowledge and technologies as tools for transition to sustainable development. At the same time, success in realization of given obligations depends on readiness of member states to follow related provisions of "hard" and "soft" law of this organization that is a part of international sustainable development law.*

KEYWORDS: *Council of Europe, sustainable development, knowledge and technologies, protection on environment, human dignity, "green" economy*

FOR CITATION: Shugurov M.V. The Law of the Council of Europe and the Global Sustainable Development Strategy. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 95-109.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-95-109

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 17-03-00400-

OGN "International legal regulation of technology transfer in the context of the global sustainable development strategy: state and prospects").

Одним из важнейших событий последних лет стало принятие Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее – Повестка-2030)¹. Данный документ, будучи политической глобальной программой действий, содержит широкомасштабную систему политических обязательств государств в сфере перехода к устойчивому развитию, а также 17 согласованных целей устойчивого развития (далее – ЦУР). Одновременно с этим в Повестке-2030, акцентирующей внимание на ключевой роли международного права в решении глобальных проблем современности, заметны усилия по стимулированию имплементации обязательств государств, предусмотренных целым рядом международных договоров универсального характера, в деле обеспечения перехода к устойчивому развитию и достижению его целей.

К числу международно-правовых обязательств государств данного рода относятся обязательства в сфере международного научно-технического сотрудничества (далее – МНТС) в целом и передачи технологий в частности². Большое стимулирующее значение для их имплементации имеют положения программно-стратегических документов в сфере устойчивого развития. И Повестка-2030 здесь не является исключением. В целом ряде ЦУР (№ 2, 9, 11, 13, 14 и 15) особое внимание уделяется вопросам согласования защиты окружающей среды с потребностями экономического и социального развития на основе развития и передачи научно-технических средств: научных знаний, технологий, ноу-хау и т.д., являющихся результатами научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) и находящихся в основе рациональных моделей производства

и потребления. Более того, задачи № 17.6 и 17.7 – наряду с распространением и применением знаний и инноваций – предусматривают разработку, передачу и распространение экологически безопасных («зеленых») технологий в составе распространения знаний и инноваций по линиям «Север – Юг» и «Юг – Юг».

Важную роль в содействии имплементации международно-правовых обязательств государств применительно к сфере устойчивого развития в целом и соответствующего МНТС в частности играют международные межправительственные организации системы ООН (ФАО, ЮНИДО, ВОЗ, ЮНЕСКО и др.). Инструментами такого содействия являются многосторонние и двусторонние проекты и программы. В период 2015–2017 гг. указанные международные организации стали активно включать целевые задачи, в том числе относящиеся к развитию и передаче технологий, в состав ЦУР, в стратегии своей деятельности, а также продумывать свой вклад в их достижение. В результате можно говорить о новых возможностях, появившихся у государств по имплементации не только политических, но и международно-правовых обязательств в научно-технической сфере.

В связи с общей тенденцией корректировки деятельности международных организаций применительно к сфере международного научно-технического сотрудничества большой интерес с точки зрения достижения целей и решения задач, предусматривающих разработку и содействие передаче и распространению знаний и технологий на региональном и глобальном уровнях, представляет Совет Европы (далее – СЕ). Будучи международной межправительственной организацией, работающей по весьма разнообразным

¹ Резолюция № 70/1, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г., «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». – Документ ООН A/RES/70/1. Доступ: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1> (дата обращения: 17.04.2018).

² См., например: ст. 18 Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г.; ст. 4 Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г.; ст. 10 Киотского протокола 1997 г. к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г.; ст. 18 Конвенции ООН о борьбе с опустыниванием 1994 г.; ст. 13 Международного договора о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г.; ст. 23 Нагойского протокола о регулировании доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения 2010 г. к Конвенции о биологическом разнообразии; ст. 10 Парижского соглашения о климате 2015 г. и т.д.

тематическим направлениям, СЕ накопил большой опыт согласования подходов европейских государств к смысловым и целевым ориентирам научно-технического сотрудничества в сфере перехода к устойчивому развитию. Иными словами, на уровне организации с давних пор осуществлялась и в настоящее время динамично развивается синергия между координацией сотрудничества государств в научно-технической сфере, с одной стороны, и сотрудничеством в сфере перехода к устойчивому развитию – с другой.

Межгосударственное научно-техническое сотрудничество в Европе – одно из приоритетных направлений деятельности СЕ, что нисколько не противоречит общепризнанному утверждению о том, что главным приоритетом в его работе остается защита прав человека и основных свобод в государствах-членах [800 миллионов... 2007:7]. Это можно обосновать тем, что организация отдает себе отчет об изменениях во всех сферах общественной жизни, которые связаны с бурным развитием и использованием в эпоху глобализации новейших технологий: транспортных, водных, информационно-коммуникативных, медицинских, биотехнологий и т.д.

Рассматривая вклад СЕ в развитие общеевропейского МНТС сквозь призму предмета нашей статьи, предварительно отметим, что Повестка-2030 оказала непосредственное воздействие на корректировку деятельности СЕ в направлении еще большего сопряжения с целями и задачами и показателями устойчивого развития. Об этом свидетельствует выпущенный 23 марта 2018 г. обзорный документ, демонстрирующий накопленный опыт содействия организации переходу к устойчивому развитию, который соответствует тем или иным ЦУР³. Ранее в письме Генерального секретаря Совета Европы Генеральному секретарю ООН от 17 мая 2017 г.⁴ было отмечено, что активность организации в 2018–2019 гг. будет направлена на внесение непосредственного вклада в имплементацию Повестки-2030.

Внимание СЕ к Повестке-2030 г. определяется тем, что вопросы устойчивого развития традиционно рассматриваются организацией в качестве одного из приоритетов в программе ее работы и вряд ли могут быть отнесены в рубрику «иной деятельности», выделяемой, например, А. Ройер [Royer 2010:54]. Об этом свидетельствует, например, п. 12 резолюции Парламентской ассамблеи СЕ (далее – ПАСЕ) № 1682 (2009) «Вызовы, связанные с изменением климата» (далее – Резолюция № 1682 (2009))⁵, в котором отмечается, что в XIX в. экономическое и человеческое развитие было ориентировано на массовое производство, в XX веке – на массовое потребление, тогда как XXI в. должен главным образом сфокусироваться на качестве жизни, уважении к природе и устойчивом развитии.

Проблематика устойчивого развития в контексте его научно-технического обеспечения систематическим образом рассматривается не только ПАСЕ, в рамках которой действует Комитет по социальным вопросам, здравоохранению и устойчивому развитию⁶, но и Комитетом министров, а также Конгрессом местных и региональных властей. Последний указывает на то, что экологическая оценка, предполагающая учет таких факторов, как изменение климата, утрата биоразнообразия, сокращение природных ресурсов и усиление загрязнения окружающей среды, – важнейший компонент принятия решений на местном и региональном уровне в демократическом обществе⁷.

Подход СЕ состоит в том, что экономический прогресс не должен ухудшать качество окружающей среды и ландшафтов, не говоря уже о том, что он не должен ухудшать состояние прав человека, культурного многообразия и социального равенства. Из этого следует призыв вкладывать средства в «зеленую» экономику. Такой сектор работы организации, как предотвращение техногенного загрязнения окружающей среды в контексте гармонизации экономического развития и охраны окружающей среды, непосредственным

³ The Council of Europe contribution to the UN Agenda 2030 for Sustainable Development goals dated March 23, 2018. URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/home> (accessed date: 15.03.2018).

⁴ Letter of 17 May of the Secretary General of the Council of Europe to the UN Secretary General Antonio Guterres on the Council of Europe contribution to the UN 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/home> (accessed date: 01.03.2018).

⁵ Resolution of the PACE 1682 (2009) "Challenges Posed by Climate Change". URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17772&lang=en> (accessed date: 05.02.2018).

⁶ PACE Committee on social affairs, health and sustainable development. URL: http://website-pace.net/en_GB/web/as-soc/main (accessed date: 21.03.2018).

⁷ Recommendation of the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe 240(2007) "Environmental accounting for responsible local action". Para 3. URL: <https://rm.coe.int/1680718962> (accessed date: 18.03.2018).

образом коррелирует с ЦУР. Это видно из ориентации такого весьма крупного тематического направления деятельности СЕ, как «Культура, природа и наследие», на достижение ЦУР № 11 (устойчивые города), 13 (климат), 14 (моря) и 15 (окружающая среда и биоразнообразие)⁸.

Заинтересованность данными секторами перехода к устойчивому развитию, соответствующими тем или иным тематическим направлениям функционирования СЕ, связана с его вниманием к экологическим правам человека. В свое время это проявилось в инициативах по включению права на здоровую окружающую среду в ЕКПЧ на основе дополнительного протокола⁹. Одновременно было указано, что данное право предусматривает обязанность общества, в целом, и каждого его члена, в частности, перейти к жизнеспособной и благоприятной окружающей среде. В русле данного подхода уже в Резолюции № 1682(2009) было признано, что защита окружающей среды пока не гарантирована должным образом, что в условиях учета фактора деградации окружающей среды ставит проблему реализации соответствующего права, предусмотренного ст. 8 ЕКПЧ.

Параллельно с этим отметим, что деградация окружающей среды, понимаемая СЕ как охватывающая людей и окружающую их среду, которые вместе образуют экологически сбалансированное и благоприятное для развития единое целое¹⁰, а также обеднение биоразнообразия и изменения в экосистемах затрагивают целый ряд прав: право на жизнь и питание, воду, охрану здоровья, надлежащее жилище, владение имуществом и пользование землей. Это в очередной раз подтверждает нераздельность и взаимозависимость права на благоприятную окружающую среду и других прав, предусмотренных ЕКПЧ и Европейской социальной хартией [Manual on human rights... 2012].

В целом в центре внимания СЕ находится воздействие, оказываемое научно-техническим прогрессом (далее – НТП) и экономическим развитием на окружающую среду и рассматриваемое

сквозь призму устойчивого развития и права человека на благоприятную окружающую среду. При этом подчеркнем, что СЕ не является организацией, которая осуществляет непосредственную деятельность в сфере научных исследований и разработок, а также передачи и распространения технологий, знаний, инноваций, как, например, ФАО, ЮНИДО и ЮНЕП. Здесь имеет место решение несколько иной задачи, а именно выработка в ходе межправительственного сотрудничества согласованного подхода к правовому, а также политическому воздействию на направленность НТП, затрагивающего права и свободы человека.

Известно, что в целом межправительственное сотрудничество в рамках СЕ направлено на разработку общих стандартов в сфере прав человека [Kicker, Möstl 2013:17–19; Guidikova 2010:27]. Подобного рода стандарты закреплены не только в конвенционном материале СЕ, но и в многочисленных декларациях, рекомендациях и резолюциях Комитета министров, ПАСЕ, Конгресса местных и региональных властей. Как верно отмечается в литературе, они формально не обладают обязательной юридической силой, но образуют так называемое мягкое право данной организации [Кашкин 2003:20; Кузнецов 2002]. Высказывается обоснованная позиция о том, что согласованные стандарты являются главным достоянием Совета Европы¹¹. Как нам представляется, они имеют также еще и функциональное значение. Это можно обосновать тем, что посредством эффективной реализации в государствах-членах вышеупомянутые стандарты являются основой преемственности в процессе достижения целей, определенных в Уставе СЕ, например такой цели, как осуществление более тесного единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу (п. (а) ст. 1).

Комментируя уставные цели СЕ, С.А. Глотов в свое время отмечал, что исторически создание

⁸ Council of Europe Programme and Budget 2018–2019. Appendix II “Council of Europe’s contribution to UN 2030 Agenda for Sustainable Development”. URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/home> (accessed date: 11.03.2018).

⁹ Recommendation of PACE 1885 (2009) “Drafting an Additional Protocol to the European Convention of Human Rights Concerning the Right to a Healthy Environment”. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17777&lang=en> (accessed date: 28.02.2018).

¹⁰ Resolution of the PACE 1802 (2011) “The need to assess progress in the implementation of the Bern Convention”. Para 3. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=17978&lang=en> (accessed date: 09.02.2018).

¹¹ Recommendation of the PACE 2114 (2017) “Defending the acquis of the Council of Europe: preserving 65 years of successful intergovernmental cooperation”. Para 3. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24212&lang=en> (accessed date: 11.03.2018).

и функционирование СЕ нацелены на решение триединой задачи – политической, культурной и социальной – при одновременном признании значимости других направлений деятельности [Глов 1999:26]. Выделенные данным автором функции СЕ: регулятивная, прогностическая, методологическая, мировоззренческо-аксиологическая функции и функция защиты прав человека, – всецело осуществляются организацией при работе над созданием такого европейского научно-технологического пространства, которое призвано стать пространством последовательного осуществления прав человека. Думается, что оно стало реальностью благодаря ведущей роли организации в развитии общеевропейского межгосударственного сотрудничества в гуманитарной сфере, включающего координацию научно-технического сотрудничества в европейском пространстве¹².

С учетом направленности организации на реализацию стратегии устойчивого развития и заинтересованности в возможностях, создаваемых НТП, указанные стандарты в сфере защиты прав человека могут быть конкретизированы в виде стандарта баланса между правами человека и НТП в контексте перехода к устойчивому развитию. Именно подобные стандарты выступают ценностной основой международного научно-технического сотрудничества, поощряемого СЕ, и свидетельствуют о привнесении со стороны организации новых элементов в концепцию устойчивого развития, на тенденцию расширения содержания которой в целом указывает И.П. Дудыкина [Дудыкина 2017:148].

Исходя из идеи баланса прав человека и современного НТП, СЕ акцентирует внимание на том факте, что передовые технологии создают новые возможности для решения многих проблем, в том числе экологического характера. В нашем случае это можно интерпретировать как достижение большего единства в вопросах о правовом и политическом воздействии на НТП, что является чрезвычайно важным в условиях глобализации научно-технического и инновационного развития. Думается, что выработка согласованного видения баланса прав человека и достижений НТП не менее важный предмет сотрудничества государств, чем реализация совместных проектов, передача технологий и т.д. Тем более с учетом того, что право на устойчивое развитие во многом зависит от реализации пра-

ва человека на науку, предусмотренного подп. (b) п. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Думается, отмеченный баланс вполне можно отнести к европейским ценностям, которые включают концептуальное (философское) представление о человеке, в основе которого находится парадигма достоинства человеческой личности, а также концептуальное видение предназначения науки и границ научного поиска.

Важным средством реализации баланса прав человека и научно-технологического развития как важнейшего индикатора перехода к устойчивому развитию является правовое регулирование, перед которым стоит задача формирования эффективного достижения правового измерения технического прогресса, а также общего баланса между поддержанием правопорядка и уважением прав человека. Напомним, что в Повестке-2030, предусматривающей политические обязательства не только по разработке, но и по международной передаче знаний и технологий, а также по их распространению, повышенное внимание уделяется значению международного права для решения глобальных проблем современности. К ним относится, например, проблема разрыва в развитии технологий по линии «Север – Юг». Применительно к рассматриваемой нами проблематике это означает необходимость активизации усилий по имплементации положений различных международных договоров, содержащих обязательства в сфере развития международного научно-технического сотрудничества, с прицелом на обеспечение в качестве приоритета «зеленого» вектора современного НТП.

Все вышесказанное непосредственным образом относится к стратегии устойчивого развития как широкой, социально-экономической и экологической концепции, предусматривающей более полную реализацию права человека именно на «зеленую» науку, т.е. не любую, а экологически и этически ориентированную.

Очевидно, что деградация окружающей среды происходит под воздействием хозяйственной деятельности человека, основанной на определенной технологической базе. Поэтому действия по сохранению окружающей среды предполагают изменение данной основы не только индивидуальными усилиями, но и в порядке международного сотрудничества по разработке и обмену технологиями в форме их передачи.

¹² *Европейское международное право: Учебник.* Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова, П.В. Саваськов. 2009. М.: Междунар. отношения. С. 296–298.

Примером внимания к необходимости охраны окружающей среды от загрязнений в форме запретительных мер с учетом скорости НТП выступает открытое в 1968 г. для подписания Европейское соглашение об ограничении использования некоторых детергентов в стирально-моющих средствах¹³. Данный документ предусматривает обязательства не только в отношении результата – достижения контроля за загрязнением пресной воды с точки зрения как нужд человека, так и интересов охраны природы, но и в отношении стирально-моющих средств. В качестве таковых рассматривается принятие мер, в том числе законодательных, с целью недопущения к продаже стирально-моющих средств, в которых бы содержался один или несколько синтетических детергентов, не подверженных на 80% биологическому распаду.

Охрана окружающей среды осуществляется и в другом направлении – борьбы с шумовым и световым загрязнением, вызываемым развитием техники¹⁴. По этой тематике был подготовлен Доклад о вреде, причиняемом человеку и другим живым организмам вследствие шума и светового загрязнения и имеющем такие серьезные последствия, как внесение дисбаланса в экосистемы и заболевания у людей. В объяснительной записке, входящей в состав Доклада, специальный раздел посвящен мерам по борьбе с шумом (разд. III). Помимо экономических мер рассматриваются возможности, предоставляемые новыми технологиями в сфере снижения шумового загрязнения (п. 95–100)¹⁵.

Не меньшую обеспокоенность у СЕ вызывает электромагнитное загрязнение. В частности, в резолюции СЕ от 27 мая 2011 г. № 1815 (2011) «Потенциальные опасности электромагнитных полей и их воздействие на окружающую среду»¹⁶, специально посвященной данным вопросам, признается, что открывается новая область

научных исследований. Помимо этого предлагаются технические решения, касающиеся превентивных пороговых значений для уровней долгосрочного воздействия микроволн.

К важным направлениям природоохранной деятельности данной организации в сфере устойчивого развития относится содействие сохранению лесов, биоразнообразия и ландшафтов, подчас необоснованно ускользающее из поля зрения аналитиков [The Council of Europe... 2017]. Благодаря Программе СЕ в сфере окружающей среды, запущенной еще в 1961 г., были разработаны и приняты Конвенция о сохранении дикой флоры и фауны и природных мест обитания 1979 г., или Бернская конвенция¹⁷, в которой многообразие видов флоры и фауны и форм жизни рассматривается как имеющее экономическое и рекреационное значение, и Европейская конвенция о ландшафтах 2000 г.¹⁸

Напомним, что Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г. (далее – КБР) предусматривает активное сотрудничество по обмену технологиями в целях сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. В свою очередь, Бернская конвенция не содержит прямого упоминания об обязательстве осуществлять международное научно-техническое сотрудничество. Однако такое положение вполне можно вывести из содержащегося в п. 3 ст. 3 указания на обязательство государств-членов поощрять образование и распространение общей информации о необходимости сохранения видов дикой флоры и фауны, а также среды их обитания.

Весьма активную позицию в вопросе сохранения биоразнообразия занимает Конгресс местных и региональных властей. В частности, в п. 12 резолюции Конгресса от 14 марта 2008 г. № 249 (2008) «Стандарты биоразнообразия для городской среды»¹⁹ содержится обширный план

¹³ European Agreement on the restriction of use of certain Detergents in Washing and Cleaning Products dated September 16, 1968 (CDCE No. 064). URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680072316> (accessed date: 15.03.2018).

¹⁴ Recommendation of the PACE 1947 (2010) "Noise and light pollution". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=17935&lang=en> (accessed date: 04.04.2018).

¹⁵ Report Committee on the Environment, Agriculture and Local and Regional Affairs "Noise and Light Pollution". Rapporteur: R. Huseynov. – PACE. Doc. 12179 (2010). P. 15. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=12390&lang=en> (accessed date: 20.02.2018).

¹⁶ Resolution of PACE 1815 (2011) "The potential dangers of electromagnetic fields and their effect on the environment". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17994> (accessed date: 15.04.2018).

¹⁷ Convention on the Conservation of European Wildlife and Natural Habitats dated September 19, 1979 (CDCE No. 104). URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Word/104.doc> (accessed date: 13.03.2018).

¹⁸ European Landscape Convention dated October 20, 2000 (CDCE No. 176). URL: <https://rm.coe.int/1680080621> (accessed date: 20.04.2018).

¹⁹ Recommendation of the Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europa 249 (2008) "Biodiversity policies for urban areas". Para 3. URL: <https://rm.coe.int/1680718f87> (accessed date: 15.02.2018).

действий по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия в рамках городской среды. Многие из этих действий предполагают серьезную научную базу. Она же лежит в основе в том числе лучшего опыта и практики по устойчивому сохранению, использованию городского биоразнообразия и управлению им, которыми должны обмениваться все заинтересованные стороны. По сути, эта актуальная проблематика представлена в Совместном заявлении ПАСЕ, Конгресса местных и региональных властей и Конференции МНПО СЕ (Страсбург, 28 апреля 2010 г.). В качестве предмета предполагаемых усилий здесь выделены улучшение состояния биоразнообразия и сокращение выбросов парниковых газов путем поощрения адаптированного образа жизни и изменения соответствующей политики, *стимулирования инноваций и разработки экологически чистых технологий*, а также тщательного управления землей и природными ресурсами²⁰.

Тематика сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, как известно, тесно связана с вопросами устойчивого лесопользования. В рамках последнего направления деятельности ПАСЕ выступает с призывом к государствам-членам и странам, не входящим в СЕ, активизировать работу по развитию устойчивых методов лесопользования. Этот момент нашел свое отражение в резолюции ПАСЕ от 25 июня 2010 г. № 1753 (2010) «Лесные ресурсы: будущее нашей планеты»²¹. Речь идет о ресурсосберегающих технологиях, а именно об использовании более эффективных технологий обработки, которые обеспечивают использование меньшего количества сырья. Вполне понятно, что условием широкого использования данных технологий являются их передача от страны к стране и распространение. Пункт 10.6 Резолюции затрагивает вопрос разработки и осуществления испытанных методов устойчивого ведения лесного хозяйства. Пункт 10.10 указанного документа призывает государства проводить лесовосстановление на научной основе и избегать увлечения монокультурами и масштабного вторжения инвазивных видов. И наконец, в п. 10.13 Резолюции речь, по

сути, идет о ресурсосберегающих технологиях, а именно об использовании более эффективных технологий обработки, которые обеспечивают потребление меньшего количества сырья. Особый акцент Ассамблея ставит на необходимости предотвращения или ограничения ущерба от лесных пожаров за счет улучшения противопожарных технологий.

Одним из основополагающих компонентов устойчивого развития является сбережение ландшафтов, что возможно только при гармонизации экономической деятельности и охране окружающей среды. Поскольку существует тесная связь между ландшафтами и вопросами, сопряженными с определенными моделями социального и экономического развития, Европейская конвенция о ландшафтах направлена на формирование согласованной политики в области устойчивого развития, нацеливает на сбалансированные и гармоничные отношения между социальными потребностями, экономической деятельностью и окружающей средой. Устойчивое развитие, как отмечается в преамбуле Конвенции, рассматривается в качестве одной из целей СЕ. В этом контексте ландшафт предстает как одновременно культурная, социальная и экологическая ценность, способствующая укреплению европейской идентичности и представляющая собой неотъемлемый аспект устойчивого развития [European Landscape Convention... 2017]. При этом имеются в виду не только выдающиеся, красивые ландшафты, но и обычные территории, в прагматическом аспекте выступающие ресурсом для рациональной деятельности. Примечательно, что в п. (а) Специальной рекомендации Комитета министров по поводу вклада Европейской конвенции о ландшафтах в осуществление прав человека и демократии с точки зрения устойчивого развития²² подтверждается, что ландшафт представляет собой индикатор устойчивого развития. В этой связи с учетом принципа демократического участия подтверждается право населения участвовать в процессах принятия решений относительно окружающей среды, а именно решений в отношении сохранения и развития ландшафтов.

²⁰ PACE President calls on parliamentarians to mobilize for the preservation of biodiversity. April 4, 2010. URL: http://assembly.coe.int/ASP/NewsManager/EMB_NewsManagerView.asp?ID=5495 (accessed date: 08.02.2018).

²¹ Resolution of the PACE 1753 (2010) "Forests: the future of our planet". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17896&lang=en> (accessed date: 17.03.2018).

²² Recommendation CM/Rec (2017)7 of the Committee of ministers to member States on the contribution of the European Landscape Convention to the exercise of human rights and democracy with a view to sustainable development dated September 27, 2017. URL: <https://rm.coe.int/1680750d64> (accessed date: 19.02.2018).

Особо ценной с точки зрения установления обязательств в сфере международного научно-технологического сотрудничества является ст. 8 «Взаимная помощь и обмен информацией» Конвенции. В ней содержится указание на обязательство государств-членов сотрудничать в целях повышения эффективности мер, принимаемых в соответствии с другими статьями Конвенции, а именно: оказывать техническую помощь друг другу по вопросам сбора и обмена опытом и результатами реализации научных проектов; содействовать обмену специалистами по ландшафту, в частности, в целях профессиональной подготовки и передачи информации; обмениваться сведениями по всем вопросам, которые оказались затронуты положениями Конвенции. Известно, что в процессе обмена специалистами происходит неформальная передача технологических знаний.

Как известно, проблематика биоразнообразия, сохранения ландшафтов и устойчивого лесопользования прямым и обратным образом связана с проблемой изменения климата под влиянием хозяйственной деятельности человека. В рекомендации от 30 апреля 2010 г. № 1918 (2010) «Биоразнообразии и изменение климата»²³ Ассамблея указывает на необходимость не только поощрять согласование и взаимодействие между национальными, региональными и местными экологическими проектами, политикой в области изменения климата и целями таких соглашений, как КБР (п. 14.4), но и содействовать более эффективной передаче опыта в области предотвращения утраты биоразнообразия, которая имеет большое значение для обеспечения скоординированных ответных мер и может быть разработана и внедрена на европейском уровне (п. 14.5). В дальнейшем положения данной Рекомендации стали основой специального доклада по вопросам сохранения и устойчивого использования биоразнообразия в условиях изменения климата [Biodiversity and climate change... 2012].

В преддверии Копенгагенского саммита по вопросам окружающей среды и изменения климата (2009 г.) Ассамблея утвердила очень важную Резолюцию № 1682 (2009). Одновременно во внимание было принято то, что решение данной проблемы во многом зависит от наличия финансовых и технологических возможностей. Ввиду

того, что СЕ активно сотрудничает со специализированными учреждениями ООН и придерживается принципа неуклонного развития и расширения сотрудничества, становится понятным, почему в п. 18 Резолюции выражена уверенность в том, что решающую роль при достижении заявленных целей призвано играть международное сотрудничество. Оно должно быть расширено в целях обеспечения всего необходимого объема технологий и финансирования развивающихся государств, что будет способствовать их адаптации к последствиям изменения климата и осуществлению в них стратегии низкоуглеродного развития.

В свете вышесказанного становится понятным содержание п. 23.4 данной Резолюции, в котором указывается на необходимость распределения развивающимся государствам низкоуглеродных технологий. Этому соответствует обязательство развитых государств создавать передовые технологии использования солнечной энергии, энергии из отходов и т.д., демонстрировать и передавать новые технологии (для ветровых электростанций, солнечного нагрева воды и т.д.) и распространять информацию о них. В сущности, подобного рода предложения, обращенные к государствам-членам, были воспроизведены в резолюции ПАСЕ от 30 января 2014 г. № 1976 (2014) «Изменение климата: основа для глобального соглашения в 2015 году»²⁴. В п. 15.8 указанного документа ПАСЕ напомнила об обязательстве осуществлять исследования и разработки, демонстрировать новые климатические технологии и обмениваться ими. С точки зрения предмета нашей статьи важно, что указывается на необходимость обмена наиболее эффективными существующими технологиями, в том числе в рамках оказания развивающимся и наиболее бедным странам финансовой и технической помощи в адаптации к изменению климата (п. 15.9).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что проблематика изменения климата в контексте наращивания соответствующих НИОКР и обмена знаниями и технологиями находится в фокусе внимания не только ПАСЕ, но и Конгресса местных и региональных властей. Так, в подп. (f) п. 12 своей рекомендации от 31 мая 2007 г. № 215 (2007) «Изменение климата:

²³ Recommendation of the PACE 1918 (2010) "Biodiversity and Climate change". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17856&lang=en> (accessed date: 14.03.2018).

²⁴ Resolution of the PACE 1976 (2014) "Climate change: a framework for a global agreement". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20504&lang=en> (accessed date: 23.04.2018).

подходы на местном и региональном уровне»²⁵ Конгресс призвал ПАСЕ и Комитет министров расширить исследования и инновации, а также поощрять обмен опытом с целью дальнейшего развития методологий для проектирования, имплементации и мониторинга местных программ действий в сфере изменения климата. Далее, в п. 9 резолюции от 13 марта 2008 г. № 248 (2008) «Изменение климата: формирование адаптационных возможностей местных и региональных властей»²⁶ Конгресс расценил как крайне необходимую дипломатическую и международную деятельность местных и региональных властей и их роль в распространении и совместном использовании ноу-хау и лучшей практики. Одновременно прозвучал призыв сотрудничать с контрагентами в наименее развитых странах, которые, как известно, наиболее уязвимы в отношении последствий изменения климата.

Особенностью подхода СЕ к вопросам изменения климата является то, что решение данной наиболее серьезной экологической проблемы предполагает дополнение мер по сохранению природных ресурсов и биоразнообразия в сельскохозяйственном производстве. В свое время в резолюции ПАСЕ от 6 ноября 1986 г. № 870 (1986) «Биогенетическая революция в сельском хозяйстве – благословение или проклятие?»²⁷ предусматривалось, что биогенетическая наука в конечном счете все же может привести к разработке сортов, которые будут все меньше зависеть от разного рода химических удобрений. Помимо этого они будут также служить сырьем для различных промышленных процессов, что, в частности, может создать условия для осуществления права человека на достаточное и полноценное питание.

Не секрет, что сельское хозяйство развивается сегодня в условиях утраты биоразнообразия, в том числе агробиоразнообразия, и агрокультурных практик в силу увлеченности монокультурами, что некоторое время также наблюдалось в ЕС. Содержательным дополнением модели «сельское хозяйство – биоразнообразие» СЕ интересуется на протяжении последних десятилетий [High-level Pan-European... 2003].

В свою очередь, признается, что так называемое интенсивное сельское хозяйство, наряду с промышленностью, является одним из существенных источников загрязнения окружающей среды и выбросов парниковых газов. В п. 5 резолюции ПАСЕ от 27 мая 2011 г. № 1814 (2011) «Реформа общей политики в области рыболовства и общей сельскохозяйственной политики» (далее – Резолюция № 1814 (2011))²⁸ прямо отмечается, что интенсивное сельское хозяйство негативно влияет на экологию в плане загрязнения почвы, воды и воздуха. В п. 11.4 Резолюции указывается на крайнюю необходимость выработки моделей сельского хозяйства и рыболовства, основанных на устойчивых методах хозяйствования, которые позволяют добиваться долгосрочных оптимальных результатов при эффективном использовании природных ресурсов.

С тем чтобы перейти на новую модель развития организация рекомендовала вкладывать средства в исследования и инновации для формирования точных научных баз данных с целью достижения рационального управления рыбными запасами и природными ресурсами (п. 11.12.3 Резолюции № 1814 (2011)) и – далее – исключить практику сброса путем внедрения инновационных орудий улова и технологий промысла, а также ввести требования доставлять на сушу весь улов и засчитывать его в квоты (п. 11.12.4 Резолюции).

Что касается сельского хозяйства, то Ассамблея поддержала развитие агроэкологии и органического сельского хозяйства, в том числе разведение традиционных пород и сортов на основе применения соответствующих технологий (п. 11.13.3 Резолюции № 1814 (2011)), использование методов комплексного производства, поощрение практики возделывания нескольких культур и севооборота, а также восстановление связи между сельским хозяйством и животноводством (п. 11.13.4 Резолюции), что, в свою очередь, предполагает вложение средств в исследование и инновации (11.13.5 Резолюции).

Итак, альтернативой интенсивному сельскому хозяйству является устойчивое ведение сельского хозяйства, основанное на экологически

²⁵ Recommendation of the Congress of Local and Regional authorities 215 (2007) "Climate change: approaches at local and regional level". URL: <https://rm.coe.int/1680719350> (accessed date: 18.02.2018).

²⁶ Resolution of the Congress of local and regional authorities 248 (2008) "Climate change: building the adaptive capacity of local and regional authorities". URL: <https://rm.coe.int/16807189ac> (accessed date: 16.04.2018).

²⁷ Resolution of the PACE 870 (1986) "Biogenetic revolution in agriculture – a blessing or a curse?". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16281&lang=en> (accessed date: 01.02.2018).

²⁸ Resolution of the PACE 1814 (2011) "Reforms of the Common Fisheries Policy and the Common Agricultural Policy". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?FileID=17997&lang=en> (accessed date: 02.05.2018).

чистых технологиях, сохраняющих природную среду и биоразнообразие. Эффективной в этом плане является модель агроэкологии, предполагающая разработку и широкое использование соответствующих технологий, что возможно только при обращении должного внимания на их передачу. На нее должны быть направлены разные меры стимулирования. Об этом прямо говорится в п. 8.1.2 Резолюции ПАСЕ от 3 октября 2013 г. № 1957 (2013) «Продовольственная безопасность – постоянный вызов всем нам»²⁹, в котором содержится призыв осуществлять инвестиции в устойчивое хозяйствование (включая экологически обоснованное сельское хозяйство и органические методы хозяйствования). В качестве инструментов указываются налоговые и нормативные меры, а также меры, направленные на обеспечение перехода к устойчивым формам и методам работы, включая решение проблемы сельскохозяйственных и пищевых отходов. При этом в данной Резолюции, впрочем, как и в ряде других подобных документов, СЕ уделяет внимание существующему разрыву между Севером и Югом, предлагая увеличить помощь на цели развития, в том числе в сельском хозяйстве.

Одним из важных секторов перехода к устойчивому развитию является энергетика, технологическое перевооружение которой также находится в центре внимания организации. В частности, в Резолюции ПАСЕ от 26 апреля 2005 г. № 1435 (2005) «Энергетические системы и окружающая среда» (далее – Резолюция № 1435 (2005))³⁰ нашло закрепление комплексное видение перспектив развития энергетического комплекса в контексте необходимости уменьшения негативного воздействия на окружающую среду процесса производства энергии, транспортировки энергоресурсов и их использования в форме загрязнения воздуха и выбросов парниковых газов, ведущих к изменению климата. Со всей убедительностью продемонстрированы недостатки атомной (проблемы переработки и складирования радиоактивных отходов) и углеродной энергетики (выбросы парниковых газов и тонкодисперсных аэрозолей тепловыми электростанциями). В этой связи Ассамблея призвала более активно осваивать возобновляемые источники энергии (ветровой, приливной, геотермальной и т.д.), которые позволяют приблизить

переход к устойчивой энергетике и устойчивому энергоснабжению.

Одновременно с этим нельзя не отметить то обстоятельство, что СЕ, акцентируя внимание на альтернативных системах энергопроизводства, развитие которых происходит все же довольно-таки медленно, не сводит к минимуму значение традиционной энергетики. Решение проблемы уменьшения вредного воздействия производства, транспортировки и использования энергоресурсов на окружающую среду усматривается в технологических мерах. Они заключаются, например, в поэтапном внедрении современных технологий производства энергии из ископаемого топлива: технологии «чистого угля», энергоустановок комбинированного цикла, вырабатывающих не только электрическую, но и тепловую энергию, технологий снижения объемов отходов и их эффективной утилизации (п.11.i(d) Резолюции № 1435 (2005)).

В целом в рассматриваемом документе намечен широкий перечень направлений НИОКР, обеспечивающих переход к экологически чистой (устойчивой энергетике), что призвано стать основой для выработки общеевропейского подхода. Так, указывается на необходимость поддержки государствами-членами, например, НИОКР в области термоядерного синтеза, который основан на принципе расщепления атомного ядра и призван со временем прийти на смену действующим энергетическим установкам (п. 11.i(f) Резолюции № 1435 (2005)). Далее, повышенное внимание уделяется НИОКР, результатом которых являются экологически чистые технологии, обеспечивающие повышение энергоэффективности, в том числе на транспорте и в строительстве (п. 11.i(g)), не говоря уже о НИОКР в сфере возобновляемых энергоресурсов (п. 11.ii(d) Резолюции). Интересно также, что ПАСЕ обратилась с призывом осуществлять соответствующие НИОКР не только к государствам-членам, но и к Международному энергетическому агентству, рекомендовав ему в п. 17 Резолюции № 1435 (2005) продолжить разработку технологий в сфере энергетики, использование которых не приводит к изменению климата в сторону его потепления, включая технологии возобновляемых источников энергии, сепарации и концентрации углерода.

²⁹ Resolution of the PACE 1957 (2013) "Food security – a permanent challenge for us all". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20227&lang=en> (accessed date: 01.05.2018).

³⁰ Resolution of the PACE 1435 (2005) "Energy systems and the environment". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=17321&lang=en> (accessed date: 03.05.2018).

Не меньшую обеспокоенность вызывает загрязнение окружающей среды радиоактивными отходами, предупреждению которого посвящена резолюция ПАСЕ от 23 ноября 2007 г. № 1588 (2007) «О радиоактивных отходах и защите окружающей среды»³¹. Признавая атомную энергетику в качестве «чистого» источника энергии, содействующего замедлению изменения климата, Ассамблея все же высказала обеспокоенность по поводу связанных с ней радиоактивных отходов, которые представляют собой серьезную опасность как для нынешних, так и будущих поколений. Ввиду отсутствия в большинстве европейских стран условий для строительства глубоководных геологических хранилищ Ассамблея в п. 11.2 Резолюции призвала государства – члены СЕ увеличить поддержку НИОКР в области обращения с ядерными отходами, которые нацелены на разработку технологических решений, альтернативных глубоководному геологическому захоронению радиоактивных отходов, например позволяющих изменять изотопный состав, обезвреживать отходы за более короткое время, что уменьшает их вредное воздействие на окружающую среду. Очевидно, из данного призыва логичным образом можно вывести рекомендацию сотрудничать в сфере подобных НИОКР и обмениваться их результатами, в чем будут заинтересованы все государства европейского континента.

В качестве реакции на события в Мексиканском заливе в 2010 г., связанные с загрязнением нефтью морской поверхности, Комитет ПАСЕ по окружающей среде, сельскому хозяйству, местным и региональным вопросам принял 17 июня 2010 г. декларацию № 30 «Право на окружающую среду требует новой энергетики»³², в которой, вновь подтверждая право человека на благоприятную окружающую среду, призвал государства – члены СЕ к ускоренному переходу к использованию возобновляемых источников энергии, что в свою очередь могло бы содействовать предотвращению глобального потепления [Шугуров 2010:183]. На это нацеливает и доклад данного Комитета «Энергетическая сеть и окружающая среда»³³.

В резолюции ПАСЕ от 26 июня 2009 г. № 1679 (2009) «Ядерная энергетика и устойчивое развитие»³⁴ Ассамблея признала, что атомная энергетика обладает большим потенциалом с точки зрения развития новых технологий и способна внести существенный вклад в достижение долгосрочной энергетической устойчивости развивающихся стран и решение проблемы энергетической бедности со всеми вытекающими из нее последствиями в контексте борьбы с глобальным потеплением. Но одновременно с тем, что содействие развитию атомной энергетики в развивающихся странах предполагает помощь им в развитии соответствующей инфраструктуры и подготовке кадров, в п. 15 Резолюции было отмечено, что обеспечение доступа к ядерным технологиям, материалам и оборудованию предполагает серьезные усилия в рамках международного сотрудничества по соблюдению режима нераспространения ядерного оружия и обеспечения экологической безопасности под контролем МАГАТЭ. Исходя из этого, Ассамблея в п. 17.3 Резолюции призвала государства – члены СЕ развивать НИОКР в сфере ядерных технологий, нацеленные не только на эффективное производство энергии, но и на решение проблемы утилизации ядерных отходов. Вполне понятно, хотя это и не выражено в данной Резолюции буквально, что развивающиеся страны имеют право на доступ к использованию новейших, а следовательно, более безопасных, ядерных технологий, являющихся результатом соответствующих НИОКР.

Вместе с тем, несмотря на перспективность развития ядерной энергетики в контексте достижения целей устойчивого развития, СЕ исходит из признания необходимости диверсификации источников энергии, в том числе путем масштабного развития возобновляемой энергетики. Данной проблеме была посвящена Рекомендация ПАСЕ от 26 июня 2009 г. № 1879 (2009) по возобновляемым источникам энергии и окружающей среде³⁵, в которой рассматривалась реструктуризация энергетической системы с учетом уве-

³¹ Resolution of the PACE 1588 (2007) "Radioactive waste and protection of the environment". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=17607&lang=en> (accessed date: 18.04.2018).

³² Declaration by the Committee AS/ENA (2010)30 "The Right to a Healthy Environment Demands a New Energy" dated June 17, 2010. URL: http://assembly.coe.int/CommiteeDocs/2010/100624_AENA10_30.pdf (accessed date: 04.04.2018).

³³ Energy Network and the Environment. – PACE. Doc. 12332(2010). URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=12592&lang=en> (accessed date: 29.04.2018).

³⁴ Resolution of the PACE 1679 (2009) "Nuclear energy and sustainable development". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17761&lang=en> (accessed date: 17.04.2018).

³⁵ Recommendation of the PACE 1879 (2009) "Renewable energies and the environment". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=17762&lang=en> (accessed date: 19.04.2018).

личения доли возобновляемых энергоресурсов на основе НИОКР, которые также должны быть направлены и на повышение эффективности уже существующих энергоресурсов.

Большой интерес в плане усилий СЕ по обеспечению перехода к «зеленой экономике» представляет Резолюция ПАСЕ от 21 мая 2010 г. № 1737 (2010)³⁶, подготовленная на основе Доклада, представленного Комиссией по окружающей среде. Она посвящена развитию геотермальной энергетики в контексте интереса к возобновляемым источникам энергии, положительно влияющим на изменение климата. Примечательно, что в п. 9.3 содержится призыв к государствам – членам СЕ поощрять международное сотрудничество в области передачи технологий и финансирования развития геотермальной энергетики. В п. 9.4 Резолюции Ассамблея призвала государства повышать степень осведомленности общественности и потенциальных инвесторов о преимуществах геотермальных технологий для устойчивой энергетической инфраструктуры. Далее, предлагается сделать все необходимые шаги к созданию стратегических научно-исследовательских программ, поощрять использование геотермальных источников энергии (п. 9.5 Резолюции), в том числе в рамках сотрудничества между органами, ответственными за геологические исследования в каждой стране, и составить карту геотермальных ресурсов.

Более общий подход к проблемам энергетики представлен в резолюции ПАСЕ от 30 января 2014 г. № 1977 (2014) «Энергетическая диверсификация – основополагающий вклад в устойчивое развитие»³⁷. В п. 9.1.8 этого документа государствам-членам было рекомендовано в процессе развития экологически чистой энергетики обмениваться опытом в сфере соответствующих технологий, которые позволяют использовать устойчивые источники энергии, в том числе возобновляемые. Кроме того, предусматривается сотрудничество не только в сфере исследований, но и их законодательного регулирования.

В целом позиция ПАСЕ относительно мер по переходу к устойчивой энергетике созвучна позиции Конгресса местных и региональных властей, посвятившего энергетической проблематике целый ряд своих резолюций и рекомендаций, исходящих из убеждения в том, что центральное значение в предотвращении изменения климата и развитии новой энергетической культуры играют местные и региональные власти. Поэтому, стремясь подтвердить их роль в данной сфере, Конгресс в п. 14.с рекомендации от 29 мая 2008 г. № 243 (2008) «Общественная и местная и региональная деятельность в целях новой энергетической культуры»³⁸ обратился к Комитету министров с призывом, чтобы он просил государства-члены поощрять инвестиции и расширять исследования в сфере технологических разработок, нацеленных на энергоэффективность и расширение использования возобновляемых форм энергии. Тем более что, как позднее указывалось в п. 7 резолюции Конгресса от 20 октября 2011 г. № 335 (2011) «Энергообеспечение и энергоэффективность на местном и региональном уровнях: содействие энергетическому переходу»³⁹, существует масса примеров использования устойчивых технологий и систем в энергетике.

Подводя итоги, отметим, что в проанализированных нами положениях источников права СЕ разной юридической силы, затрагивающих не только вопросы разработки технологий в порядке международного сотрудничества, но и их передачу, содержится совокупность важных международно-правовых и политико-правовых обязательств. Представляется, что их имплементация на общеевропейском региональном уровне позволит в ускоренном режиме достичь ЦУР № 17.6, предусматривающую задачи, связанные с разработкой и передачей экологически чистых технологий и инноваций в качестве средства достижения остальных ЦУР.

Следует также заключить, что предлагаемое СЕ решение проблем технологической модернизации моделей потребления и производства в направлении достижения их соответствия

³⁶ Resolution of the PACE 1737 (2010) "Geothermal Energy – a Local Answer to a Hot Topic?" URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17867&lang=en> (accessed date: 11.04.2018).

³⁷ Resolution of the PACE 1977 (2014) "Energy diversification as a fundamental contribution to sustainable development". URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/Xref/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=20505&lang=en> (accessed date: 01.05.2018).

³⁸ Recommendation of the Congress of Local and Regional Authorities 243 (2008) "Public local and regional action: for a new energy culture". URL: <https://rm.coe.int/168071a861> (accessed date: 21.03.2018).

³⁹ Resolution of the Congress of Local and Regional Authorities 335 (2011) "Energy supply and energy efficiency at local and regional level promoting energy transition Public local and regional action: for a new energy culture". URL: <https://rm.coe.int/168071958e> (accessed date: 15.04.2018).

критериям устойчивого развития в значительной мере учитывается на уровне национальной научно-технической политики европейских государств и на уровне международного инновационно-технологического сотрудничества на европейском континенте. Поэтому можно вполне уверенно говорить о вкладе СЕ в обеспечение глобальной конкурентоспособности Европы в сфере экологически чистых технологий. Одновременно надо указать на своеобразие подхода СЕ к стимулированию широкого распространения данных технологий, особенно в развивающихся и наименее развитых странах, в целях сокращения глобального технологического разрыва. Он заключается в рассмотрении технологий не только как способов согласования трех измерений развития, но и в качестве способов согласования НТП и прав человека, являющихся, как известно, важнейшим аспектом стратегии устойчивого развития.

Средством реализации решений СЕ является более активное участие государств в конвенциях СЕ, их ратификация и дальнейшая имплементация, а также выполнение соответствующих рекомендаций ПАСЕ, Комитета министров и Конгресса местных и региональных властей. На наш взгляд, это особенно важно в контексте начала функционирования глобального Механизма содействия развитию технологий (Technology Facilitation Mechanism), учрежденного в соответствии с п. 70 Повестки-2030. Данный механизм, нацеленный на повышение координации действий и инициатив в сфере МНТС в интересах достижения ЦУР, предполагает дополнение в виде углубления и расширения МНТС на региональном уровне. В этой связи СЕ видится нами в качестве поистине всеохватывающего форума на европейском континенте, способного обеспечить преодоление раздробленности усилий по разработке и передаче технологий, значимых для устойчивого развития.

Список литературы

1. Бенуа-Ромер Ф., Клебес Х. 2007. *Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству*. М.: Весь мир. 296 с.
2. Глотов С.А. 1999. *Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека*. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права. 544 с.
3. Дудыкина И.П. 2017. Международно-правовое содержание концепции устойчивого развития (анализ зарубежных доктрин). – *Московский журнал международного права*. № 2(106). С. 144–153. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-144-153
4. Кашкин С. 2003. Право Совета Европы и право Европейского Союза: проблемы соотношения и преподавания. – *Проблемы изучения права Совета Европы в системе российского юридического образования*. Ред.-сост. Н.В. Варламова, Т.А. Васильева. М.: Институт права и публичной политики. С. 20–24.
5. Кузнецов С. 2002. Институциональная структура и источники права Совета Европы. – *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. № 1(38). С. 48–55.
6. Совет Европы. 800 миллионов европейцев. 2007. Страсбург: Совет Европы. 120 с.
7. Шугуров М.В. 2010. Право Совета Европы в сфере международного научно-технологического сотрудничества. – *Вестник Саратовской государственной академии права*. №6 (76). С.172–189.
8. *Biodiversity and Climate Change. Reports and Guidance Developed under the Bern Convention*. 2012. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 429 p.
9. *European Landscape Convention – Contribution to Human Rights, Democracy and Sustainable Development*. 2017. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 103 p.
10. Guidikova I. 2010. General Introduction. – *Council of Europe*. Ed. by T. Kleinsorge. The Netherlands: Kluwer Law

International. P. 25–36.

11. *High-level Pan-European Conference on Agriculture and Biodiversity: Towards Integrating Biological and Landscape Diversity for Sustainable Agriculture in Europe. Proceedings* (Paris, 5–7 June 2002). 2003. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 300 p.
12. Kicker R., Möstl M. 2013. *Standard-setting through Monitoring? The Role of Council of Europe Expert Bodies in the Development of Human Rights*. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 202 p.
13. *Manual on Human Rights and the Environment*. 2nd ed. 2012. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 195 p.
14. Royer A. 2010. *The Council of Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 63 p.
15. *The Council of Europe: Its Law and Policies*. Ed. by S. Schmahl and M. Breur. 2017. Oxford: Oxford University Press. 986 p.

References

1. Benoît-Rohmer F., Klebes H. Council of Europe Law: wards a pan-European legal area (Russ. ed.: Benoît-Rohmer F., Klebes H. *Pravo Soveta Evropy. Na puti k obshcheevropeiskomu pravovomu prostranstvu*. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' mir" Publ. 2007. 296 p.).
2. *Biodiversity and Climate Change. Reports and Guidance Developed under the Bern Convention*. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2012. 429 p.
3. Dudykina I.P. Mezhdunarodno-pravovoe soderzhanie kontseptsii ustoichivogo razvitiya (analiz zarubezhnykh doktrin) [The Concept of Sustainable Development from the Point of International Law (Analysis of Foreign Doctrines)]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 2(106). P. 144–153. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-144-153
4. *European Landscape Convention – Contribution to Human Rights, Democracy and Sustainable Development*. Stras-

- bourg: Council of Europe Publishing. 2017. 103 p.
5. Glotov S.A. *Konstitutsionno-pravovye problemy sotrudnichestva Rossii i Soveta Evropy v oblasti prav cheloveka* [Constitutional Problems of Cooperation between Russia and the Council of Europe in the Sphere of Human Rights]. Saratov: Izd-vo Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava Publ. 1999. 544 p. (In Russ.)
 6. Guidikova I. General Introduction. – *Council of Europe*. Ed. by T. Kleinsorge. The Netherlands: Kluwer Law International. 2010. P. 25–36.
 7. *High-level Pan-European Conference on Agriculture and Biodiversity: Towards Integrating Biological and Landscape Diversity for Sustainable Agriculture in Europe. Proceedings* (Paris, 5–7 June 2002). Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2003. 300 p.
 8. Kashkin S. Pravo Soveta Evropy i pravo Evropeiskogo Soyuza: problemy sootnosheniya i prepodavaniya [Council of Europe Law and the Law of the European Union: problems of correlation and teaching]. – *Problemy izucheniya prava Soveta Evropy v sisteme rossiiskogo yuridicheskogo obrazovaniya*. Red.-sost. N.V. Varlamova, T.A. Vasil'eva [Problems of Studying the Law of the Council of Europe in the System of Russian Legal Education. Ed. by N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva]. Moscow: Institut prava i publichnoi politiki Publ. 2003. P. 20–24. (In Russ.)
 9. Kicker R., Möstl M. *Standard-setting through Monitoring? The Role of Council of Europe Expert Bodies in the Development of Human Rights*. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2013. 202 p.
 10. Kuznetsov S. *Institutsional'naya struktura i istochniki prava Soveta Evropy* [Institutional Structure and Sources of Law of the Council of Europe]. – *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie*. 2002. No. 1 (38). P. 48–55. (In Russ.)
 11. *Manual on Human Rights and the Environment*. 2nd ed. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2012. 195 p.
 12. Royer A. *The Council of Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2010. 63 p.
 13. Shugurov M.V. Pravo Soveta Evropy v sfere mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva [Law of Council of Europe in the Area of International Scientific-Technology Cooperation]. – *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*. 2010. No. 6 (76). P. 172–189. (In Russ.)
 14. *Sovet Evropy. 800 millionov evropeitsev* [Council of Europe. 800 million Europeans]. Strasbourg: Sovet Evropy Publ. 2007. 120 p. (In Russ.)
 15. *The Council of Europe: Its Law and Policies*. Ed. by S. Schmahl and M. Breur. Oxford: Oxford University Press. 2017. 986 p.

Информация об авторе

Марк Владимирович Шугуров,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия

410056, Российская Федерация, Саратов, Вольская ул., д. 1

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961

About the Author

Mark V. Shugurov,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of International Law, Saratov State Law Academy

1, ul. Volskaya, Saratov, Russian Federation, 410056

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-110-120

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

monastyrsky@mzs.ru

ORCID: 0000-0002-6999-8150

РЕЖИМ ТРЕБОВАНИЙ ОБ УБЫТКАХ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. Вследствие распространения законодательной, судебной и общей административной юрисдикции Российской Федерации на Крым весной 2014 г. перед отечественными судами возник целый ряд новых вопросов регулирования гражданско-правовых отношений в международной и внутренней области. Кроме того, этот процесс высветил необходимость внесения корректив в подходы, связанные с признанием иностранных государственных правоприменительных актов и принудительным осуществлением иностранных судебных решений. В сфере международного частного права помимо вышесказанного возникла потребность в осмыслении феномена столкновения различных разнонациональных норм не в пространстве, что и составляет центральный предмет данной науки, а во времени.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили труды российских и зарубежных авторов. В настоящей работе применялись исторический, индуктивный и сравнительный методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В публикации обзорно рассматриваются проблемы

коллизийного регулирования требований об убытках, возникших на территории Крыма до и после его присоединения к Российской Федерации 18 марта 2014 г. Наряду с анализом вопросов компетенции российской судебной власти в свете продолжающих действовать Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной 22 января 1993 г. в Минске государствами – участниками СНГ, и Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. автором формулируются рекомендации по ряду законодательных решений и внесению дополнений в гражданско- и уголовно-правовое регулирование.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор приходит к выводу о том, что ввиду прихода новой юрисдикции в Республику Крым исчезает иностранный элемент в отношениях, возникших до этого события, и поэтому необходимо руководствоваться российским правом в отсутствие регламентации об ином. Англосаксонская концепция приобретенных прав

(vested rights) в этом исключительном случае неприменима.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Крым, российская юрисдикция, коллизионное регулирование, дела об убытках

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Монастырский Ю.Э.

2018. Режим требований об убытках в условиях расширения территориальной юрисдикции Российской Федерации и вопросы международного частного права. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 110-120.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-110-120

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-110-120

Yuri E. MONASTYRSKY

Sevastopol State University

33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation

monastyrsky@mzs.ru

ORCID: 0000-0002-6999-8150

DAMAGES RECOVERY CLAIMS IN CONDITION OF RUSSIAN FEDERATION JURISDICTION EXTENSION – PRIVATE INTERNATIONAL LAW ISSUES

INTRODUCTION. *The proliferation of legislative, judicial and general administrative jurisdiction to Crimea in the spring of 2014 highlighted a number of new issues in the regulation of civil law relations in the international and local sphere that faced the courts in the Russian Federation, as well as the need to make adjustments to approaches related to the recognition of foreign state law acts and enforcement of foreign judgments. In the field of private international law, in addition to the mentioned, an understanding of the phenomenon of collision of various multi-national norms arose not in space, which is the central subject of this science, but in time.*

MATERIALS AND METHODS. *The works of Russian and foreign authors are the material of the*

article. In this work historical, inductive, and comparative research methods were used.

RESEARCH RESULTS. *This article is on the subject of conflict of law's regulation pertaining to the claims of losses, the right from the Crimea territory before and after its reunification with the Russian Federation on the 18th of March 2014. The author presents recommendations relating to legislative solutions and amendments to civil and criminal law regulation in line with consideration of judicial competence of national courts in the light of Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters, signed on the 22nd January 1993 in Minsk by participants of CIS, as well Agreement on Settlement of Commercial Disputes of 20th of March 1992.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author concludes that in view of coming the new jurisdiction in annexed Crimea the foreign elements that arose before this event disappear, and therefore it is necessary to be guided by its legal order in the absence of its regulation in question. The Anglo-Saxon concept of vested rights is not applicable in this exceptional case.*

KEYWORDS: *Crimea, Russian jurisdiction, conflict of laws, recovery of losses matters*

FOR CITATION: Monastyrsky Yu.E. Damages Recovery Claims in Condition of Russian Federation Jurisdiction Extension – Private International Law Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 110-120.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-110-120

1. Правовые условия распространения юрисдикции Российской Федерации

Осмывая международно-правовые реалии последнего времени, невозможно обойти вниманием приход российской юрисдикции в Крым и связанные с ним правовые изменения и проблемы¹. Произошло уникальное геополитическое событие. Правовая ситуация с образованием в результате войн государств Абхазии, Южной Осетии, Косова, Турецкой Республики Северного Кипра, не признанных всеми государствами – членами ООН, другая.

Неповторимое своеобразие международной обстановки в случае с Крымом проявляется при сравнении с возникновением в 2008 г. на политической карте албанского Косова, соседствующего с Албанией. Оно появилось, как утверждается, ввиду осуществления так называемого права народа на самоопределение по решению верховного органа этой территории. Представляется, что это второстепенное обстоятельство. Главное же заключается в военном отторжении этого анклава вооруженными силами зарубежных стран. Следовательно, образование Косова является итогом войны, внешнего вооруженного нападения, а не территориального спора двух соседей. Не может вызывать одобрение стремление установить в международных отношениях и политике обычай, позволяющий интервенцию и разделение государства на части ради уменьше-

ния жертв, если возникает вооруженный внутренний конфликт.

В Крыму вооруженного катаклизма не было, внешнего нападения в обычном понимании не отмечалось. Там прошло всенародное голосование по вопросу о воссоединении Крыма с Российской Федерацией². Утверждают, что оно шло вразрез с принципом нерушимости государственных границ, но это спорно, так как соседняя страна территорию военным способом не отторгала [Кошкин, Черданцев 2016:275–276; Евдокимов, Тухватуллин 2014:37–42]. А история с Косово, по существу, выглядит просто одиозной.

Многие забыли, что современные мир и порядок в правовом отношении, в первую очередь, опираются на ООН с особой ролью Совета Безопасности. Согласно ч. 1 ст. 24 Устава ООН для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени³. Поэтому возможности постоянных членов Совета Безопасности ООН (Великобритании, Франции, США, России и Китая) шире, чем других государств – членов Организации. В этом смысле не будет преувеличением сказать, что в отношении государства – члена Совета Безопасности ООН ее принудительные

¹ В отечественной и зарубежной доктрине по этому вопросу существует весьма обширная библиография: [Глиман 2018:126–130; Евдокимов, Тухватуллин 2014:37–42; Евсикова 2014:118–122; Кошкин, Черданцев 2016:273–278; Кулебякин, Воронин, Николаев 2015:11–28; Banai 2015:608–630; Burke J., Panina-Burke 2017:29–68; Burke-White 2017; Cwicińska 2015:69–85; Hilpold 2015:237–270; Issaeva 2015:158–167; Marxsen 2015:13–36; Oklopic 2015:350–364; Pronin 2015:133–142; Tierney 2015:523–541].

² См.: Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 6 марта 2014 г. № 1702-6/14 «О проведении общекрымского референдума» (с изменениями и дополнениями). – *Справочная правовая система «Гарант»*.

³ Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. – *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XII. М. 1956. С. 14–47.

действия практически невозможны. Это создает правовую основу территориальных преобразований, происшедших при соблюдении основных принципов международного права, среди которых есть, как уже упоминалось, принцип равноправия и самоопределения народов.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. подчеркивается: «Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение»⁴. Право на самоопределение сохраняется, если население образовало независимое государство или вошло в состав федеративного государства.

2. Коллизионные и иные проблемы, режим международной правовой помощи

Как ни удивительно на первый взгляд, но наиболее важным в регулировании в связи с вхождением Крыма в состав России представляется режим нормирования международного экономического взаимодействия, подпадающего под международное частное право. Перечислим важные правовые факторы: (1) действие гражданского законодательства Российской Федерации с 18 марта 2014 г.⁵ вместо законодательства Украины; (2) существование юридического механизма признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений против резидентов Крыма; (3) допущение последствий различных

юридических действий, в частности сделок, завещаний, выдачи доверенностей, браков и др.; (4) исполнение Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее – Конвенция о правовой помощи 1993 г.)⁶ и Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г. (далее – Соглашение 1992 г.)⁷ в части взаимоотношений с Украиной; (5) выборочная национализация в Крыму⁸, а также (6) различные режимы требований о компенсации убытков, понесенных на территории Крыма.

На территории Республики Крым регулярно совершается множество сделок бытового и предпринимательского характера, с признанием правовых последствий которых, на первый взгляд, не должно возникнуть проблем независимо от того, рассматривается ли полуостров в качестве составной части государственной территории России или нет. Согласно ст. 21 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие Гражданского кодекса Российской Федерации части первой»» (далее – Федеральный закон № 258-ФЗ) договоры, заключенные при Украине, сохраняют юридическую силу. Затеявший спор в вышеназванной стране по этому поводу в национальном суде должен, казалось бы, сослаться на его право, если юридические действия совершались в Крыму, поскольку с позиции украинских судов на территорию последнего по-прежнему распространяется национальное законодательство Украины. Таким образом, феномен Крыма породил в юридическом поле массовое явление так называемых

⁴ См. п. 1 Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г. – ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи на XXV сессии. Нью-Йорк. 1970. С. 154.

⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов был подписан 18 марта 2014 г. – Сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605> (дата обращения: 20.07.2018). Данный договор вступил в силу 1 апреля 2014 г. и временно применялся с даты подписания. На его основе был принят Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» был принят 21 марта 2014 г. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 20.07.2018).

⁶ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

⁷ Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

⁸ Закон Республики Крым от 31 июля 2014 г. № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым». – *Российский газета*. 2014. 5 авг. URL: <https://rg.ru/2014/08/05/krim-zakon38-reg-dok.html> (дата обращения: 20.07.2018).

хромающих отношений [Лунц 1949], т.е. не просто регулируемых по-разному национальными законодательствами и правоприменителями, но и рассматривающих неодинаково юрисдикционную основу важных гражданско-правовых юридических фактов. Различие наиболее явным будет в случае, когда российский и иностранный варианты гражданско-правового регулирования значительно разнятся.

В Российской Федерации завершился очередной этап реформы гражданского законодательства в области наследования⁹. Вводятся в документооборот совместные завещания и наследственные договоры¹⁰. Они помогают лучше распределить, учитывая важные нюансы, оставшееся после смерти лица имущество, укрепить режим долгов наследодателя, предвосхитить споры между преемниками, в частности, если умер завещатель, который имеет пережившего супруга с преобладающими интересами передачи имущества, а не наследника. Сложные коллизии правовых вопросов возникают, когда уходит из жизни владелец бизнеса, имеющий финансовую поддержку, долговременные проекты со значительной, но непрогнозируемой прибылью, определенные отношения с менеджментом, осуществляющим оперативное руководство. Все права и обязанности переходят к вступившему в наследство, а в большинстве случаев это не одно лицо. Наследственный договор позволяет этот процесс регламентировать. Вместе с тем случись в Крыму открытие наследства, которое заключается также в активах на Украине, подписанный договор не будет признаваться вовсе имеющим место, так как данный институт законодательству Украины неизвестен, и все важные вопросы эффекта правопреемства будут решаться только по законам Украины.

Процедура признания последствий сделок, правовых действий, актов органов государственной власти не отличается сложностью в истории международных частных отношений. Обычно страны, даже далекие друг от друга по экономическому уровню, культурному своеобразие, признают все вышеуказанные юридические фак-

ты и свободно допускают их правовые последствия. Исключение составляют лишь судебные решения, которые требуют процедуры принудительного исполнения. Чрезвычайно редко, в исключительных случаях, применяется фильтр под названием «оговорка о публичном порядке» (ст. 1193 ГК РФ), когда правовые последствия принудительного исполнения несовместимы с фундаментальными принципами правовой системы места исполнения. Взыскание алиментов в полигамном браке, ростовщического процента – возможные, но редкие в обыденной жизни требования, примеры ограничения которых есть в международном юридическом общении. Между тем по Конвенции о правовой помощи 1993 г. и Соглашению 1992 г. нельзя не признавать и отказывать в принудительной реализации решений по причине вышеупомянутой оговорки.

Конвенция о правовой помощи 1993 г., не создавая изъятие из принципа невыдачи своих граждан, совершивших преступление (подп. (а) п. 1 ст. 57), установила уникальную процедуру исполнения уголовных приговоров. Если какое-либо, независимо от гражданства, физическое лицо в силу вердикта суда обязано по удовлетворенному гражданско-правовому иску выплатить убытки, национальные органы должны исполнить такой уголовный приговор в части взыскания (п. (б) ст. 51 Конвенции).

В России, кроме области банкротства, применяются правила, не основанные на принципе взаимности, а устанавливающие признание и принудительное исполнение иностранных судебных и арбитражных актов лишь при наличии соответствующего международного договора. Для третейских постановлений и т.д. применяется Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., в соответствии с которой в ходатайстве может быть отказано в силу оговорки о нарушении публичного порядка¹¹. В остальных действиях органов юстиции регламентируются Конвенцией о правовой помощи 1993 г. В соответствии с ее положениями принудительное исполнение результатов гражданского и

⁹ См.: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (редакция от 23 мая 2018 г.). – *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808; Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

¹⁰ Федеральный закон от 19 июля 2017 г. «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

¹¹ См.: п. (b) ч. 2 Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.). – *Вестник ВАС РФ*. 1993. № 8.

уголовного процессов в стране должно признаваться во всех государствах – членах СНГ с привлечением всего аппарата исполнительного производства. Исторически братские государства сочли излишним устанавливать общеизвестные ограничения принудительного исполнения на основе оговорки о публичном порядке. Конвенция о правовой помощи 1993 г., как мы полагаем, не будет денонсирована Украиной, поскольку ее учреждения юстиции к этому не готовы. Механизм выхода из Конвенции связан с уведомлением за 12 месяцев до истечения каждого пятилетнего срока. Поскольку этот международный договор вступил в силу 25 мая 1994 г., уведомление о непродлении необходимо было направить на следующий день после этой даты в 2018 г., а этого не произошло.

К вящей справедливости и в соответствии со здравым смыслом Конвенция о правовой помощи 1993 г. содержит ст. 19 универсального преклюзивного содержания об отказе в правовой помощи при угрозе суверенитету. Вместе с тем Соглашение 1992 г. такое положение не содержит. Судебные решения по предпринимательским спорам против юридических лиц из Российской Федерации включают процессуальные и исполнительные процедуры автоматически.

Правовое решение вышеназванных проблем мы видим в том, чтобы согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. некоторые положения Конвенции о правовой помощи 1993 г. не исполнялись бы российской стороной со ссылкой на оговорку о неизменности обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*), но здесь требуется уведомление со стороны Министерства иностранных дел РФ¹².

Текущее взаимодействие органов юстиции контрпродуктивно, особенно в вопросах выдачи украинских граждан, подозреваемых в совершении преступлений без политической составляющей, в первую очередь против жизни. Пострадавшие родственники вполне могут обращаться в правоохранительные органы Республики Крым, но такой механизм привлечения к ответственности аномальный и неэффективный, так как, например, для этого может потребоваться пересылать доказательства и совершать следственные действия на Украине. Пункт 1

ст. 2 российского УПК гласит: «Производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом...»¹³, но норма п. 3 ст. 12 УК РФ¹⁴ содержит на сей счет, а именно случая бегства гражданина Украины в Крым, следующую явную коллизию. «Иностранные граждане... не проживающие постоянно в Российской Федерации... совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации...». Получается, что убийство неполитического характера на территории Украины, совершенное ее гражданином, не создает юридического основания для уголовного преследования сбежавшего в Российскую Федерацию подозреваемого. В отсутствие запроса к Российской Федерации из Крыма его не выдадут, такой механизм взаимодействия предусмотрен Конвенцией о правовой помощи 1993 г. для иностранцев, совершивших преступление. Вместе с тем, как сообщают представители Минюста России, некоторые лица обращаются в Москву со словами об оккупированной территории. Такой документооборот наглядно попадает под действие ст. 19 Конвенции о правовой помощи 1993 г., так как он нарушает суверенитет и основан на подрыве территориальной целостности Российской Федерации. Полагаем целесообразным внести поправки в российский УК о том, что за преступление любых иностранцев не на территории Российской Федерации нужно и можно привлекать к ответственности в Российской Федерации, тем более что за военные преступления на территории других государств Следственный комитет России дела возбуждает и расследует. Например, такие расследования ведутся против участников украинских батальонов и т.д., так что указанные законодательные изменения назрели. Преступники, переехавшие в Крым, таким образом, должны подвергаться уголовному преследованию при содействии потерпевших.

¹² См. ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.). – *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1986. № 37. Ст. 772.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Юридический режим требований об убытках и возмещении вреда

Особого внимания заслуживают требования о взыскании убытков от деятельности в Крыму до 18 марта 2014 г. Отметим, что они могут квалифицироваться по следующим разрядам: связанные с неисполнением договоров, причинением вреда, несоблюдением других обязательств, иски из неосновательного обогащения, односторонних сделок. Кроме того, ущерб и упущенная выгода могут также компенсироваться при нарушении абсолютных прав, например собственника, владельца, или при нарушении патентуемых имущественных благ. Наиболее массовый разряд дел об убытках проистекает из субсидиарной и корпоративной ответственности контролирующих лиц. Претензии об ущербе могут быть заявлены в результате проведенного процесса, например, при принятии судом обеспечительных мер и проигрыше заявителем дела.

Конвенция о правовой помощи 1993 г. содержит положения о компетенции национальных судов, основной критерий здесь – место жительства ответчика, а для организации – местонахождение органов управления (п. 1 ст. 20). Отсюда следует неизбежность обращений в территориальные суды Украины в ряде случаев, даже если причинение убытков, в отличие от виновного внедоговорного ущерба и, как мы полагаем, иногда договорной ответственности, произошло в Крыму. Например, если возмещается вред, вытекающий из правомерных действий (п. 1 ст. 42 Конвенции), Соглашение 1992 г. допускает любой деликтный или договорный спор рассматривать по месту совершения правоустанавливающих действий (п. (в) и (г) ст. 4).

Ответчики, поменявшие свою локацию, получают спонтанно сложившийся частичный иммунитет от преследования посредством судов. Судебные органы Украины будут рассматривать споры как внутренние, вместе с тем данные о причинении вреда должны будут поступать с территории, с которой отсутствует правовая связь и любые юридические контакты. В ряде обстоятельств доказывание будет затруднено.

Ответчики, которые остались в Крыму, должны будут участвовать в процессах против российских истцов в местных судах. Мы полагаем, что на эти споры не должна распространяться Конвенция о правовой помощи 1993 г.: они не будут международными по причине нахождения сторон в момент подачи иска в одном и том же

государстве. Конвенция 1993 г., как и Соглашение 1992 г., предусматривает в отношении дел, на которые она распространяет свое действие, также заявление иска к украинским субъектам по месту предполагаемого или состоявшегося исполнения договора (п. (б) ч. 2 ст. 20 Конвенции о правовой помощи, п. (в) ст. 4 Соглашения). Это позволяет подавать заявления об убытках, понесенных вследствие неисполнения, в суды Крыма, вместе с тем такие решения, очевидно, не могут быть исполнены на Украине, так как последняя не признает вообще российскую юрисдикцию в Крыму.

Назревшим видится издание законодательного акта о том, что крымские суды должны по всем делам, включая дела об убытках, если спор не является международным, применять российское право. Пока законодательные поправки, например п. 2 ст. 21 Федерального закона № 258 о регулировании лишь прав и обязанностей из односторонних сделок нашим правом, являются противоречивыми и фрагментарными. Еще менее продуктивным выглядит п. 1 той же статьи о неизменности условий договоров до вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Такая формула подразумевает применимое украинское право, а это не является лучшим решением. Представляется весьма важным создавать оптимальное регламентирующее правовое поле.

Пункт 1 ст. 42 Конвенции о правовой помощи 1993 г. императивно устанавливает, что «обязательства о возмещении вреда, кроме вытекающих из договоров и других правомерных действий, определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда». Тривиальное происшествие с материальным ущербом для потерпевшего будет при подаче иска на Украине рассматриваться по *lex fori*, так как Крым полагают украинской территорией.

Вместе с тем, если требование даже вследствие происшедшего до 18 марта 2014 г. без учета исковой давности будет заявлено в Крыму, то, на наш взгляд, необходимо применять российское право, хотя юридическая логика такова, что возникшее обязательство о возмещении вреда из случившегося до 18 марта 2014 г. в момент причинения подпадало под украинское законодательство, следовательно, субъективное гражданское право, фигурально выражаясь, приобрело нероссийскую национальность. В этом

состоит постулат англо-саксонской доктрины *vested rights*: «права, приобретенные действием одной правовой системы, должны признаваться и получать защиту другой правовой системы» [Carswell 1959:268–269]. Несмотря на вышесказанное, мы склонны считать, что с 18 марта 2014 г. ввиду прихода одной и прекращения действия другой юрисдикции произошла смена правового регулирования продолжающихся отношений, поэтому претензии по возмещению вреда нужно оценивать с точки зрения российского права.

В п. 3 ст. 42 Конвенции о правовой помощи 1993 г. и п. 2 ст. 4 Соглашения 1992 г. есть важное указание о том, что пострадавшие вправе обращаться в юрисдикционные органы по месту вредоносного обстоятельства независимо от того, где возникло имущественное претерпевание. Обращает также на себя внимание особенная юридическая техника ст. 42 Конвенции, в которой говорится лишь о режиме требований из возмещения вреда. Вместе с тем при деликте первоначально возникает так называемое обязательство вследствие причинения вреда, заключающееся в исправлении, ремонте либо замене вещей, и далее суд может согласно ст. 1082 ГК РФ обратиться к возмещению убытков, куда входит упущенная выгода, сославшись на ст. 15 Кодекса. Формула возмещения вреда создает двусмысленность и вызывает вопросы о том, входят ли сюда неполученные доходы и, если заявляется требование об исправлении вещей, их ремонте и о замене, является ли это так называемой претензией о возмещении вреда. Если нет, то иск украинского субъекта в Крыму к домицилированному там лицу должен рассматриваться в силу российской коллизионной нормы по праву Российской Федерации (п. 1 ст. 1219 ГК РФ) либо по нормам Украины в случаях, когда предвидимый вред возник на территории этой страны. В противоположном случае, если предъявляется претензия о возмещении вреда, применению подлежит только российское законодательство, так как п. 1 ст. 42 Конвенции говорит о стране, на территории которой возник ущерб. Но если вредоносное происшествие случилось до 18 марта 2014 г., то в соответствии с буквальным смыслом норм Конвенции применимым будет украинское право.

Статья 42 Конвенции о правовой помощи 1993 г. содержит привязку к материальному праву места причинения вреда, и тут же в статье приводятся два исключения из сферы ее действия: если вред происходит из договоров либо из правомерных действий. Возникает главный

вопрос: как происходит взыскание убытков по неисполненному, но действующему договору, а также если последний расторгнут? Какое законодательство подлежит применению – места подписания документа или же места причинения ущерба и упущенной выгоды? Ответ здесь не вызывает сомнений в случае, если права и обязанности должны определяться по *lex loci contractus* (ст. 21 Конвенции). Может ли российский истец для наложения договорной ответственности на украинского контрагента обращаться в юрисдикционные органы в Крыму или же в соответствии с регулированием это должен быть суд по месту жительства ответчика? Ответ на этот вопрос содержится в ст. 1 Конвенции, которая применяется к лицам различной государственной принадлежности. При этом большое значение приобретают п. 2 и 3 ст. 1195 ГК РФ о том, что в случае двойного гражданства приоритет отдается российскому закону, а для проживающих в Российской Федерации иностранцев личным законом является российский закон. Отсюда вывод: к крымчанам-ответчикам, гражданам Российской Федерации, физическим лицам без гражданства может применяться только российское законодательство, но никак не положения Конвенции.

Иная ситуация с гражданами Украины, проживающими в Крыму. Это создает следующую логику места претензий из причинения вреда: если виновники находятся в Крыму или если вредоносное действие имело место на полуострове, то можно заявлять иски там же. Истцами могут быть при этом любые лица. К иностранным гражданам их соотечественники всегда будут основывать претензии на своем праве независимо от того, где они проживают и в каком месте возник вред. То есть жители Крыма, имеющие украинское гражданство, должны будут разрешать споры между собой на основе украинского права, хотя они имеют российский личный закон, поскольку Конвенция, имеющая преимущество, недвусмысленно установила такой порядок, определив в этом важном вопросе приоритет гражданства (п. 2 ст. 42 Конвенции). В этом заключается одна из аномалий применения Конвенции после присоединения Крыма. Этот международный договор применяется в отношениях между иностранными гражданами, поскольку в таких спорах, несомненно, присутствует международный элемент.

Вред из правомерных действий, в силу ст. 42 Конвенции, необходимо взыскивать по месту на-

хождения ответчика, при этом она ничего не говорит о применимом праве. Крымскому суду, если претензия исходит от украинского лица, следует руководствоваться в этом смысле разд. VI ГК РФ, а именно ст. 1219 и 1220, согласно которым применяется законодательство места причинения либо предвидимого наступления вреда.

Если дела о возмещении, например, упущенной выгоды иницируются в Крыму по причине неисполнения договоров, заключенных во время действия Гражданского кодекса Украины, т.е. до 18 марта 2014 г., когда соответствующий иск подается украинским лицом, то, на первый взгляд, применимой будет Конвенция о правовой помощи 1993 г. и ее коллизионная норма о праве места совершения сделки (ст. 41). Более интересной представляется диспозиция, если заявителем требования выступает российский субъект, а ответчиком будет житель Крыма – россиянин либо находящаяся в Крыму, перерегистрированная в соответствии с законом Российской Федерации компания. Полагаем, что в этом случае Конвенция применяться не должна, поскольку отсутствует так называемый иностранный элемент и речь идет о внутреннем споре.

Вместе с тем мы склонны считать, что никем пока серьезно не исследовался вопрос и временного, и территориального действия правопорядка. В этом смысле, например, договорные вопросы ответственности, в первую очередь возмещение убытков из соглашений, подписанных до 18 марта 2014 г., могут возникнуть позднее этой даты и проявиться в сфере действия российского гражданского права – нового законодательства места совершения сделки. Неудачными представляются формулировки Федерального закона № 258 (п. 2 ст. 21).

Само собой разумеется, что такого рода споры лучше всего предвосхитить официальными разъяснениями высшей судебной инстанции или особым законодательным актом, разъясняющим вопросы правоприменения. Если ответчиком выступает российское физическое лицо без статуса предпринимателя, причинившее вред либо неисполнившее договор, то возникает со-

ображение о применении положений не только Конвенции, но и разд. VI ГК РФ, регламентирующего отношения с иностранным элементом. Но можно ли, например, назвать таковыми отношения, регулируемые иностранным правопорядком в прошлом? Это зависит от правового подхода, который будут применять в конечном счете суды. Обычно данный процесс занимает немало времени, поэтому проблемы необходимо решать законопроектом и поправками в действующее законодательство.

Исковая давность, которая составляет по российскому праву три года, бесспорно уменьшит количество дел, когда суд должен учитывать фактор действия украинского законодательства, например, причинение вреда до 18 марта 2014 г. может отсекается вышеназванным сроком. Вместе с тем жизненные ситуации различны, исковая давность может прерываться либо приостанавливаться по действующему гражданскому праву, а знание о нарушении права по договору может возникнуть по прошествии многих лет.

5. Заключение

Выше были изложены лишь некоторые, самые важные правовые последствия вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. Они должны быть урегулированы таким естественным способом, как внесение различных дополнений в гражданское законодательство Российской Федерации. Изложение осуществлялось с точки зрения российского правопорядка, ожидаемых мнений судов Российской Федерации и отечественной правовой доктрины. Украинские источники намеренно не анализировались, поскольку диаметрально противоположная позиция украинских исследователей о принадлежности полуострова не позволяет проводить конструктивный и плодотворный сравнительный анализ.

Особое внимание в работе уделяется претензиям об убытках, посредством которых задействуется наиболее универсальный инструмент правовой защиты.

Список литературы

1. Гликман О.В. 2018. Международно-правовые аспекты отношений России и Украины. – *Евразийский юридический журнал*. №3 (118). С. 126–130.
2. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. 2014. Принятие Республики Крым и города Севастополя в состав Рос-

сийской Федерации. – *Государственная власть и местное самоуправление*. № 5. С. 37–42.

3. Евсикова Е.В. 2017. Административная ответственность по законодательству Республики Крым: доктринальный и прикладной аспекты. – *Вестник Краснодарского университета МВД России*. № 2. С. 118–122.

4. Кошкин А.П., Черданцев В.В. 2016. Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово. – *Вестник экономики, права и социологии*. № 2. С. 273–278.
5. Кулебякин В.Н., Воронин Е.Р., Николаев А.В. 2015. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г.: международно-правовые оценки и последствия. – *Московский журнал международного права*. № 1 (97). С. 11–28.
6. Лунц Л.А. 1949. *Международное частное право*. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 386 с.
7. Banai A. 2015. Territorial Conflict and Territorial Rights: The Crimean Question Reconsidered. – *German Law Journal*. Vol. 16. No. 3. P. 608–630.
8. Burke J., Panina-Burke S. 2017. The Reunification of Crimea and the City of Sevastopol with the Russian Federation. – *Russian Law Journal*. Vol. V. Issue 3. P. 29–68. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-29-68
9. Burke-White W.W. 2014. Crimea and the International Legal Order. – *Faculty Scholarship Paper*. No. 1360. 17 p. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2360&context=faculty_scholarship (accessed date: 18.08.2018).
10. Carswell R.D. 1959. The Doctrine of Vested Rights in Private International Law. – *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 8. No. 2. P. 268–288.
11. Cwicinskaja N. 2015. The Case of the City of Sevastopol: Domestic and International Law. – *Russian Law Journal*. Vol. V. Issue 3. P. 69–85. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-69-85
12. Hilpold P. 2015. Ukraine, Crimea and New International Law: Balancing International Law with Arguments Drawn from History. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 14. Issue 2. P. 237–270. DOI: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmv011>
13. Issaeva M. 2015. The Case of Crimea in the Light of International Law: Its Nature and Implications. Conference review notes. – *Russian Law Journal*. Vol. 3. Issue 3. P. 158–167. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-3-158-167
14. Marxsen C. 2016. The Crimea Crisis from an International Law Perspective. – *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal*. No. 2. P. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.18523/kmlpj88177.2016-2.13-36>
15. Oklopic Z. 2015. Introduction: The Crisis in Ukraine between the Law, Power, and Principle. – *German Law Journal*. No. 3. P. 350–364.
16. Pronin A. 2015. Republic of Crimea – a Two-day State. – *Russian Law Journal*. Vol. III. Issue 1. P. 133–142. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-1-133-142
17. Tierney S. 2015. Sovereignty and Crimea: How Referendum Democracy Complicates Constituent Power in Multinational Societies. – *German Law Journal*. No. 3. P. 523–541.
3. Burke-White W.W. Crimea and the International Legal Order. – *Faculty Scholarship Paper*. 2014. No. 1360. 17 p. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2360&context=faculty_scholarship (accessed date: 18.08.2018).
4. Carswell R.D. The Doctrine of Vested Rights in Private International Law. – *International and Comparative Law Quarterly*. 1959. Vol. 8. No. 2. P. 268–288.
5. Cwicinskaja N. The Case of the City of Sevastopol: Domestic and International Law. – *Russian Law Journal*. 2015. Vol. V. Issue 3. P. 69–85. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-69-85
6. Evdokimov V.B., Tukhvatullin T.A. Prinyatie Respubliki Krym i goroda Sevastopolya v sostav Rossiiskoi Federatsii [The Incorporation of Crimea and the City of Sevastopol into the Russian Federation]. – *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2014. No. 5. P. 37–42. (In Russ.)
7. Evisikova E.V. Administrativnaya otvetstvennost' po zakonodatel'stvu Respubliki Krym: doktrinal'nyi i prikladnoi aspekty [Administrative Responsibility under the Legislation of the Republic of Crimea: doctrine and applied aspects]. – *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2017. No. 2. P. 118–122. (In Russ.)
8. Gliksman O.V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty otnoshenii Rossii i Ukrainy [International Legal Aspects of Relations between Russia and Ukraine]. – *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2018. No. 3 (118). P. 126–130. (In Russ.)
9. Hilpold P. Ukraine, Crimea and New International Law: Balancing International Law with Arguments Drawn from History. – *Chinese Journal of International Law*. 2015. Vol. 14. Issue 2. P. 237–270. DOI: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmv011>
10. Issaeva M. The Case of Crimea in the Light of International Law: Its Nature and Implications. Conference review notes. – *Russian Law Journal*. 2015. Vol. 3. Issue 3. P. 158–167. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-3-158-167
11. Koshkin A.P., Cherdantsev V.V. Pravo na samoopreделение v politicheskikh kolliziakh sovremennosti: Krym i Kosovo [Right to Self-Determination in Modern Political Collisions: Crimea and Kosovo]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2016. No. 2. P. 273–278. (In Russ.)
12. Kulebyakin V.N., Voronin E.R., Nikolaev A.V. Gosudarstvennyi perevorot v Kieve v fevrale 2014 g.: mezhdunarodno-pravovye otsenki i posledstviya [The Coup d'état in Kiev in February 2014: International Law Context and Consequences]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2015. № 1 (97). P. 11–28. (In Russ.)
13. Lunts L.A. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International Law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR Publ. 1949. 386 p. (In Russ.)
14. Marxsen C. The Crimea Crisis from an International Law Perspective. – *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal*. 2015. No. 2. P. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.18523/kmlpj88177.2016-2.13-36>
15. Oklopic Z. Introduction: The Crisis in Ukraine between the Law, Power, and Principle. – *German Law Journal*. 2015. No. 3. P. 350–364.
16. Pronin A. Republic of Crimea – a Two-day State. – *Russian Law Journal*. 2015. Vol. III. Issue 1. P. 133–142. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-1-133-142
17. Tierney S. Sovereignty and Crimea: How Referendum Democracy Complicates Constituent Power in Multinational Societies. – *German Law Journal*. 2015. No. 3. P. 523–541.

References

Информация об авторе**Юрий Эдуардович Монастырский,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Севастопольский государственный университет

299053, Российская Федерация, Севастополь, Университетская ул., д. 33

monastyrsky@mzs.ru

ORCID: 0000-0002-6999-8150

About the Author**Yuri E. Monastyrsky,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at Department of Civil Law and the Process, Sevastopol State University

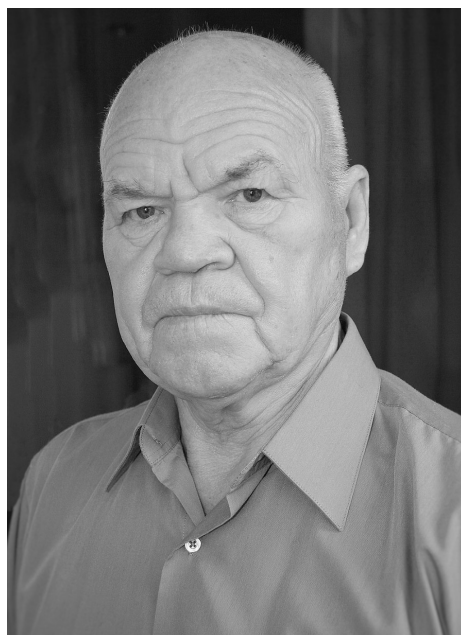
33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation

monastyrsky@mzs.ru

ORCID: 0000-0002-6999-8150

МОИСЕЕВ ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(1939–2018)

После продолжительной болезни 2 июля 2018 г. ушел из жизни почетный работник высшей школы, профессор, доктор юридических наук Евгений Григорьевич Моисеев.

Он был профессором кафедры международного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, членом исполкома Российской ассоциации международного права, членом диссертационных советов МГЮА, ИГП РАН, ИЗиСП, крупным специалистом в области таможенного права, права международной безопасности, защиты прав человека, права международных организаций. На эти темы им опубликованы десятки статей, в том числе за рубежом.

Профессор Е.Г. Моисеев – основоположник права СНГ. По правовым проблемам статуса и деятельности СНГ он защитил докторскую диссертацию и опубликовал несколько содержательных монографий.

В последние годы своей работы на кафедре международного права МГЮА он разработал

учебный курс «Таможенное право». Его перу принадлежит одноименный учебник для вузов, выдержавший несколько переизданий.

Евгений Григорьевич выступил соавтором другого, многократно переиздававшегося учебника для вузов «Международное публичное право», а также учебника для бакалавров «Международное право».

Им подготовлено более десяти кандидатских наук.

Е.Г. Моисеев родился 23 марта 1939 г. во Владимирской области. Учился в техническом училище, работал слесарем-инструментальщиком, служил в Советской Армии. После окончания ВЮЗИ учился в аспирантуре ИГПАН СССР. Затем преподавал в Калининградском государственном университете. Длительное время работал в Калининградском областном комитете КПСС.

С 1991 по 2005 г. был доцентом, а с 2006 г. – профессором кафедры международного права

МГЮА им. О.Е. Кутафина. На этой должности он внес неоценимый вклад в совершенствование учебного процесса. Им были разработаны инновационные учебные курсы, такие как «Право СНГ», «Международное интеграционное право», «Право европейской безопасности», «Международное таможенное право», и т.д. На его занятиях всегда был аншлаг.

Воспоминания

В 1991 г. я пригласил Евгения Григорьевича из Калининграда в Москву для работы на кафедре международного права ВЮЗИ. Рекомендовал взять его на кафедру профессор Ю.М. Колосов, с которым мы долгие годы были дружны.

В течение 20 лет Е.Г. Моисеев был заместителем заведующего кафедрой. К своим педагогическим и административным обязанностям он относился исключительно ответственно и творчески.

В Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина Евгений Григорьевич стал основателем учебной дисциплины «Таможенное право». Одноименный учебник,

подготовленный им же, является настольной книгой студентов многих вузов России.

Профессор Е.Г. Моисеев выступил основоположником и другого учебного курса – «Международное интеграционное право». Впервые в Российской Федерации он издал учебное пособие по этому курсу.

До последних дней Евгений Григорьевич не только занимался научной деятельностью, но и преподавал. Он более 50 лет читал общий курс международного права и ряд спецкурсов не только в МГЮА, но и в других ведущих высших учебных заведениях России.

Он был верным товарищем и никогда не предавал не только друзей, но и память о них. Уход из жизни Евгения Григорьевича – огромная потеря для международно-правовой науки. Трудно смириться с тем, что Евгения Григорьевича не стало, он всегда будет жить в наших сердцах.

*Профессор Камиль Бекашев
(с 1990 по 2017 г. заведовал кафедрой между-
народного права
МГЮА им. О.Е. Кутафина)*